

МАРИНА СЫЧЕВА

Паутина

родства

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С95

Сычева М.

С95 Паутина родства: роман / М. Сычева. — Ростов н/Д: «Издательство БАРО-ПРЕСС», 2013. — 320 с.

История, описанная в романе, назидательна для тех, кто слишком углублен в родословную, забывая о том, что человек – связующее звено между прошлым и будущим. И совсем не от заслуг предков, а от того, какое у него будет настоящее, зависит продолжение его рода.

В философско-психологическом контексте в романе рассматриваются вопросы наследственности, стрессовой устойчивости личности и переживания своей человечности на примере исторических личностей, преобразованных автором с точки зрения правды характера.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Во избежание подозрений в предвзятости

События и герои романа навеяны реальными историческими личностями и фактами, но имеют художественно-психологическую трактовку.

© Сычева М., 2013
© Оформление: «Издательство
БАРО-ПРЕСС», 2013

Птицелов поймал маленькую птичку, а та говорит ему:

— Отпусти меня! а за это я дам тебе три хороших совета.

— А ты не улетишь?

— Не улечу, поверь мне и послушай меня.

Согласился птицелов и отпустил птичку. Сев на куст, она заговорила:

— Помни, какое бы несчастье не постигло тебя, какой бы вред не испытал ты, не сожалей о том, что уже миновало. — И добавила: — А еще не верь тому, что противно здравому смыслу. Вот у меня в зобу есть кусок золота величиной с куриное яйцо. Если бы ты догадался зарезать меня и достать его, то мог бы, лежа, быть сытым до самой смерти.

— Ах, проклятый день, — сказал птицелов, закусив палец, — какой же я безумец, какой же я глупец!

Вспорхнув с куста, птичка хотела было улететь, как человек закричал ей:

— Куда же ты улетаешь! Условие было, что ты дашь мне три совета!

Отвечала птичка:

— К чему тебе третий совет, когда и первых двух не услышал? Вся-то я меньше куриного яйца, как же у меня в зобу мог поместиться кусок золота величиной с яйцо? Пусть бы это и было, то зачем ты пожалел о минувшем? Да будет это тебе третьим советом.

И птичка исчезла, полетев к морю.

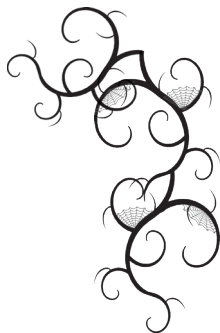
Старинная притча

Глава 1.

«Неожиданное знакомство»

Знание, как правило, путают с информацией. Так как люди ищут не знания, а информацию или переживание, они не могут найти знание.

Вы не можете не дать знание человеку, который достоин его. И вы не можете дать знание недостойному, ибо это невозможно. Вы можете подготовить человека для получения знания, если сами обладаете им и если человек способен.

*Идрис Шах. «Путь суфия»¹ —
Саид Наджмуддин*

Стоял знойный августовский полдень, давивший духотой и безнадежностью давно желанного дождя. По запруженному разнокалиберными автомобилями проспекту Нагибина, с переменным успехом, то

¹ Здесь и далее приведены высказывания суфиев. «Суфи» в переводе с арабского «шерсть», т.е. «суфий» означает «аскет», «человек в грубой шерстяной одежде — власянице»).

быстрее, то медленнее, то останавливаясь, то вовсе не двигаясь, следовала маршрутка. Духота салона вынуждала мужчин доставать носовые платки, а женщин придумывать опохала и устало водить ими в запаренном воздухе. Время от времени пассажиры не выдерживали тягомотных остановок, просились выйти, а пешеходы, видя распахнутые двери остановившегося транспортного средства, надеялись ускорить свое передвижение.

Напротив меня оказалась женщина. Ее облик мне показался знакомым — открытый взгляд серо-голубых глаз, незащищенный насмешкой или взыском, мягкий блеск волнистых рыже-каштановых волос, коротко остриженные и ухоженные ногти, хрупкость плеч, хрустальность лодыжек, уверенность движений. «Учительница, наверное», — подумала я, и мои мысли опять поплыли на своей волне. «Надо заплатить за квартиру и оформить подписку на полгода. Заодно уж деньги тратить... Все это я на главпочтамте и сделаю... Надо выйти на Лермонтовской, а там пешочком... Так жарко, доехать бы только поскорее!»

Медленное движение в пробке расслабляет пассажиров, но держит в постоянном напряжении водителей, старающихся изловчиться, чтобы держать дистанцию или перестроиться в нужный ряд. А уж когда машине удастся вновь набрать скорость, появляется спортивный азарт, водители несутся напереиз, иногда даже не глядя в зеркало заднего вида, а потом резко тормозят на светофоре.

И вдруг скрежет тормозов, глухой тяжеловесный удар металла, притянувший сзади сидящих к кабине водителя, потом резкий рывок, отбросивший всех назад. От сильного удара «кибитку» изрядно тряхнуло, и чей-то голос отразил всеобщий испуг: «Мы в автобус вляпались!» Водитель распахнул свою дверь, заматерился, люди запричитали, заголосили, затребовали открыть запасную дверь (а она ни в какую!), заколотили по стеклам. Потом мужчины зазвонили по телефонам, женщины заплакали и... затихли, оглядывая друг друга в ожидании «Скорой». Лютость сменилась состраданием.

Вскоре, минут через сорок, прибыла первая «Скорая», за ней вторая машина, легковушка ГИБДД. Словом, завертелось.

— Ну, что, все функционируют? — осведомился доктор, заглядывая в открытую дверь утомленной «Газели».

— Ты кончай базар, — нервный мужской голос с заднего сиденья одернул шутника. — Людям реальная помощь нужна!

— Ишь ты, умник!.. — по-молодецки запрыгнул в машину врач и осмотрелся. Услышав стоны с передней части машины, там, где место водителя, он обернулся и заторопил. — Давай вон ту девочку грузить на носилки, помогай.

«Бедняжка, она в беспамятстве, бледненькая совсем», — запричитали женщины.

Доктор смотрел на вещи оптимистичнее:

— Ничего, сейчас дискотеку² включим, и живо в больничку, а там... в теплые руки мастерам-самоделкиным³.

Мужчины помогли выбраться с переднего сиденья юной девушке в полубессознательном состоянии и затащили в «Скорую», которая тут же отъехала, мигая проблесковым маячком.

Следом за ним другой врач очищал от крови и конопатил прорехи и ссадины пострадавшим пассажирам, вкатывая кому «Анну Дмитриевну»⁴, кому на всякий пожарный случай противостолбнячное.

— Следующий! — командовал он. — Голова не кружится, не тошнит? Если подташнивает, увезем в больницу — борт готов.

Нас с «учительницей» повезли в больницу. Больничные процедуры маячили неотвратимо и неприятно. В одном только мне повезло больше, чем ей — у нее оказался перелом правой руки, а у меня левой. Стрессовая ситуация налицо, но несмотря на болезненную переломанность, сидя в «Скорой», мы встретились взглядами и нашли в себе силы улыбнуться — нам обоим оставалось держать в узде свои эмоции и больше ничего.

² Сирену и мигалки машины — (медиц. жарг.).

³ Травматологам — (медиц. жарг.).

⁴ Укол анальгина с димедролом — (медиц. жарг.).

— Стараюсь транспортом не пользоваться, на работу хожу пешком, а тут — на тебе! — ухмыльнулась моя новая знакомая.

— Кстати, я тоже, — поддержала я ее. — Все лето ходила пешком, ни разу городским транспортом не пользовалась, а тут мне в библиотеку поблазнилось, черти куда.

— А я за справкой на Северный съездила, — кивнула головой знакомая. — Теперь мне полное обследование проведут. Так некстати!

— Кстати, меня Юлей зовут, а вас?

— А меня Асей, — подруга по несчастью оказалась коммуникабельна и доброжелательна.

— Я филолог, журналист. А вы, простите, где работаете? — не удержалась я от вопроса.

— Я тоже филолог.

— Тогда, как коллеги, давайте на «ты»?

— С удовольствием. Я совсем не хочу важничать, — она улыбнулась в ответ. — Но я не журналист, я преподаватель.

— Ты, наверное, в институте преподаешь?

— Почему ты так решила? Впрочем, ты права, — было заметно, что Ася с трудом сдерживается от боли, но старается подавить взвинченность. — Со мной постоянно что-то происходит...

— И со мной тоже, — я отметила собственную проницательность, и мне захотелось объяснить ее. — Ну, мне-то это на пользу. Я пишу романы, и

происшествия, такие, как сегодняшнее, могут подойти для монтажа частей и глав.

— Ты пишешь романы? Надо же! — удивилась моя собеседница.

— А почему тебя это удивляет?

— Нет, не удивляет, просто я сразу вспомнила одну свою знакомую, которая тоже писала прозу.

Наша машина подъехала к приемному отделению травматологии БСМП, и разговор невольно оборвался.

Дотошные больничные процедуры продолжались почти полдня. Оказывается, кто-то звонил в больницу по поводу происшествия, зам. губернатора взял оказание помощи потерпевшим под свой контроль, и мы с Асей поняли, что попали. Так как локти наши поломались не просто так, а со смещением, и требуется операция. Не сложная, но... «сами понимаете, после операции сразу же уезжать домой нельзя, нужно переночевать здесь». Нас определили в палату и выдали белье.

Поздно вечером, когда все процедуры по спасению наших с Асей рук завершились, мы опять разговорились.

— Та моя знакомая, о которой я тебе рассказывала, точно ушла бы отсюда домой, а не лежала бы, как мы с тобой. — Ася досадливо вздохнула.

— Как знать! Я не помню, ты называла ее имя?

— Это Анна Шагингиреева. Знакома она тебе?

— Н-н-н-ет. Не могу вспомнить. Наверное, она очень молодой автор?

Она улыбнулась и прочла.

*Гирей сидел, потупя взор;
Янтарь в устах его дымился;
Безмолвно раболепный двор
Вкруг хана грозного теснился.*

— Гирей, Шагингиреева... Очень романтично — герои пушкинского Бахчисарая воскресли из небытия.

*Младые девы в той стране
Преданье старины узнали,
И мрачный памятник оне
Фонтаном слез именовали.*

— Вот-вот. Ее фамилия берет начало именно оттуда, — сказала Ася.

Боль в руке у меня сразу куда-то ушла, и я почувствовала, что сейчас узнаю что-то очень необычное. «Как мне нужна такая история!»

— Какая интересная история! Ты долго общалась с этой женщиной?

— Около года. Но это действительно, женщина — роман. — Ася, сама того не подозревая больше и больше распаляла мой интерес. — Именно она заставила меня иначе воспринимать весь абсурд жизни.

— Как ты, говоришь, ее звали?

— Анной Михайловной. Вообще ее в Ростове знали.

— Я недавно в Ростове живу. И если ты познакомишь меня с ней, буду очень признательна.

— Она умерла еще в 2001 году.

— А как ты с ней познакомилась? Хотя ты говорила, что ты филолог...

— Дело не в этом. Я не столько «в» литературе, как «при». Но она помогала мне готовиться к сдаче кандидатского минимума по иностранному языку. Я с ней немецкий усиленно повторяла. Вот и познакомились.

Вечером вся хворь послеоперационных манипуляций выползла наружу и особенно почувствовалась усталость беспокойного дня. Освещение в палате стало приглушенным, надо было ложиться спать.

— Спасибо вам большое, тетя Зоя, — Ася благодарно посмотрела на палатную санитарку, с трудом натянувшую на нее блузку. — В палате жарко. Можно открыть окно?

— Так я форточку открыла, куда еще? Первый этаж, вдруг хулиганы какие залезут? — довольно странно ответила та, а потом, поохав об услышанном ДТП, участливо поправила простыню и на моей кровати и, подхватив ведро и швабру, по-бабьи благословила: — Поспите, девочки.

Как только за ней захлопнулась дверь, а потом в коридоре смолк тембр ее голоса, Ася поднялась и начала складывать в сумку вещи.

— Ты куда собираешься? — удивилась я.

— Мне надо домой. — Не поворачиваясь, быстро ответила она.

— Сбежать надумала?

— Юль, мне, правда, очень надо домой!

— А ты добежишь после наркоза и с гипсом?

— Я такси вызову и доеду. — Она была непреклонна.

— А до утра нельзя подождать? Может, и я тогда вместе с тобой отсюда рвану?

— Нет, мне надо уехать сейчас. Поможешь, если что?

— Помогу, если пойму, чем помочь, — неуверенно согласилась я.

— Покарауль в коридоре, чтобы никто не зашумел. А то оправдываться перед дежурным врачом...

— Хорошо, только ты сначала такси вызови, а то будешь ночью на улице стоять одна.

— Спасибо тебе, Юлечка. Если свой номер телефона оставишь, я тебе позвоню.

Мы обменялись телефонными номерами и тепло попрощались. Ася решительно дернула ручку двери. Потом еще. И еще судорожнее. Но так бывает только в сказках: дверь оказалась снаружи заперта.

— Это что, новая мода, запирать двери в больнице? — ужаснулась я.

— Это тетя Зоя! — тяжело вздохнула она.

— Откуда ты знаешь, как ее зовут? — поинтересовалась я.

— Я ее давно знаю. Мы когда-то жили в одном доме.

— Так она специально дверь заперла, как ты думаешь?

— Я не знаю, что думать, мне надо сбежать и все. — Она снова начала дергать дверь.

— Это не дело! — Я встала рядом с ней и забарабанила в дверь. — Немедленно откройте дверь!

За стеной захихикали. А в коридоре никакого движения.

— Отоприте дверь! — снова закричала я.

— Ну, пожалуйста! — с отчаянием в голосе поддержала Ася.

Противоположная стена тут же ворчливо отозвалась:

— Бессовестные, людям спать надо!

Кто-то из своей палаты вышел в коридор и ругнулся, дескать, надоели ему эти вопли.

— Надо что-то делать! — Ася напряженно опустилась на кровать.

— Потрясающе! С таким я еще не сталкивалась!

— И не столкнулась бы, если бы ни я, — усмехнулась Ася. — Мне всегда так «везет».

— Да уж нам обеим! Знаешь, все они сейчас, наверное, даже не подозревают, в какой ситуации мы с тобой оказались.

— Надо что-то придумать! Иначе катастрофа. — Ася прижала к себе гипсовую руку и начала раскачиваться.

— Ну, катастрофы-то, конечно, нет...

— Понимаешь, я должна во что бы то ни стало быть сейчас дома! Хоть из окна прыгай! — Она рванулась к окну. — А до земли не так высоко... Юль, у тебя правая рука цела, постарайся открыть окно.

Наша палата располагалась хоть и на первом этаже, но чтобы залезть на подоконник, надо было бы взгромоздиться сначала на стул. Я прыснула от смеха, когда представила себе загипсованную женщину средних лет в прыжке из окна травматологического отделения. Ася, не обращая на мои звуки никакого внимания, тоже дергала оконную раму.

Окно открылось, она решительно шагнула на стул, потом на подоконник, села, свесив ноги наружу. Я в ужасе от возможных последствий ее циркачества успела только вскрикнуть:

— Не будь дурой, успокойся! Ну что тебя заставляет так бежать?

Она спокойно повернулась ко мне и произнесла:

— Юль, ты мне сумку сбрось потом, ладно?

Пока я ошеломленная вставала с кровати, она ловко спрыгнула вниз и удовлетворенно улыбнулась:

— Котик ждет, мой сын.

— Ты сумасшедшая, честное слово! Ну, что он не потерпел бы без тебя до утра?

— Сосед мой Вершинин трубку не берет, то ли его дома нет, то ли еще что-нибудь. А ребенок не потерпит до утра, понимаешь? Ну, ладно, такси уже подъехало.

Левой рукой она нащупала в сумке сотовый телефон и быстро проговорила:

— Да, заказывала, уже бегу.

Ситуативное доверие, возникшее по воле судьбы и стечения обстоятельств, быстро исчезало. «Надо же! — думала я после Асиного побега. — Она показалась мне спокойной, рассудительной. Слушала, сопереживала, вызывала мою откровенность и вдруг пустилась бежать без оглядки. Оригинальная комбинация свойств личности! И я хороша — говорю и говорю, как на исповеди! Нет, поступок, конечно, экзальтированный. Но ему тоже должно быть какое-то объяснение. Все-таки первое впечатление меня еще никогда не подводило. А эта женщина показала мне... Впрочем, это можно будет и проверить!»

Лето никак не хотело уходить из Ростова-на-Дону, и конец сентября выдался теплым и солнечным. Суббота радовала всех жителей города свободой, обещающей продолжение, и улицы шумели разноголосым гомоном.

После некоторого ожидания в дверях одного из кафе в Театральном парке наконец показалась Ася.

Она открыла дверь и, придерживая за руку, пропустила вперед малыша-дошкольника.

— У тебя такой маленький ребенок? — я была ошеломлена. — Мне казалось, что он должен быть... Внук, что ли?

— Да ладно! На бабушку я, наверное, не похожа в сорок лет? — усмехнулась она, и, понимая, что от ответа не уйдешь, серьезно добавила. — Это мой сын. Ну, а ты как, подруга по несчастью? Рука двигается нормально?

— Слава богу, все хорошо! Зато теперь понятно, куда ты бежала, сломя голову. — Я любовалась малышом и невольно завидовала Асиной роли.

Малыш смотрел на меня, хлопая пушистыми ресницами, и молча сжимал руку матери.

— Как тебя зовут, карапуз? — наклонилась я к ребенку.

— Он Ваня.

— Иван! Ты Ванечка? — Мальчик улыбнулся мне. — Он неразговорчив? — посмотрела я на Асю.

— Болтает он уже хорошо — ему же скоро два года, но сейчас тебя стесняется, — Анна погладила его вьющиеся светлые волосики. — Еще немного и с разговорами у нас проблем не будет. А сладкое мы как любим!

Мы переключились на пирожные с кофе и болтовню о качестве кондитерской продукции.

— Послушай, — поинтересовалась я, — ты одна его растишь?..

— Одна. Ну и что?

— А как же работать успеваешь? — я старалась говорить беззаботно.

— Он помогает. Мы с Ванюшкой вместе на работу ходим.

— Куда, в институт, на лекции?

— Ой, да я... — она опустила голову, а потом решительно посмотрела мне в глаза. — Я уже не работаю в институте. Я теперь воспитательница в детском саду.

— Вот это я хорошо понимаю. Кстати, малышу именно такая мама и нужна. Правда, денег немного мама приносит, но, наверное, папа зарабатывает?

— Нет, Юль, я сама.

— Подожди, ты взрослая женщина, у тебя ребенок маленький, ты что, пособий никаких...

— Я справляюсь.

— А отец у ребенка есть? — осторожно спросила я.

Она засмеялась и ответила:

— Ты веришь в то, что он мог родиться от святого духа? Есть, конечно, но живет не с нами.

— Понятно. Он бросил вас...

— Это мы с Ваней бросили Георгия, — перебила она меня.

После долгой паузы я не могла не уточнить:

— И отец, конечно, на него не претендует?

— Не претендует. С ребенком хлопот знаешь сколько? Поэтому, я думаю...

Я поняла, что Ася попала в нелегкое положение и обсуждать его подробности сейчас она не хочет. Поэтому, сделав общеизвестный вывод, что мужики

сволочи, я решила переключить внимание своей знакомой на ту тему, которую она затронула в больнице и которая касалась ее необычной знакомой.

— Аня, ты в больнице начала рассказывать одну очень интересную историю, — напомнила я.

— О Шагингиреевой, да?

— Ну, конечно. Необычная у нее фамилия.

— Как и сама ее носительница, поверь.

— Может быть, все-таки это ее литературный псевдоним?

— Она считала себя из рода татарских ханов Гиреев. Последней из Гиреев.

— Интересно, почему она считала себя последней?

— Она была одиноким человеком. Вот так в начале двадцать первого столетия и закончился род Гирея.

«Ну это она так считала! — Подумала я, но не озвучила свои предположения вслух. — У каждого уважающего себя хана, как известно, был гарем. Жёны рожали детей, наследников престола».

— В слове «Гирей», — произнесла я вслух, — налицует «гарем». Кроме того, Гиреев, насколько я выяснила, было много — и в Турции, и на Кавказе...

— Но у нее род из крымских Гиреев, — вспомнила Ася. — И мне кажется, что имя Шагин... она упоминала. Но не могу сейчас с уверенностью сказать.

— Неужели все-таки наследница Шагин-Гирея?
— Ты, я вижу, интерес к этой теме уже проявила.
— А как же! Только вот о твоей знакомой информации маловато.

— Я же говорила, что она не очень популярна в литературных кругах. Но если хорошо поискать в архивах Публичной библиотеки, то можно найти и прочесть ее повесть. Она называется... что-то связано с параллелью... и когда-то наделала много шума.

Я вспомнила, что американский писатель Дос Пассос тоже прибегал к параллели — у него «Сорок вторая параллель».

— Она о природе ураганов пишет? — уточнила я.

— Скорее, о природе социального урагана. О лагере в Хибинах. Но у нее романы есть.

— Опубликованные?

— Да, правда в конце жизни.

— Фантастика! И почему мне никогда не встречалось это имя? Надо обязательно поинтересоваться.

— Вообще-то она подписала свою первую повесть другим именем. Не помню сейчас... Может быть потом она что-то выяснила такое, что заставило ее уточнить свое имя?

— Или свою подпись?..

— Ты не веришь в то, что она может быть действительно из рода Гиреев?

Мне не хотелось разочаровывать мою новую подругу, поэтому я сказала так:

— Верю. Иначе я бы не взялась разыскивать сведения о ней. Но все эти сведения... Вот, например, ты говорила, что она считает себя потомком именно последнего хана. А этот Шагин-Гирей и вовсе был лишен титула «хан».

— Я, конечно, не знала таких подробностей, но она очень гордилась им. Именно как обладателем могущественной власти.

— Да, конечно, власть у него была, но ведь это было, бог знает когда. Что было после этого Шагин-Гирея? И живы ли его продолжатели рода?

— Знаешь, люди составляют довольно ветвистые генеалогические деревья, — предположила Ася. — Видимо, она знала, о чем говорит.

— А потомков у нее точно нет?

— Насколько мне известно, нет. Да и подруг, сама понимаешь.

— Ну общалась ведь она с людьми?

— Общалась. И мне что-то о себе рассказывала.

— Вот я и подумала, что ты могла бы уточнить какие-то детали, которые затерялись в перипетиях времени и без которых образ этой женщины останется неполным. А может быть меня твои воспоминания наведут на источники, в которых материал и надо искать.

Конечно же, мне надо было найти ключ к пониманию необычной судьбы этой женщины и узнать, в чем причина ее жизненных мытарств. Безусловно,

биографическая жизнь и определяет своеобразие человеческой личности и ее неординарность.

— Хорошо. С чего начать? — согласилась Ася отправиться в наше большое плавание в водах неизвестности чужой судьбы.

— Начни с момента знакомства с Анной Михайловной. Как вас свела судьба? — я отодвинула свой кофе, тарелку с пирожными и облокотилась на стол.

Ася посадила Ванечку, который уже начал нетерпеливо крутиться на стуле, к себе на колени и открыла перед ним ярко иллюстрированную книжку. Она рассказала о том, как обратилась к одной знакомой, преподававшей на кафедре иностранного языка медицинского института, с просьбой найти педагога, который бы смог подготовить ее к сдаче кандидатского минимума за не слишком большую плату. Эта знакомая и порекомендовала ей Анну Михайловну.

— Так она работала в мединституте? — обрадовалась я возможности найти более подробную информацию.

— Нет, она не работала там. Я не слышала, чтобы она состояла на государственной службе. Мой бывший муж, кстати, по этому поводу очень возмущался.

— А ему-то какая разница?

— Он считал, что надо было идти традиционным путем и договариваться с тем преподавателем, ко-

торый будет членом экзаменационной комиссии.

— Но ведь тебе неспроста посоветовали обратиться именно к ней?

— Лингвисты, которые ее знали, тогда поддерживали ее таким образом. Все-таки частные уроки — это заработок. Но должна сказать, что языки она знала хорошо. И обучала доступно и грамотно. Говорили, что она закончила филфак Ленинградского университета, а это во все времена — очень хорошая школа.

— А сколько ей тогда было лет, что она уже не работала?

— Дело не в этом. Она большую часть своего трудового возраста провела в сталинских лагерях, а потом стала нетрудоспособна.

— И не только морально, я думаю, но и потому, что не смогла никуда устроиться на работу, — понимающе уточнила я.

И Ася рассказала, как состоялось ее первое знакомство с Анной Михайловной Шагингиреевой...

«Преподаватель кафедры иностранного языка, моложавый, сухой, в претендующих на интеллигентность очках, с бесстрастным лицом бесцеремонно оглядел меня с головы до ног, а потом чванливо заключил:

— У нас с вами, Ася Викторовна, нынче отношения рыночные. Я вам услугу сделал, а вы мне?

Я на всякий случай улыбнулась, не понимая серьез он или шутя, и спросила:

— Я что-то должна вам за услугу?

— Что-то? Я исхожу из расчета, что время — деньги, сказал он серым голосом, поверх моих глаз. — Всякие другие знаки внимания мне кажутся пошлыми.

Неловкость непонимания разрешилась, когда я достала из кошелька пятисотрублевую купюру и протянула благодетелю, нашедшему для меня преподавателя немецкого языка.

— Спасибо, «пятихатка» тоже деньги, — коротко и ясно ответил он, вложив купюру в карман пиджака. — Пойдемте в соседнюю аудиторию, там вас ждут.

Мы направились в смежную аудиторию. В небольшом классе за преподавательским столом сидела щупленькая старушка с пронзительным взглядом.

— Вот, Анна Михайловна, познакомьтесь со своей новой ученицей, — казалось, что он считал своим жизненным кредо быть бесстрастным.

Старушка перевела на меня взгляд, а посредник быстро ретировался, не попрощавшись.

— Здравствуйте! Меня зовут Ася, — начала я вежливым звонким голосом, как новоиспеченная ученица, — и мне нужна ваша помощь. Я должна...

Анна Михайловна, горделиво облокотившись на спинку стула, неожиданно перебила меня:

— Дверь была не закрыта, и я случайно услышала ваш разговор с этим наглецом. Напрасно ты так ему ответила, Ася!

— А что же я, по-вашему, должна была ответить?

Я никак не ожидала такого поворота разговора, да и сама обстановка незнакомого мне вуза как-то не располагала к обсуждению поведения одного из его работников.

— Мало ли что может ответить женщина такому плебею! Что бы она ни сказала, она будет права. Тем более, что нельзя давать повод, чтобы хоть кто-то видел в тебе слабое существо, которому нужно помогать, подыскивать для него место в жизни. — Она перевела взгляд в окно и продолжила. — Однажды в лагере, я была политзаключенной — мне такой урок дала княжна Н. Мы разговаривали с ней и с Зоей Федоровой, актрису ты такую, конечно, знаешь. И тут к нам подошел один мерзкий тип и начал бесцеремонно приставать с всякими скабрёзностями. Княжна прервала свою утонченную речь и зарядила его матом. Да так смачно, что тот оторопел от неожиданности. Но сразу отошел от нас. Зоя Федорова ужаснулась: «Как вы так можете, моя дорогая?» И у меня тоже глаза округлились. На что княжна совершенно бесстрастно ответила: «Если вы хотите

выжить здесь, девушки, вы должны освоить и этот язык!»

— Да уж, манеры у княжны не шарман были.

В глазах Анны Михайловны засверкало возмущение, и она вынесла вердикт:

— Девочка, и ты должна это запомнить, а не морализировать! Тебе надо было его просто отшить.

От неожиданности я, как пятиклассница, захлопала ресницами, а она так же быстро смягчив свой взор, предложила:

— Так, ну что ж, обратимся к немецкому. С какой целью ты принялась его изучать? Эмиграция?

— Нет, мне надо поскорее сдать кандидатский минимум.

— Где именно, при каком ученом совете, ты должна его сдавать? Хотя это не так важно... Лучше скажи, это ведь тебе, действительно, нужно?

— Да, мне это интересно, — подтвердила я.

Мы с Георгием жили в довольно старом с виду доме. Дом был тихий, на его этажах никогда не были слышны перебранки, а из окон в летние вечера не доносились ругательства. Его строили в годы послевоенного восстановления страны, а значит, с надеждой на долгие мирные и счастливые времена. Первыми поселенцами дома стали преподаватели университета и заслуженные работники образования. Кое-кто из них и сейчас жил в своих квартирах. Других пережили их дети и внуки, но дух науки и

стяжания научных званий до сих пор витал по лестничным маршам.

Мы с мужем купили квартиру и поселились на третьем этаже пять лет назад. В нашей квартире две комнаты. Из просторной прихожей попадаешь в большую, а из нее в меньшую. Кухня с увитым виноградом балконом смотрит в тихий уютный дворик. Мы въехали в этот дом, сменив одиноко почившего в бозе бывшего профессора математики. В своей новой квартире, очищенной от старой мебели и вещей, на антресоли я случайно нашла пачку старых писем, аккуратно перевязанных носовым платком и пролежавших в темном углу с 1959 года. Письма были адресованы бывшему хозяину, Вениамину Андреевичу, от некоей Нины, которая, по всей видимости, удерживала его сердечное внимание на протяжении долгих лет.

Письма не умеют молчать. Почему-то я, перечитав их, решила для себя продолжить образование и уйти в научную деятельность. Позавидовала тщеславию и одержимости этой Нины? Ощутила собственную пустоту и нехватку внимания мужа? И потом, мне было безумно жаль оставлять аспирантуру Казанского университета, когда мы перебрались жить в Ростов. И теперь я решила завершить начатое когда-то давно дело.

А потому, не говоря ни слова мужу, я решила попробовать восстановиться в научной деятельности.

Получилось. Состоялось и творческое взаимопонимание с научным руководителем. Короче говоря, моя работа вышла на завершающий этап, и надо было срочно сдавать положенные экзамены. Как ни странно, муж, узнав о моих научных интересах, не стал возражать и куражиться. Может быть, он просто не придавал значения моему новому увлечению, в котором я, наконец, нашла отдушину от домашней рутины. А может, и из чувства гордости, что жена будет соответствовать его статусу.

Но мне показалось, что Анна Михайловна «прочла» мое настроение в один миг, она ничего не уточняла, только спросила:

— Где ты живешь?

— На Каяни, чуть не доходя до Советской. В районе Нахичевань, — я так волновалась, что даже жестом показала направление движения от мединститута. — Недалеко от драмтеатра.

— Ага. Это хорошо. Хорошо, что не на окраине. Я буду приходить к тебе два раза в неделю. И это будет стоить..., — она так затянула паузу, что я испугалась ее цены и заторопилась обозначить рамки чудаковатой преподавательнице.

— Я слышала, что за урок сейчас берут...

— За уроки берут по-разному, — безапелляционно перебила Анна Михайловна. — А я буду брать за проезд и еще... обедать у тебя.

— Хорошо, я не возражаю. А деньги?

Она, казалось, не слышала вопроса собеседницы, а как-то задумчиво продолжала знакомить меня с условиями договора:

— Я ем немного. В лагере за восемнадцать лет пребывания у меня совершенно расстроилось пищеварение. Я не могу есть борщи, торты, жареное, соленое — мой желудок, к сожалению, не принимает вкусной еды. Но я всегда ем граммов сто сыра, черный хлеб и зелень. Пью чай. Понемножку кашу. Ты же умеешь готовить?

— Надеюсь, вам понравится.

— А я обещаю, что ты сдашь свой кандидатский минимум очень быстро. Я не ошибаюсь в счастливых прогнозах.

Договоренность с Анной Михайловной о частных занятиях вселила в меня некоторую надежду. «Только вот ее категоричность..., — думала я по пути домой, вспоминая сцену встречи с представителем гуманной профессии. — Она, наверное, всегда была одинока. И в этом ее беда... Главное, чтобы она так категорично не относилась к моим знаниям на уроках, а то... А что, собственно, такого случится? Тот парень был хмур и невежлив со мной. Возможно, она права. Может, и надо было отшить его?» Мысли потекли потоком и безостановочно кружили вокруг одного и того же сомнения: «Я даже не знаю, что я должна была ему ответить? Ну, не послать ведь его лесом, так сразу?»

По контрасту с моими мыслями из подъезда дома навстречу мне, улыбаясь, вышел наш сосед, профессор психологии университета Вершинин Алексей Иванович. Самый настоящий университетский преподаватель, верный своему делу и не расставшийся со своим реноме будучи на пенсии, он по-прежнему консультировал аспирантов и докторантов, принимая их у себя среди огромного количества книг и сурово-скромной мебели. Примечательно, что даже в скептическом настрое его не покидало ровное настроение и чувство легкости.

— Здравствуй, красавица! — произнес он торжественно. — Отчего невесел взгляд, кто обидел невольпад?

— Здравствуйте, Алексей Иванович! Да задумалась о своем, о женском.

— Задумчивость не всегда украшает женщину, помните об этом, Асечка. Это удел мужчин, — весело заключил сосед, а потом заговорщицки продолжил, поправляя очки в тонкой золотистой оправе и погладив вычурную седую бородку, — по крайней мере, задумчивость создает глубокую бойцовскую складку между бровей, а вам эта самая складка ни к чему.

— На самом деле я тоже так думаю, — в тон ему заговорила я. — Но вот..., — и тут я почему-то решила поделиться с ним своими впечатлениями. — Как вы думаете, должна ли женщина отправить подаль-

ше мужчину, если он явно перебрал, вымогая деньги за посредничество?

— Если мужчина начинает просить денег у женщины, он перестает быть мужчиной, — спокойно констатировала «психология».

— Ага, значит, с ним можно не церемониться и послать...

— Вопрос в том, — перебил меня Вершинин, — сможет ли женщина оставаться женщиной при этом разговоре.

— Вопрос другой, Алексей Иванович. Сможет ли женщина не расстраиваться и не напрягать ту самую мимическую морщину между бровей после такого разговора.

Сосед широко улыбнулся:

— Еще как сможет! Если она умная женщина, то сразу поймет, что перед ней бедолага, эмоционально травмированный еще в далеком детстве. Детство у него, по всей вероятности, было тяжелым, многого не хватало, отсюда и потребность всегда что-нибудь подзаработать. — Вершинин посмотрел как-то растроганно и продолжил. — А если эта женщина еще и чертовски привлекательна, как ты, моя дорогая, то она все вопросы может решить с улыбкой. — Потом в его глазах промелькнула какая-то догадка, и он осторожно уточнил. — Ася, ты не в ЖЭУ была?

— Почему вы так решили?

— Я просто подумал: там подобные испытания прописаны как пеня — отдельной колонкой к перечислению услуг. А я вот прогуляться вышел — верхние соседи дихлофосом скоро доконают. Окна открыл настежь, хоть и холодно уже, а сам думаю, лучше подышу на улице. Ну не драться же с этими ненавистниками насекомых!

— В самом деле, — ответила я не вполне конкретно и посмотрела на часы. — Ну, я пойду.

— Только не комплексуй, обидчики того не стоят, — дружелюбно подытожил сосед.

В силу разных обстоятельств мы с Асей встречались очень редко, утопая в ночных телефонных беседах, длящихся по часу и даже дольше, приглушенных, чтобы не разбудить Ванечку. Интерес по делу ханской семьи Шагин-Гирея побуждал меня к следственно-разыскным работам в библиотеке и интернете, но от разговоров с Асей я получала не меньшее удовольствие, чем ковыряние в желтых газетных листках или беглом электронном тексте.

— Ты, по-моему, говорила, что она отбывала наказание...

— В Хибинах в Пермской области. Но вроде бы не только там...

— Ну, если ты помнишь Пермскую область — это уже кое-что.

— Это как раз просто. Я ведь сама с Камы, там недалеко и Пермская область. Кстати, именно поэтому я ее и расспрашивала о Хибинах.

Тут Анна сказала, что приехала в Ростов-на-Дону только в 1996 году, когда вышла замуж.

— Я родилась в Татарии, в городе Набережные Челны.

— Когда ты родилась, я была школьницей. И в Норильске, где я тогда жила, только и говорили о строительстве КАМАЗа. Сколько знакомых людей уехало на эту стройку!

— Я тоже являю собой результат активного участия моих родителей в строительстве КАМАЗа, — добавила моя собеседница. — Они тоже тогда поддались призыву и приехали строить завод.

— Они у тебя живы? — поинтересовалась я и подумала: «Как мне сразу в голову не пришло спросить ее о родителях? Они могли бы помогать своей дочери в воспитании Ванечки...»

— Они разошлись. Мать умерла рано. А отчиму я не особенно нужна, — она старалась избегать неприятных воспоминаний.

«Наверное, Асю с Анной Михайловной связывала дружба еще и из национальных соображений, — смекнула я. — Хотя это может быть и простое совпадение».

— Ты татарка?

Она помотала головой в ответ и улыбнулась:

— Русская и православная. Ты думаешь, в Татарии живут только татары? Набережные Челны переполнен людьми разных национальностей.

— Ну, просто полный отчет! Ты крещеная, по убеждению?

— Да я не первая в роду крещеная. Но я не могу сказать, что придерживаюсь каких-то жестких традиций. А потом, ты сама понимаешь, за период атеизма многое ушло на дальний план. Кстати, я не могу вспомнить, придерживалась ли когда-то Шагингиреева мусульманской веры. В мечеть точно не ходила и хиджаб не носила.

— Асечка, скажи, Анна Михайловна сразу призналась тебе в том, что имеет такие неординарные корни?

— Во всяком случае, она их не скрывала. И, конечно, знала, что я «не графского рода».

— Интересно, как она отнеслась к тому, что ты простого происхождения?

— Да она как-то и не спрашивала меня об этом. Юля, разве это имеет значение?

— Для большинства людей имеет, но ты права, это сейчас ни к чему.

— В наших давних и довольно редких разговорах о ее древнем роде она вела себя как дочь Чингисхана, и думаю, персоналии моих родителей не вызывали у нее интерес.

— Ну, еще бы! Ханы и холопы. Я слышала, что люди даже генетическую экспертизу проходят, чтобы доказать свою причастность к роду Чингисхана, а тут...

Я спохватилась, что моей собеседнице могут быть неприятны мои выводы:

— Да, история — вещь коварная, а главное, очень долгая, — я решила увести разговор в сторону. — Расскажи что-нибудь о себе!

— Ну, уж моя история не такая презентабельная, как Анны Михайловны Шагингиреевой, — в голосе Аси прозвучали резкие нотки. — Но я обязательно поищу дома свои записи занятий с нашей неизвестной княжной. Может быть, они тебе пригодятся?

— Конечно, пригодятся. Я буду признательна тебе за любую помощь.

— Если я что найду или вспомню, я тебе обязательно позвоню.

— Я буду считать тебя своим соавтором, ладно?

Глава 2. «Шагин-Гирей»

Суфий Абу Тахир Харами въехал верхом на осле на базарную площадь. Его ученик следовал за ним. Вдруг какой-то человек, указывая пальцем, закричал: «Смотрите, сюда едет старый шайтан!» Ученик Харами, разгневавшись, обругал клеветника. Вслед за этим разгорелась перебранка.

«Если ты перестанешь ругаться, — сказал суфий, успокаивая ученика, — я научу тебя, как раз и навсегда избавиться от таких переживаний».

Они направились к дому старца. Войдя в дом, шейх велел ученику принести шкатулку с письмами. «Погляди-ка, — сказал суфий, открывая шкатулку, — все эти письма адресованы мне. Один человек называет меня «Шейхом Ислама», другой «Величественным учителем», а вот здесь какой-то почитатель даже называет меня «Мудрецом Обоих Святилиц». И это еще далеко не все письма.

Обрати внимание: каждый называет меня здесь так, как он обо мне думает. Но я не имею никакого отношения ко всем этим титулам. Имена, которые люди дают тому или иному человеку, отражают их собственные представле-

ния об этом человеке. Именно этим и объясняется поведение того несчастного на базаре. Ты же затеял с ним ссору. Ведь он вел себя, как все люди, — это их основное жизненное правило».

*Идрис Шах. «Путь суфия» —
Мунаджиб эль-Арифан*

В Воронеже вдоль дороги, по которой должен был ехать из Таганрога Шагин-Гирей, выстроились в ряд кареты местной знати с ярко одетыми дамами. Несмотря на июльскую жару никто не расходился. Уже ближе к пяти часам полудня прошел слух, что гости близко, и тогда едва сдерживаемая толпа граждан из любопытства посмотреть на крымского хана стала заполнять городскую площадь. Все хотели увидеть гордого татарина, отрекшегося от ханства в пользу России, хотя кроме визуального интереса никаких дружеских чувств к нему не питали.

Неприязнь к долгоиграющему неприятелю не давала потомку татарского ханского рода и помыслить о зарождении прижизненной или посмертной симпатии в сердце русского человека. Еще бы! Жители Крыма только после смерти императора Петра впервые увидели русских как победителей. А крымские ханы допетровских времен, взявшие на себя роль поставщиков русских рабов и отправившие в Османскую империю не менее трех миллионов душ населения, могли рассчитывать на почет только на другом берегу Черного моря.

Русско-турецкие войны самые частые в истории нашего государства. Их на момент перехода Крым-

ского государства под юрисдикцию России состоялось уже шесть. Это в общей сложности 34 года сражений. Причем воинственных 12 лет не принесли России побед, а 22 победных для славян года раззадорят и подтолкнут Османскую империю к разжиганию еще семи войн. Впереди Россию ждут еще пять побед, и еще 29 лет будут с неприязнью смотреть на недалекие мусульманские берега русские воины, принужденные рисковать своей жизнью и свободой.

Прошло только пятнадцать лет со времени последней наглой вылазки Керим-Гирея, еще были живы те, кто пострадал от нее⁵. Всего через пятнадцать лет Россия аннексировала Крым, а вместе с возмущениями султанской знати о неприкрытом нарушении Кючук-Карнайджийского мира и призывами к новой войне имя Шагин-Гирея покрыто позором⁶.

⁵ Зимой 1769 года конница Крым-Гирея совершила последний набег, уведя в полон 624 мужчины и 559 женщин, порубив 100 мужчин и 26 женщин, а также уничтожив на Русской земле 1190 домов, 4 церкви, 6 мельниц, более 6 тысяч четвертей хлеба и более 10 тысяч пудов сена, угнав 30 тысяч овец и коз, 1557 лошадей.

⁶ В турецком издании «Исламские государства и династии» о Шагин-Гирее написано очень коротко: «Шагин-Гирей хан — четвертый сын Ахмед-Гирея, 49-й правитель Крымского ханства, пораженный и изумленный Европой и Россией знаменитый щеголь. Изменник Родины, казнен на острове Родос, достоин презрения».

Первым о приближении Шагин-Гирея известил отряд казаков в синих мундирах и с пиками. Далее следовали двадцать восемь наездников на прекрасных скакунах, ведомых в поводу четверкой, и великолепный боевой конь хана. Процессию продолжал экипаж хана, запряженный шестеркой лошадей, растянувшихся длинной вереницей, а завершали пышный эскорт груженные повозки.

Шагин-Гирей был одет просто. Скромное черное верхнее платье хана по-мусульмански просто объясняло огорчение о случившемся. Награды, пожалованные ему императрицей, он не надел. Ему не хотелось покидать Крым, а затем Тамань, близкие сердцу места, но мятежи его подданных принудили к этому шагу. «Да засохнет род ногайцев! — сжимал кулаки хан, потерпевший поражение. — Да наступит в ваших домах черный день!» Русские оказали Шагин-Гирею неоценимую услугу, спасая жизнь всей его большой семьи от взбунтовавшихся ногайцев. И если бы не князь Потемкин и не граф Суворов, навсегда усмирившие около двенадцати тысяч восставших, он не стоял бы сейчас под воронежским солнцем...

Его отец, Мехмед-Гирей, погиб очень рано. Но нет худа без добра. Вдова хана Мехмед-Гирея смогла уехать с сыном из Адрианополя, древнего поселения султанской Румелии, в Фессалоники, а затем

в Венецию, чтобы дать будущему хану редкостное для татар светское европейское образование. Горизонты его познаний расширялись чтением книг, знакомством с памятниками старины, интересом к точным и естественным наукам. В дальнейшем, незаурядные дипломатические способности, да еще и знание итальянского и греческого языков позволили Шагин-Гирею в начале русско-турецкой войны 1768–1774 годов стать калгой, то есть заместителем хана, своего дяди Керим-Гирея, и править в своей ставке в Ак-Мечети, что в Симферополе.

Непросто было постоянному вассалу Великой Порты Крыму быть посредником между сильной Россией и братской мусульманской Турцией. Россия же в то время задалась целью отсечь татар от Порты и способствовать созданию в Крыму независимого государства. Императрица Екатерина хотела «лишить тем Турцию ея правой руки». Все понимали, что здесь нужна особая дипломатия.

К тому же изменилась и политическая сцена Крыма. Могущественный Керим-Гирей умер, и его место занял Селим-Гирей, который наотрез отказался сотрудничать с Екатериной, боясь разрушить отношения с Турцией. Тогда по указу императрицы войска князя Долгорукого ворвались в Крым и заняли все крымские города. Сила русского оружия убедительно доказала свой перевес. Турки под дав-

лением русской армии ушли из Крыма, с ними бежал и Селим-Гирей.

Шагин-Гирей вышел из тени, когда его старший брат Сагиб-Гирей был выбран вместо Селим-Гирея, и ему, к тому же, удалось подчинить себе и Ногайскую орду. Воспользовавшись положением калги, посланник дипломатической миссии в Петербург, Шагин-Гирей обаял русское великосветское общество.

Двадцатипятилетний калга Шагин-Гирей, знакомый с европейскими обычаями и законами, овладевший манерами европейца, блестяще провел переговоры с Россией. Екатерина в те дни писала Вольтеру: «У нас теперь здесь калга-султан, брат независимого крымского хана. Это молодой человек лет 25-ти, чрезвычайно умный и желающий образовать себя... Этот крымский дофин самый любезный татарин: он хорош собой, умен, образован не по-татарски, пишет стихи; хочет все знать и все видеть. Все полюбили его. Он не пропускает ни одного спектакля, по воскресеньям после обеда бывает в монастыре (Смольном) и смотрит, как танцуют воспитанницы».

Только теперь, когда ему оказали почести и дали денег, когда о нем узнали царский двор и Европа, Шагин-Гирей вознамерился создать Бахчисарайскую империю по масштабам Чингисхана. 21 апреля 1777 года в битве при Кара-су он вырвал ханскую власть. Надо сказать, что он серьезно относился к монетам своего государства и государственной пе-

чатью, на пример нищего Тома Кенти, не колол орехи. Независимый хан преобразовал диван⁷, потом поделил ханство на шесть каймаканов⁸ со своими правителями. Каймаканы разделил на 44 кадылыка⁹. Затем занялся войском, введя воинскую повинность, а потом ввел гвардейскую полицию. И не забыл упорядочить и подчинить себе состояние финансов. Правда, метод был чересчур авторитарным.

Вполне разумная задумка о перенесении столицы ханства из горного Бахчисарая в приморскую крепость и порт Кафу¹⁰ тоже взбудоражила татарскую гражданственность. «Размах Македонского, — язвили уязвленные и отверженные, когда в Кафе начали работать литейный и пороховой заводы, а монетный двор чеканил собственные деньги.

В ответ на действия Шагин-Гирея оппозиция сказала: «Не нравится нам это!» и начала воевать с ним. Хан боролся за любовь народа, подразумевая при большей власти большую любовь. Выколачивая любовь к себе, он явно пилил сук, на котором сидел, даже не осознавая этого. Диктатор не участвовал в популистских акциях, не шел на уступки. Впрочем,

⁷ Государственный совет при султানে.

⁸ Округов.

⁹ Районов.

¹⁰ Современная Феодосия.

уступки за счет захваченной власти не вдохновляли его. Его моральный капитал — в его идее экономического и политического преобразования Крыма. Но в кладовой народной памяти его идеи выглядели «не по-татарски» — «Зачем хан ездит в карете, а не верхом на лошади? Почему у него чужеродный европейский облик? Почему он прячет свою бороду под широкий галстук? Неужели он стыдится ее? Он должен быть таким, как мы! Мы хотим оставаться, какие мы есть!» Ему показали, что он взялся не за свою игру.

Толпы мятежников рассеивала русская армия. И после сурового подавления татарских восстаний Крым оказался совершенно разорен. Путешественников изумляло буйство южной природы при очевидном безлюдье на восхитительной территории.

С самого начала ханского правления было очевидно, что Шагин-Гирей обречен на поражение. Европейски образованный правитель не дочитал в молодости Цицерона. А тот когда-то предупреждал: «Для сохранения и удержания власти самое подходящее из всех средств — быть любимым, самое несообразное — внушать к себе страх». Но изменить плачевный результат он уже не мог, и не потому, что его усилия были такими уж глупыми, а потому, что в тот момент они работали против него — нелюбимого «европейского барина».

В итоге, долго доказывая Екатерине свою преданность, вступая в бой с турками, проявляя вос-

точную хитрость и романскую образованность, крымский хан Шагин-Гирей продал татарскую независимость за двести тысяч рублей ежегодного жалованья. Так он распорядился полученным в битвах своим могуществом. 8 апреля 1783 года высочайший манифест Екатерины II возвестил Европе: «Сим и другими завоеваниями жертвовали мы тогда ради возобновления доброго согласия и дружбы с Портой Оттоманской, преобразив на тот конец народы татарские в область вольную и независимую. Но ныне известно нам, что Порта Оттоманская начинает исправлять власть на землях татарских. На острове Тамани чиновник ее, с войском прибывший, присланному от Шагин-Гирея хана публично голову отрубить велел и жителей тамошних объявил турецкими подданными. Поступок сей уничтожает прежние наши взаимные обязательства о вольности и независимости татарских народов. И по долгу попечения о благе и величии Отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, равно как и замену и удовлетворение убытков наших, решились мы взять под державу нашу полуостров Крымский, остров Тамань и всю Кубанскую сторону».

Формула «Государство — это я!» двусмысленна по своей сути. С одной стороны, можно считать себя слугой № 1 этого государства, а с другой, — считаться только со своими потребностями и прихотями. Хоте-

лось бы думать, что Шагин-Гирей не столько использовал ханское служебное положение в личных целях, сколько служил ему. Но тогда как быть с присягой татарских вельмож «себе любимому» в неограниченном самовластии и собственно ханскими аппетитами, которые он воинственно оберегал? И на этот вопрос с понимаем его сути ответила Россия.

В Крыму России скандальный хан стал не нужен, и она предложила ему перебраться от греха подальше в Херсон, чем своенравный татарин пренебрег, а отправился в Тамань. Таманские ногайцы, вспомнив о крупных поступках Шагин-Гирея в Байчисарае, взбунтовались, узнав о прибытии его с ханскими чиновниками и новоявленными гвардейцами-биш-леями. Железный стержень, который беглый хан мог теперь вбить на Таманском полуострове, воспринимался его братьями, султанами Батыр-Гиреем и Арслан-Гиреем, а вместе с ними и ногайским народом как роковая беда. Под пушечные выстрелы Шагин-Гирей спасся в объятых коменданта керченской крепости Филисова. А императрица немедленно настояла на будущем местожительстве Шагин-Гирея, теперь уже городе Воронеже, куда он с большой неохотой, почему-то через Таганрог, и отправился 15 мая 1784 года.

Толпа затихла в точном следовании русской истине: «Лежачего не бьют!» Шагин-Гирей обвел

взглядом площадь. Он слыл человеком с сильным характером — очень жестким и даже жестоким. Несомненно, все происходившее вызывало у него напряжение и удивление, но он смотрел равнодушно и относился к ситуации с самообладанием тридцатидевятилетнего человека. Бормоча сквозь зубы учтивые выражения хозяевам города, хан-отшельник поднялся по ступеням роскошного дома, назначенного для его пребывания.

Пока народ разглядывал вороных скакунов и татарские седла, украшенные драгоценными камнями, наверху особняка, в большой трапезной зале за подковообразным столом, уставленном разными яствами, собрались гости и хозяева города. За здоровье важного гостя пили красные и белые вина, и под конец обеда лицо Шагин-Гирея просветлело. Он был любезен, шутил, смеялся, произносил витиеватые тосты. Когда подали кофе, слуги хана принесли кальяны, и в воздух поднялись восточные ароматы пальмарозы, корицы, пачули и ширазского табака.

Энергия ароматов склонила к медитации, упраздняя суетное и мелкое, пробуждая комфорт одиночества, и Шагин-Гирей погрузился в размышления. Ванильно-пряные запахи навеяли о Крыме, о славных днях его побед, о женщинах, их чудесных молочных телах и душистых газовых накидках. «Айше — жена моя, моя жизнь! Ты подобна

незатейливому и негордому цветку Крыма, который совсем не так роскошен, как цветы садовника, но зато ты верно цветешь на моем поле, источая аромат детства. Это запах нежной любви. Так пахло от моей матери, любящей меня искренне и беззаветно. Айше — это шум прибоя и раскаленный песок, утопающие в ее печальной песне».

Среди разных причин, роковым образом повлиявших на судьбу Шагин-Гирея, на его взлет и падение, женщины заслуживают особого внимания. Он любил женщин. Он изливал свои чувства возлюбленным женам в художественной манере романтиков, будучи безусловно искренним, подчас чрезмерно и даже утомительно из-за обилия словесной бижутерии. Но потом вдруг не по-азиатски остановился на одной из них. Последняя его жена стала для него верным другом. Их дружба и любовь продолжались уже семь лет. За эти годы она родила ему сына Хасана, его гордость и надежду на будущее, и двух дочерей — Алтын и Емне. Жена Шагин-Гирея никогда не была его наложницей, он не покупал ее, как остальных девушек гарема, и не завладел ею силой. Она полюбила его от всего сердца и стала ему верной, а по сути дела, и единственной женой.

— Позови Айше! — приказал Шагин-Гирей своему верному Рашиду.

— Слушаю, господин, — покорно кивнул слуга и поспешил в сторону женской половины особняка.

Шагин-Гирей отодвинул кальян и растегнул верхние пуговицы шелковой рубахи. «Сейчас, шурша шелковой юбкой и дыша сладким ароматом духов, войдет моя Айше!» — мечтательно улыбнулся он...

Как-то во время поездки в Чуфут-Кале Шагин-Гирей остановился с небольшим отрядом бишлеев возле небольшого селения караимов, живущих мирно, ветхозаветно и обособленно. Хан спешил и решил войти в один из домов. Дверь его оказалась открытой, а в гостевой комнате, куда они прошли вместе с молодым гвардейцем Рашидом, никого не оказалось.

— Мир вам! — громко воскликнул Шагин-Гирей, окликая хозяев.

В комнату, запыхавшись, тут же вбежала девушка лет шестнадцати с длинными волнистыми волосами ярко-рыжего цвета. «О, Аллах! Какое чистое, простодушное и доверчивое лицо!» — вздрогнул от неожиданности Шагин-Гирей, но потом с напускной суровостью спросил ее:

Ты одна живешь?

— Н-н-е-т, — растерялась она, но не опустила голову. — С родителями и братьями.

— Позови их, — распорядился Шагин-Гирей.

Девушка схватила с лавки большой белый платок и, нервничая, стала поспешно покрывать им голову.

— Сейчас позову, — она натягивала на ноги обувку, непослушный платок скользнул с головы на пол, и волосы рассыпались по плечам.

«У нее волосы с лучом солнца», — Шагин-Гирей, улыбаясь, молча наблюдал за ее непосредственной поспешностью.

— Где же они все? — поинтересовался Рашид, оглядывая комнату.

— Они в кенаса, на молитве, — не поворачиваясь к незванным гостям, отозвалась молодая хозяйка дома, — но я сбегая за ними.

— А ты почему с ними не пошла? — слуга придержал ее за руку в дверях.

Девушка покраснела и от этого стала еще красивее:

— Я не могу с ними ходить, я дома молюсь.

— Оставь ее, Рашид, пусть бежит. Я тебе потом объясню, почему она дома молится.

Девушка быстро выбежала на улицу, не закрыв за собой дверь, а Шагин-Гирей с восхищением посмотрел ей вслед.

— Красивая! И девственница, раз не ходит с родственниками в свою кенаса.

— Значит, когда вернется, заберем с собой или как, господин? — с готовностью к любым действиям обратился к хозяину бишлей.

— Я сам за ней приду, — покосился хан на Рашида. — Пойдем отсюда, пока они не вернулись.

На другой день хан предстал перед девушкой в простом платье негоцианта и назвался купцом из Генуи. Перемежая свою речь итальянскими «*La donna mia*» и «*La rossa rosa*» он так понравился своей избраннице, что она с замиранием сердца ждала его визита у речки Чурук-су, что вьется между светло-серых обрывов отвесных скал и образует мощные причудливые изваяния. Куда ей было догадаться, что речка связывает их жилища — внизу, в относительно широкой части ее долины располагается Бахчисарай, а сверху — столица караимов Чуфут-кале и ее селение. Возможно, дружелюбная природа и предопределила их встречу.

Ласки искушенного в любви мужчины сделали свое дело, и когда хан пришел в ее дом с намерением взять в жены, она не противилась его обману, а испуганным и удивленным родителям восторженно ответила: «Я люблю его!»

«Она не правоверная, да еще и из караимов! И имя у нее Тохтар — не для ханской жены!» — Наушничала свита. «Почему ты отдаешь предпочтение ей, чаще бываешь с ней и даже на людях?» — раздражались другие жены. «Она скоро примет ислам и я дам ей другое имя. Замолчите! какое вам дело до моего выбора? А-а-а-а? Она любимая жена, запомните это!» — грозно пресек разговоры Шагин-

Гирей, оберегая рыжеволосую красавицу и своего будущего желанного ребенка.

Шагин-Гирей потерял Крым. Две тысячи его воинов, его двор и гарем остались на Тамани. Он окружен какими-то незнакомыми людьми, видимостью дружбы. Он понял, как обманулся, согласившись на переезд. «Зачем я сюда приехал? Какая у меня здесь будет роль? Вон они как глазели!» — сокрушался хан, сидя в объемном кресле и глядя куда-то вдаль, когда вошла Айше и положила руки ему на плечи:

— Наконец-то мы одни.

Шагин-Гирей взял ее ладонь и привлек к себе на колени:

— Ты моя радость, Айше! Мне было бы невыносимо здесь без тебя.

— Спасибо тебе, любимый, что ты не обрек меня на разлуку. Это большое счастье быть рядом с тобой.

— Даже здесь?

— Я испытываю огромную страсть к тебе, мой любимый. Эта страсть кончится только с моей смертью.

— Я хотел власти, чтобы быть самым богатым человеком, и не только в Крыму. Но ведь теперь я потерял свое величие, да еще и увез тебя в эту глушь, — Шагин-Гирей старался глубже заглянуть в

глаза своей жены. — Но поверь мне, там оставаться было небезопасно!

Айше провела рукой по его волосам. Она одна знала, что его черная, коротко стриженная борода еще не означает его свирепости, а его глаза могут излучать добрый огонек любви.

— Я знаю, — мягко улыбнулась Айше, — что ты поступил так, как лучше нам. Ты отказался от власти, от постоянной вражды и угроз, но ты сохранил достоинство.

— О, Аллах! Почему они не приняли тех изменений, которые превратили бы их в самых богатых людей мира?!

— Твои новшества были слишком новыми. Они не успели к ним приобщиться.

— Но ведь та жизнь была такой архаичной, ее необходимо было менять!

— Но, дорогой мой, откуда им было знать это? — грустно улыбнулась Айше. — Им далеко до тебя...

— Они так тупы, что даже не понимали, насколько нынешняя ситуация стала опаснее именно для них? — прошептал Шагин-Гирей.

— Чем глупее моя служанка, тем больше она может ранить остальных. Видимо, это жизненный закон: плебеи готовы убить не только господ, но и их талантливые идеи.

— Но ведь братья мои — ханы, а не служанки и не плебеи!

— Кто знает, какой страх их угнетает, как рабов? Кем они запуганы?

— Ну не мною же!

— Постарайся не нервничать. Их злость не блещит, а извивается, как змея. Все еще образуются.

Шагин-Гирей опустил голову:

— Каждый совершает в своей жизни множество ошибок. Я совершил только одну и буду расплачиваться за нее всю оставшуюся жизнь. Я потерял власть, деньги, спокойствие... И теперь никому до меня нет дела. Как можно жить дальше, зная, что ты пустое место?

Айше охватила ладонями его лицо, повернула к себе и твердо произнесла:

— Выход обязательно найдется, потерпи. Ты не должен думать, что ты пустое место.

— Пойми, — он взял ее за запястья и с отчаянием проговорил. — Я подобен заключенному. Я без власти и влияния, я вверг династию в несчастье. И я не могу сидеть и спокойно ждать своей смерти. Надо подумать, как выпутаться из этой ситуации.

— Сейчас надо довольствоваться тем, что есть, — Айше поднялась и подошла к окну.

— Нет, надо подумать об Османской земле, хотя это и рискованно. — Шагин-Гирей решительно встал и начал расхаживать по комнате. — С другой стороны, султан не так непримирим, как его брат

Мустафа. Он тише своего брата. Пока правил Мустафа, Абдул-Хамид был затворником в своем дворце, целыми днями молился и не вникал в государственные дела. За десять лет, пока он сидит на троне, янычары получают скудное жалованье, а он и не торопится начинать войну, чтобы дать им заработать себе деньги и славу.

Шагин-Гирей улыбнулся довольной улыбкой и посмотрел на Айше:

— Сейчас самое время ехать туда!

— Но мы еще не успели пожить здесь. Наверняка, здесь много хороших людей. Может быть, жизнь и наладится?

— Ты рассуждаешь, как настоящий караит: все люди — братья.

— Возможно, эти люди через некоторое время станут для тебя братьями...

— Эти? — Шагин-Гирей взмахнул рукой в сторону окна. — Не знаю, а там действительно мой брат.

— Доверие которого, я думаю, ты уже потерял.

— Но доверия здешних вельмож я тоже не обрел. Абдул-Хамид по духу мне ближе, чем все русские вместе взятые.

Айше задумалась, а Шагин-Гирей продолжал:

— Ты в чем-то права. Но там я, по крайней мере, не буду выглядеть пугалом, на которое озираются прохожие на улицах Воронежа.

— Но в каком качестве ты можешь предложить себя султану Абдул-Хамиду? — Айше пыталась понять мужа. — Дипломатического посланника?

— А почему бы и нет? Я хорошо знаю европейские правила. Разве я не умен? У меня есть, наконец, жизненный опыт!

— Вот опыт твой его и будет смущать.

Шагин-Гирей нервно зашагал по комнате:

— Нет, мой опыт — это испытание властью. Оно дается не каждому, а я уже в двадцать лет получил в полное подчинение Ногайскую орду,¹¹ людей и ее богатства. Со мной, тогда еще сераскиром¹², считалась старшая знать! Я научился ладить с беями, потомками Чингизидов и очень богатыми людьми, и с дворянскими родами. Они давали мне деньги, без которых я не смог бы ничего изменить в моем государстве. Неужели султан не примет во внимание мои заслуги? Мы с ним братья-мусульмане.

— Но он турок, а ты татарин, — перебила мужа Айше и почти шепотом добавила. — Понимаешь? Та-та-рин!

— Но мы одной веры! — вскричал Шагин-Гирей.

— Это понятно. Но турки всегда считали татар мусульманами самого низкого ранга. Как вы, татары, нас, караимов.

¹¹ Территориально огромная часть ханства, простирающаяся от рукавов Дуная до Кубани.

¹² Верховным администратором.

— Тебе этого, Айше, не понять. Ты женщина и не можешь советовать мне в таком непростом деле.

— Конечно, мой повелитель. Мой отец любил одну персидскую поговорку: «Хороший совет упрямцу подобен ветру в клетке, или воде в решетке».

— Ты считаешь меня упрямцем? — остановился Шагин-Гирей около окна.

— Ты нервничаешь, а поэтому не можешь объективно смотреть на ситуацию. Когда ты немного успокоишься, у тебя обязательно появится какое-нибудь решение. Но знай, какое бы ты ни принял решение, надумаешь ли остаться здесь или уехать, я приму его с радостью и буду любить тебя, как и прежде.

— Я тоже буду любить тебя, моя Айше. Но я не могу жить только любовью к женщине. Мне нужна власть. Я привык к ней и не хочу от нее отказываться. Мне нужна любовь народа, и я буду за нее бороться, как только представится случай.

— Ты одержим этой идеей! И она может погубить тебя, мой господин. Пойми, ту любовь, о которой ты говоришь, надо или завоевывать огнем и мечом, или покупать. Это наша любовь к тебе — моя, Алтын, Емне, Хасана, твоей матери Фатимы — не требует ни того, ни другого. Завоевывать любовь народа Крыма у тебя не получилось. А покупать ее,

значит, покупать постоянно, не переставая платить. Для этого надо иметь громадный капитал. Тебе никто не даст такой возможности — делать покупки за государственный счет, наживая при этом моральный капитал себе.

— Так что же ты мне советуешь, вовсе не думать о турецком берегу?

— Я думаю, что ты уже нашел для себя какие-то приемлемые в нашем положении резоны. Но если ты надумаешь ехать в Турцию, то речь может идти о сотрудничестве с султаном, а, ни в коем случае, о соперничестве с ним. Я уверена, что он тоже борется за любовь своего народа и не допустит никаких уступок тебе.

— Знаешь, Айше, за что я люблю тебя больше всех женщин на свете? За твою прямоthu и непосредственность. Ты только что вынесла приговор своему супругу, даже не моргнув глазом.

— Я вынесла приговор не супругу, — попыталась улыбкой сгладить обиду Айше. — Я вынесла его неугомонному забияке, которого очень люблю и не хочу потерять.

Шагин-Ширей обнял супругу, давая понять, что не хочет больше говорить о делах. Но мысли о Турции в его голове засели прочно: «Турция! Надо ехать в Турцию! Перебыть там и собраться с силами, а потом все равно вернуться в Крым и снова завоевать его. Но сначала надо написать султану письмо. Может быть, даже покаяться в прежних грехах.

Пройдет некоторое время, и вот тогда жизнь наладится!»

Получив согласие от султана Абдул-Хамида на свой приезд в Адрианополь, Шагин-Гирей засобирался в Турцию. Не возражала против этого решения и императрица, помышляя о присвоении Крымского полуострова и устранении возможного претендента на власть. Тем более что с приходом русских в Крыму стали возникать новые города, расцветать брошенные земли, строиться шикарные дворцы русских дворян.

Испытав мытарства, связанные с переездами через российские, украинские, польские и румынские города, получив разрешение султана 27 января 1787 года вступить в турецкие владения, ссыльный хан со своим гаремом и двором прибыл на историческую родину, в Адрианополь.

Окруженный почетом и султанской милостью, Шагин-Гирей получил дворец в Чифтилин, в родных землях Румелии¹³. Всем казалось, что там, несмотря на враждебные взгляды единоверцев, он нашел покой и славу. И все же беспокойный дух бывшего хана через несколько месяцев счастливой жизни дал о себе знать.

¹³ Турецкая провинция на Балканах.

Рашид, вернувшись с ответным письмом Шагин-Гирею из французского консульства, застал госпожу Айше в глубокой скорби: ей недавно сообщили о том, что ее супруг умер при неизвестных обстоятельствах.

— Горе нам, Рашид! — заламывала руки Айше. — Я знала, что буду раскаиваться в том, что мы приехали сюда.

— Но госпожа, он здесь жил, как хан!

— Как сверженный хан, Рашид! И я всегда чувствовала это.

— Что вы чувствовали, госпожа?

— Не пытайся скрыть от меня, Рашид, у Шагин-Гирея последнее время был интерес к консульству французов, да? Что ты прячешь от меня сейчас? Ты должен передать письмо для него?

— Да, госпожа, — подтвердил Рашид.

— Он тяготился обществом необразованных людей, — упавшим голосом заговорила Айше. — Ему не хватало блеска европейских гостиных, ученых разговоров, общения с другими людьми. И он попытался найти это общение у французов. Только вот турки подумали, что он опять занялся политикой.

— Возможно, вы правы. Турки побаиваются европейцев. Но ведь его приглашали в общество великих людей Османской империи — богатых и влиятельных. И сейчас он отправился на Родос от-

дохнуть по высочайшей любезности самого султана.

— Да, он поехал с ними отдыхать, — Айше закрыла лицо руками и снова заплакала, — а был задушен шелковым шнуром. И все.

Рашид обнял за плечи свою госпожу и сочувственно проговорил:

— Я не оставлю вас, моя госпожа. Я сделаю для вас все, что прикажете.

Айше подняла на него заплаканные глаза и умоляюще сжала его руку:

— Пожалуйста, Рашид, помоги мне уберечь от смерти моих детей!

— Вы думаете, они могут посягнуть на их жизнь?

— А ты еще сомневаешься в этом? Пожалуйста, Рашид, увези их из этой страны.

— Моя госпожа! Если вы думаете о возможном возмездии, то оно может пасть только на голову светлейшего Хасана. Против дочерей Шагин-Гирея он не обратит свой гнев.

Айше с надеждой улыбнулась Рашиду:

— Значит, я не останусь здесь совсем одна. Ты прав, спасти надо Хасана.

— Но куда бы вы хотели, чтобы я его отвез? Я могу довериться только своим родственникам, оставшимся в Крыму.

— Собирайся в дорогу, Рашид. Пусть не погибнет род Шагин-Гирея. При первой возможности мы с девочками тоже уедем отсюда. А ты нам обязательно дашь весточку.

— Не беспокойтесь, госпожа, я сделаю, как вы велели. Хотя я не смогу проводить своего господина в последний путь.

— Ты вернешься за нами, Рашид? — в глазах Айше блеснули слезы.

— Не буду обещать, госпожа. Сейчас все говорят о войне с Россией. И возможно, она должна очень скоро начаться. — Он схватил Айше за руку и заговорил решительным тоном. — Госпожа Айше, собирайтесь и вы в дорогу. Вам надо бежать отсюда как можно скорее. Собирайтесь, и утром мы с вами уедем куда-нибудь в безопасное место.

— Нет, Рашид, — она освободила свою руку и сжала ее в кулак. — Я должна отдать почести Шагин-Гирею, а не трусливо бежать с его похорон. А ты поторопись.

— Я прямо сейчас постараюсь связаться с верным человеком, работающим в порту. Он только вардиан¹⁴, но он может помочь пристроить меня под видом гемиджедеса на фелюку¹⁵.

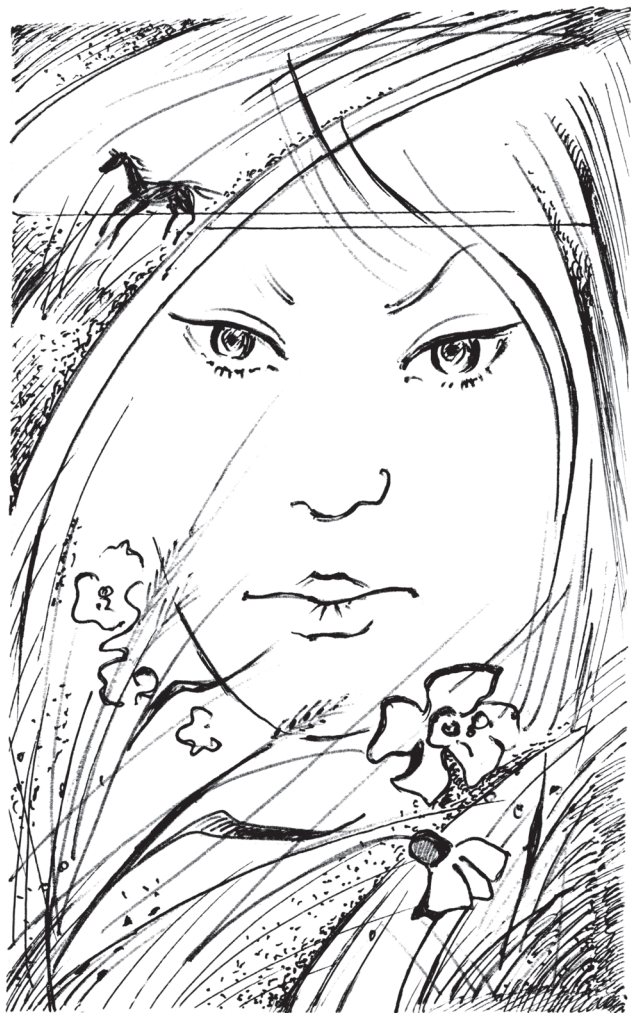
¹⁴ Нижний чин на военном корабле, передающий команде приказание дежурного офицера.

¹⁵ Матроса на баркас.

— Подожди, Рашид, — удержала его Айше. — Запомни, пожалуйста. На всякий случай. Мы совсем недавно с Шагин-Гирем решили, что... Он все-таки предвидел такой исход, как я сейчас понимаю... Если мы никогда больше не увидимся, — Айше остановилась и продолжала сдавленным от слез голосом, — скажи своим родственникам, пусть последний родившийся когда-нибудь у Хасана мальчик, мой внук, носит имя Хасан, а последнюю в его роду девочку пусть нарекут Айше. Обещай мне сделать это, Рашид.

— Не расстраивайтесь так, госпожа. Мы еще обязательно с вами встретимся! А сейчас соберите Хасана в дорогу, оденьте его попроще. И чтобы об этом поменьше знало людей. Утром я за ним приду.

Глава 3. «Поиски правды»

Ахмад ибн Ханбал был в преклонном возрасте и слаб здоровьем, когда какая-то еретическая партия захватила власть. Они попытались заставить его издать постановление, которое бы подтверждало истинность их взглядов.

Имам Ханбал отказался. Тогда они дали ему тысячу плетей и подвергли всевозможным пыткам. Эти мучения совершенно доконали его.

Незадолго до смерти его спросили, что он думает о своих палачах.

Он ответил: «Одно могу сказать: эти люди мучили меня, ибо были убеждены, что они правы, а я нет. Как можно осуждать тех, кто верит в свою правоту».

*Идрис Шах. «Путь суфия» —
Мунаджиб эль-Арифан*

Я достала из сумки распечатанный текст того материала, который удалось собрать, читая разные источники о Шагин-Гирее, и предложила познакомиться с ним Асе.

Ася внимательно прочла мои исследования и художественные изыски, а потом подняла на меня глаза и по-детски восторженно произнесла:

— Ну ты даешь! Где ты это все раскопала?

— Не заставляй меня сейчас называть все анналы, их великое множество. Главное, что они есть и я их раскопала. Но кое-что мне непонятно во всей этой истории и, возможно, ты это слышала от самой княжны Шагингиреевой.

— Ну, я, конечно, не обещаю, что так подробно смогу что-то изложить, это были устные беседы, и, разумеется, я их не записывала.

— Понимаешь, чтобы написать образ человека, надо знать не только исторические подробности его жизни, но и особенности личности, может быть во внешних проявлениях.

— Да уж, это была не безвольная или богомольная старушка. От нее исходила такая энергия жизни! Характер налицо. Раньше о молодежи пели, дескать «не задушишь, не убьешь». Но эти гимнические строки подходили ей лучше, чем многим молодым.

В Асином исполнении образ Анны Михайловны вырисовывался с точки зрения восхищения поколением, подвергнутым естественному отбору и оставившим в живых только способных выжить и дать жизнь. Слова «надо» и «должны» сформировали у максималистов той эпохи четкие представления о прекрасном будущем, о справедливом воздаянии, о непрерывности настоящего и будущего. Они не чувствовали естественных неудобств!..

— Подожди, — на позитивной ноте я перебила ее монолог, — а какими надеждами могла жить эта женщина, волей-неволей прописанная по адресу: «Тупик с окном в прекрасное будущее»? Чем питалась ее гордость?

— Ну вот, я и говорю, что именно такие по характеру люди и прошли все житейские невзгоды, не изменив себе, своей личности...

— Интересно, — спросила я Асю, — почему Анна Михайловна ссылалась на фамильную связь именно с Шагин-Гиреем? Какие основания у нее для этого были? Может быть, остались старые письма или какие-то амулеты? Перстень, наконец, с печатью правителя Крыма! Это был бы несколько театральный ход, но не нарушающий жанра моего романа. Мне кажется, в те времена люди понимали важность сохранения семейных реликвий. Знаешь, занимаясь этим материалом, я подумала, что уезжая из Норильска, выбросила всякие такие вещи, как старье. А теперь жалею. Напрасно, неужели бы не дотащила еще один пакет или сумку?

— Да, я бы тоже трепетно хранила что-то такое, что давало бы возможность моим внукам показать, как долог мой род. Но никаких доказательств родовой связи Анны Михайловны с этим человеком я не видела. Просто ее слова звучали уверенно и не вызывали сомнений. Да и почему я не должна была ей доверять? — Ася начала заводится и потому броси-

ла веский, на ее взгляд, аргумент. — В конце концов, газеты писали о ней и ее прошлом.

— Ну, раз публикации в газетах... Тогда, возможно, она журналистам и показывала что-нибудь. Согласись, ведь говорить о родственной связи с человеком, сомнительно великим...

— Ну, почему? Личность-то этого Гирея неординарная. Не такая, например, как я... или ты. В конце концов, тот убил независимость Крыма, другой 8 декабря 1991 года СССР, но личности убийц все равно вызывают интерес. — Ася сопротивлялась поиску в своей знакомой некомплементарных граней, и разговор заходил в тупик.

— Ну что ты кислишь, я не собираюсь писать очерк на передовицу, мне интересна многогранная личность. Ты же понимаешь, что этот Шагин-Гирей ни при жизни, ни после смерти, ни своими соплеменниками, ни чужими не был возведен на пьедестал? Вот поэтому я и хочу знать твое мнение, почему она подчеркивала свое родство с ним?

— Ну, вообще-то она не была глупой женщиной и понимала, что народная любовь — понятие относительное. Кое-кто лезет на пьедестал, не дожидаясь, пока привезут камень и скульптор начнет свою работу. Все-таки, богу — богово, кесарю — кесарево, а человеку — человеческое. Никто не обязан любить своих лидеров. Ладно еще полагаться на их разум, волю, эрудированность. Но вот любить... Будет лучше жизнь, будет и сохраняться политическая любовь. Так думают многие.

— То есть надо понимать, она знала, что Шагин-Гирей хотел сделать жизнь своих подданных лучше, и он не был бессердечным и жестким человеком? А историки переписали его образ на другой лад?

— Может и так. А может и иначе. Возьми, например, тягу нашего народа к сильной руке, как в поговорке «Бьет, значит любит». Голодные, раздетые, затравленные люди мчатся на избирательные участки, признаваясь в любви к тем, кто довел их до такого состояния.

— Да, но трагизм нищенской жизни, о которой ты говоришь, все равно подводит любящего человека к вопросу: а любят ли меня? И показная любовь рано или поздно исчезает.

— Оставляя чувство страха и поклонения!

— Вот как? Ты думаешь, мотивом объявления ее сопричастности с Шагин-Гиреем было именно это чувство?

— Почему бы и нет, могло быть вполне. Особенно в сталинское время. Хотя бы из желания дофантазировать свой реванш.

— В поисках Чингисхана?..

Я вышла на лоджию и посмотрела на плавно расхаживающих по Набережной прохожих, одетых в меха и теплые куртки. Наверное, градусов десять

мороза есть. Кажется, что снег у них под ногами хрустит, а раз хрустит, точно десять есть.

В начале ноября меня навещали мои мурманские друзья Миша с Леной, проезжавшие в Минводы через Ростов. Миша, теперь уже редактор той газеты, в которой я когда-то работала, а Лена журналист. Я обрадовалась этой встрече, мне захотелось посоветоваться, поговорить с ними о своем новом творчестве. Я надеялась, что они на обратном пути обязательно задержатся у меня в гостях подольше.

— Посмотрите, ребята, какой у меня обзор на Дон с лоджи! — хвасталась я месторасположением своей квартиры. — Взгляните, как птицы летят над рекой!

В то время донской пейзаж ничто не загораживало. Даль уходила на десятки километров к далекой западной степи, покрытой сизой пеленой наступающих холодов. Лена сразу заахала, что в этом есть несгинувшая, неповторимая, зашептанная небыль, а Мишка, он в своем амплуа.

— О, да это не обзор, это позиция, — он по-детски прицелился. — Она позволяет тебе, Юлия, подготовиться к стрельбе, при случае спокойно сменить патроны одной дроби на другую, да еще и проследить за падением подстреленной дичи.

После санатория они не заехали, но пообещали помогать мне в поисках материалов для романа. И на том спасибо.

Кофе почти остыл, но все еще источал аромат, как бы обряжающий меня в восточный наряд. По-

ток времени, в который я погрузилась в последнее время, словно создал непреодолимую стену. Я хочу постичь эту восточную историю, но я все время нахожусь в present continuous...

«Надо мысленно представить портрет той, о которой слышала столько легенд. Возможно, какие-то черты лица можно будет соотнести с ее образом жизни». Образ выплывал размытым, ничем не отличающимся от сотен девушек прошлого века. «Да что вспоминать, у меня есть копия ее фотографии, что Мишка где-то раздобыл!» — мгновенная мысль заставила оставить недопитый кофе и порыться в ящике письменного стола.

«Что бы сказала физиогномика, тем более что фотография девушки явно без ретуши?» — рука потянулась к карандашу, чтобы записать первые впечатления от нового опыта. Скуластая, с восточными черными глазами, темноволосая и коротко подстриженная. Волевой взгляд, чуть настороженный, несколько исподлобья, как будто говорящий: «Я тебя, жизнь, не боюсь!» Платье простого фасона, даже скорее массового образца, тоже говорит само за себя: «Вот какая есть — такая есть. Я живу и я есть».

Я обернулась — в книжном шкафу лежал альбом семейных фотографий. Да, там должен быть снимок материной сестры, которая никогда не была замужем. В силу обиды на своего молодого человека, а может, и чего-то еще... не знаю, не помню, но взгляд похож.

Вот этот снимок. Ну да, на фоне полуулыбки — неуловимая обида или огорчение, или напряжение от боли, причиненной близким человеком. Моя родственница так и осталась одна. А Анна Михайловна?

Когда я показала Асе фотографию Шахингиреевой, раздобытую через Интернет, она, недолго думая, сказала:

— А я думаю, ты права, в ее лице есть отпечаток одиночества. Ну кто долго выдержит гордеца?

— Она была высокомерна... — согласилась я с ней.

— И до конца своих дней. Может быть, только не со всеми. — Ася нахмурилась, а потом поделилась воспоминаниями. — Мама мне еще в детстве говорила, что излишнее тщеславие всегда ведет человека к одиночеству. Только я очень поздно вспомнила ее слова: «Чем значительнее человек, тем он скромнее держится». К сожалению, мой Георгий был другого мнения на этот счет.

Его родители занимали на момент нашего знакомства высокое положение в нашем маленьком, но значительном тогда городке. А познакомились мы с Георгием в школе. Я училась в пятом классе, когда на КАМАЗ из Казани в нашу, по его словам «дыру», приехала его семья. Отец Георгия тогда получил повышение по партийной службе. Это был человек, который даже по пространству школьной рекреации проходил «как хозяин необъятной Родины своей».

Родители Георгия живы-здоровы и по сей день живут вместе. А мои разошлись, когда я заканчи-

вала десятилетку. Отец встретил другую женщину. Мама сначала верила, что он вернется, потом поняла, что потеряла его. Попыталась устроить свою жизнь с другим человеком, а когда разочаровалась и в нем, сжалась вся от внутренней печали и заболела. Рак шейки матки.

Но тогда, когда Георгий пришел в наш класс, у меня никаких домашних печалей еще не было. Все девочки сразу обратили на новенького внимание — какой он хорошенький! А мальчишки уже тогда каким-то нижним классовым чутьем поняли, что столичному задаваке нужно пройти дворовую школу коммунизма. Взгляд его им не нравился — свысока. Не получалась у него естественная дружба. Все-таки где бы человек ни учился, школы жизни ему никогда не избежать. А коллективные меры воспитания начались с драки за школой, куда мы, девчонки, бегали разнимать дерущихся петушков и защищать своего нового героя.

Правда, по-настоящему его отбила от нападений наша завуч — Хурма Гимаевна. Да, она носила такое забавное ботаническое имя и, кстати, оранжевую прическу на голове. Видимо, черные волосы плохо прокрашиваются, потому на голове получается полная хурма. Она-то и объяснила всему классу принцип коммунизма. В общем, досталось нам всем — по возможности.

Мама после говорила: «Держись от этого Сабурова подальше!» Но ведь эти слова действуют как

раз наоборот! И после того, как Георгий переболел загадочным воспалением легких, пропустив месяц школьных занятий, мы встретились с ним на заледенелой дороге, признанной всей детворой округи «нашей горой». Снежки, каток — и мы стали лучшими друзьями.

— Так может быть, вам с Георгием сейчас не хватает этих самых снежков и катка? — осторожно поинтересовалась я.

Она помолчала и только проговорила:

— Да, скоротечно время детских забав...

В разговоре с Асей я поняла, что очень медленно продвигаюсь в сборе материала о Шагин-Гирее и его потомках. И, кроме того, это слишком отдаленное прошлое никак не выводит меня на личность главной героини моего будущего романа. Надо докопаться до истины, кто же были родители Шагин-гиреевой, по какой причине их не стало, какую роль они сыграли в ее судьбе.

— Ты общаешься со своим родным отцом? — спросила я как-то раз свою новую подругу.

— Больной вопрос.

— Ясно. Значит, нет.

— Он жестокий человек. В свое время он развернулся и ушел к другой. И с объяснениями особо не торопился.

Взял отпуск, съездил на юг. Через две недели вернулся и вдруг надумал перебраться туда, где был,

по-моему, в Краснодарский край. Позвал нас в дорогу. Но мама отказалась так сразу уезжать бог знает куда. Она, конечно, выслушивала объяснения отца, но говорила, что стихийные решения никогда не приносят пользы. И тогда в их жизни наступил вопросительный период.

— А обмен квартиры, а деньги на дорогу? — спрашивала мать.

— Почему ты думаешь, что мы не обменяем квартиру и не найдем денег? — отвечал отец, и деньги вдруг нашлись у его матери, моей бабушки, которая сроду не была банкоматом.

— Зачем надо ехать именно туда, а не в Ленинград?

— А почему ты думаешь, что в Ленинграде нам будет лучше? — Отец находил кучу причин, по которым в этих городах жизнь совершенно невыносима. Особенно инженеру-строителю.

— Виктор, признайся честно, ведь у тебя кто-то там есть. И ты хочешь под таким несуразным предлогом нас оставить?

— Может, у меня кто-то и есть, почему я должен вас оставлять? — отвечал наш мечтатель и долго не мог заснуть по ночам.

Было ощущение, что этому не будет ни конца, ни края.

Отец ходил отрешенный, потом сказал, что уедет сначала один, а мы можем приехать позже. Дал время подумать и решить.

Мать одно время даже надумала ехать за ним, прозондировала почву для своего увольнения, взяла обходной лист. Но мы так и не тронулись в это безумное путешествие.

Мы ждали его дни и ночи. Но в условленное время он так и не приехал. Написал письмо, что ждет там. А мама ехать не захотела. Может быть, интуитивно знала, в чем причина его отсутствия. Он у нас мужчина видный, женщинам нравится. Да и что лететь за ним, сломя голову!

Я очень переживала их конфликт. Ну, хоть со мной-то он мог бы видаться! А он просто ушел из нашей жизни и все.

Ася вздохнула и продолжила другим голосом.

— Мама такая добрая, искренняя. Она никогда не одевалась броско, но была такая добрая, тихая. Ну, а потом, после его ухода, в ней, как в женщине разочарованной, вдруг появилось некое мессианство, стремление всем помочь и всех спасти. Обычно неудачи не делают человека общительнее, а у нее наоборот. Так вот она и встретила неудачника, которого зачем-то пыталась вытащить из жизненной ямы. Мне он не нравился с первой минуты, думаю, что и она не воспылала к нему. Так, наверное, хотелось выйти замуж, чтобы поскорее забыть отца. А получилось наоборот. Внешнее и интеллектуальное сравнение было не пользу отнима. И началось... То тут болит у нее, то там. Замучил ее этот козел своими проблемами, и она не выдержала.

— Отец тоже женился, да?

— Женился, конечно, правда, не сразу. Но об этом я узнала совсем взрослой. Он однажды все-таки навестил меня. В институте, в коридоре. — На всякий случай Ася улыбнулась. — Я ему высказала все — и про то, как мы жили с матерью без него, и как мать умирала, и про то, что у меня будет совсем не такая, как у них, своя семья.

— И больше вы не виделись?

— Нет, — Ася неохотно процедила сквозь зубы. — Я ему однажды написала, живя в Ростове, он ответил, но на этом переписка прекратилась. Во всей этой истории мать жалко. Да и я отказалась принять жизнь после его отъезда. Моя жизнь будто бы остановилась, все полетело вверх дном. Вроде бы в институт поступила сама, должна бы переключиться на бурную студенческую жизнь. Казань — такой красивый город! Столько возможностей, столько могло быть ярких впечатлений! А у меня, как у старушонки: общежитие — учеба, учеба — общежитие. Да и когда вернулась в Набережные Челны, схема осталась та же. Если бы не Георгий. Мне понадобилось столько времени, чтобы вернуться к жизни! Но видно не такие уж большие изменения во мне произошли, раз он от меня ушел...

Что может облегчить страдания человека? Конечно, молитва к Богу. Но есть и еще один способ — откровенный разговор с людьми. Интересно, что аналогичные страдания знакомого человека порой излечивают кровоточащие раны намного быстрее.

На первый взгляд, это кажется чудовищным, но как часто, услышав от кого-то, что его жизненные приключения еще более тяжелы, невольно задумываешься: «Что же это я к Богу с такой пустячной просьбой?»

Лучшего способа, чем обратиться к народному способу лечения старых душевных ран, я в тот момент не нашла. Вернее, лекарство нашлось как-то само.

— Тебе будет интересно, что с родителями Шагингиреевой получилась похожая история, — обрadowалась я своей находчивости. — Суди сама...

Ее отец, еврей Мордухай Барач, происходил из Евпатории, был рожден в семье богатого купца караимского вероисповедания. Обучался в частной гимназии, а затем поступил на юридический факультет в Петербургский университет, который сиял в те годы недоступным блеском для очень многих русских семей.

Прогуливаясь по бескрайним университетским коридорам, слушая публичные лекции знаменитых старых профессоров, читающих с кафедры, вступая с ними в дискуссии, он чувствовал великую силу своей зрелости, позволяющей постигать самую престижную науку, причем не ради диплома или реализации собственного права. Он пришел учиться и внимать, чтобы получить блестящую карьеру и уважение своей семьи.

Смуглый, темноволосый, как цыган, живой и чувственный, он представился Мишелем и напомнил девушке, которую встретил в городском саду, южного француза. Обильная речь вдруг сменялась нюансами гордого достоинства, и глаза его смотрели иконным светом, обещающим, кроме любви, и верность.

Бывшая гимназистка Майя Стасевич, никогда не помышлявшая об университетском курсе в силу лютеранского происхождения и потому, что женщинам двери в святая святых были наглухо закрыты, даже в качестве вольных слушательниц, была очарована южным темпераментом кавалера и согласилась на встречу с ним в Александровском саду.

Увидев обаятельную мадемуазель в черном платье из тугого шелка, охватывающего тонкую талию, в черной изящной шляпке, подвязанной на шее черной лентой, с белым меховым палантином на плечах, Барач дрогнул. Дружественные отношения, завязавшиеся вчера, сегодня переросли в восхищение. Он пел ей свой восторг, а она утопала в его глазах, стараясь не отрывать от него своего сияющего взора и запомнить каждое слово. А по ночам каждый из них шептал, скрывая от всех: «Это любовь, которая никогда не уйдет из моего сердца!»

Она рассказала о себе, казалось, всё — что она дворянского рода, что большая семья, что родилась в Санкт-Петербурге и родители коренные петер-

буржцы. Но однажды в его присутствии ее представили дочерью действительного статского советника, влиятельного руководителя железнодорожного управления. Мефистофельский ум Барача понял, что надо переходить в наступление. Он позвал за собой, она самозабвенно пошла за ним.

Несмотря на некоторое сопротивление со стороны родителей невесты, молодые люди вскоре поженились. И Евангелическо-Лютеранский приход Св. Анны в Санкт-Петербурге зарегистрировал в своих анналах запись об их браке: «В 1909 году были обвенчаны сын «покойного личного почетного гражданина» с дочерью действительного статского советника и его жены, лютеранского вероисповедания, члена прихода Св. Анны. Оба первобрачные».

Скромная и чистая новобрачная до сих пор не верила, что жизнь способная дать ей счастье быть любимой и не верила, что примет ее любовь. Новоиспеченный муж боготворил свою избранницу и создал вокруг нее целый шлейф приятностей. В апогее любви и родилась Анна и в том же приходе 22 августа 1910 года была крещена.

Только в следующей записи уже говорится о расторжении брака: «Евангелическо-Лютеранская Консистерия постановила, что брак подлежит расторжению, так как супруг покинул семью». Причиной развода являются нежные чувства к некоей гражданке, на которой он женился сразу после развода.

Молод был. Когда женился, его влекло к женщине. Но страсть быстро прошла и осталась некая ил-

люзия единства. Когда и она исчезла, оба ощутили свою отчужденность еще сильнее, чем прежде. В общем, как были чужими, так и остались, какими и были прежде. Только вот ребенок остался.

— Вот именно! — нарушила молчание Ася.

— Но ребенок когда-нибудь обязательно поймет, что такой союз имел мало общего с любовью и не мог быть источником жизненных душевных сил, вдохновения, успеха и счастья. Скорее всего, он стал бы источником всех несчастий семьи. Кстати Консистерия не рекомендовала безответственному господину жениться повторно, а вот сам ректор Санкт-Петербургского университета выдал своему студенту свидетельство о том, что «со стороны начальства не встречается препятствий для вступления во второй законный брак» с этой самой девицей-разлучницей, также, к твоему сведению, евангелическо-лютеранского вероисповедания. Погрызть гранит науки ему почему-то не удалось, хоть и ректор к нему явно благоволил. Учился он долго, но так и не закончил университет. Матримониальные дела его волновали больше. Вот как бывает!

После развода мать Шагингиреевой вышла замуж за благонаправного человека. Все как положено: выпускник Военно-медицинской академии, он служил в Красной Армии, а после отставки врачом. Но, несмотря на, казалось бы, счастливый брак, мать заболела и умерла очень рано. Отчим через некото-

рое время последовал за ней. А настоящий отец жил еще долго, но связи с ним Анна Михайловна, кстати, Мордуховна, не поддерживала.

Ну как тебе эта история, знакома?

Ася приняла мои известия без особого энтузиазма, хотя и ожидать болезненной удовлетворенности не стоило, но все же ответила иронично.

— Действительно, разница у нас с ней только в происхождении — она из дворян, а я просто... женщина низкого происхождения. Анекдот по этому поводу будет очень кстати. Вышли утром собаки на прогулку. Один пес говорит: «Здравствуйте, я королевский пудель!» Другой: «Доброе утро, а я доберман!» К ним подбегает дворняжка: «Привет! А я просто... пописать вышла».

— Давай все-таки уточним: она дворянка по матери, а это уж как-то... далеко от ханского рода. И настоящая ее фамилия Барач. Шагингиреева — это псевдоним, взятый ею в связи с литературной деятельностью. А может, и в связи с антисемитизмом, начавшимся в ту пору в СССР. Поэтому надо сначала выяснить, а уж потом говорить о разнице в происхождении.

— Но я не знала, что она пережила такое, — в задумчивости Ася пропустила мое уточнение мимо ушей.

— Ты рассказывала ей про разрыв своих родителей? — я хотела вернуть ее к теме.

— Нет, и даже в общих чертах ничего не говорила, у нас на это и времени не было.

— Ну тогда она еще и интуитивист. Все равно, Ася, эту схожесть вы обе каким-то непостижимым образом чувствовали.

— А я всегда спрашивала себя: «Кто это услышит мой пронзительный крик души?»

Анна перевернула исписанную страницу и отложила затупившийся карандаш. «Надо заварить себе чаю», — подумала она, но идти на общую кухню не хотелось, и взяла кусок черного хлеба. Густо посыпав его солью, она села, прислонившись к стене, и мизинцем подвинула к себе фотографию. Она любила этот снимок, на котором в солнечном потоке света она лет пяти улыбается щелочками глаз, а за ней в воздушном платье с беззаботными косичками ее мать. Обе смотрят в объектив фотоаппарата отца. Она не помнила, что говорил им в тот момент отец.

Сейчас ее уже не удивляло, как быстро пролетели те солнечные годы и яркие воспоминания о поездке в Крым. Светящаяся в ночи железнодорожная станция, разморенность от жаркого вагона и высота звездного южного неба. Тропинка, отделенная от автомобильной дороги, криво бегущая вниз по уснувшей улице. Брызги солнечного утра и буйство растительности, затмевающие горделивые кварталы серого Петербурга. И восторг моря — лучезарного, искрящегося, немного пугающего своей беспредельностью!

— Кисаня, пойдём со мной, — ласково зовет мама попробовать водичку. — Вода совсем не холодная. Ну, пойдём?!

— В это время вода как парное молоко, — подтверждает довольный отец.

Она стояла у самой воды, и ее длинная тень уходила в море. Мама взяла ее руку и, одолевая робость, они вошли в море.

Втроем они лежали на берегу, бултыхая ногами по воде. И кто бы только знал, как приятно и не больно касаться ногами морских камешков!

Тогда они наслаждались виноградом, купленными у старухи огромными красными яблоками и ароматными грушами. А когда пришли в дом, где квартировали, встретили хозяев, оплакивающих своего умершего родственника. Аня не видела вокруг ничего печального в стремительно ускользающей жизни.

— А что такое умереть? — спрашивала она.

— Это когда душа улетает из человека в небо, — объяснил отец. — И тело человека становится безжизненным. Так когда-нибудь происходит со всеми людьми.

— И ты умрешь, папочка?

— Умру, как и все, — ответил он беззаботным тоном.

— И мама тоже, как все?

— Конечно.

— А я тоже умру?

В недетском вопросе прозвучало напряжение, и отец почти честно ответил:

— Нет, Киса, ты будешь жить очень-очень долго и будешь самой счастливой на всем белом свете!

Картинка постепенно блекла. Сейчас... Она посмотрела на оставшийся маленький кусочек хлеба, решительно забросила его в рот, начала неторопливо оттачивать кончик карандаша, думая, как описать то время, в котором она была счастлива, если в ее душе сквозняк сожаления.

«Не все любят ветер перемен, некоторых от него продувает, — так она думала начать свой роман. — Когда вмещаешь в себя гибель самых близких людей, аромат детства прослаивается затхлыми запахами коммунального коридора и сырым воздухом печальной неизвестности, и ты плачешь снова и снова. Твои глаза красны, ты шмыгаешь носом, голос делается хриплым, а спина сутулится от кашля. Ветер времени высушит эти невидимые слезы, но надоумит ли горящая свеча, как побороть свои страхи и печали?»

Она никогда никому не простит, что ее первая повесть начиналась иначе, была напечатана в самом престижном советском журнале и о ней говорили: «Хорошая работа!» А потом котел общественного мнения закипел, появилась пища для обсуждения за «элитными столиками» и тогда решили, что «работа не очень, не следует ее так уж романтизировать и тиражировать». Конечно, потому что автор-то сам — так себе.

Шум послышался сначала в коридоре, потом бесшечно задержалась ручка ее двери: «Анька, открывай! Открывай скорее, к тебе люди пришли!»

Раздражаясь на первоапрельскую шутку, она распахнула дверь и сразу поняла, что пришли за ней. Все было, как тогда, шесть лет назад. Правда, через полгода после ареста ее отпустили с миром. «Что на этот раз?» — судорожно подумала Анна. Но встретившись с ехидными глазками соседки, она взяла себя в руки и перевела взгляд на двух парней в фуражках. Фуражки были не форменные, и она, пропуская их в комнату, нарочно спросила:

— А почему бы фуражки не снять в помещении, мужики?

— У вас тут покойников нет да и мы ненадолго, гражданочка, — честно ответил один из них.

— Мы только книжечку вашу пришли попросить... почитать, — бесстрастно добавил другой и захлопнул дверь перед любопытным носом сопровождавшей их особы.

— Книжечку? — переспросила Анна, начинавшая догадываться, откуда пришли к ней книгочеи. — Вам бы в библиотеку. У меня, к сожалению, нет в доме книг, я беру в библиотеке. Могу порекомендовать одну, вот книга, так книга. Ее даже под одеялом страшно читать — не помогает одеяло. На удивление современная книжечка, хотя Гоголь...

Звонкий удар по щеке не дал ей закончить фразу.

— Вы нас совершенно не поняли, гражданка Барач, — так же бесстрастно, как и раньше, произнес визитер. После чего оба по-хозяйски сели за стол.

Аня подошла к окну и отвернулась от них.

— Не надо волноваться! Давайте сюда свою рукопись. А сами собирайтесь, пойдете с нами, — дипломатичным тоном предложил первый.

Она порывисто сгребла в кучу единственный экземпляр журнала, положенный автору в качестве гонорара, листки рукописи и высыпала их перед ними на пол.

— А теперь аккуратно собери их и разложи по порядку, — покачивая ногой, приказал сердитый гость. — И вежливо положи вот сюда, — он постучал пальцем по столу и деловито приказал напарнику, — а ты опиши имущества пока сделай.

Пряча злость в челке волос и стараясь не смотреть на нервно качавшийся ботинок, Анна собирала разлетевшиеся по полу листки с карандашными набросками напечатанной в журнале и выстраданной под обстрелом критики работы.

Оглядывавшийся по сторонам записывал, что видел в ее комнате, негромко оглашая всем присутствующим:

— В городе Ленинграде, в квартире по улице Петровской, в комнате № 2 площадью десять квадратных, в которой прописана Барач Анна Мордуховна, находится следующее имущество: стол, матрац, два стула, 3 платья женские.

Изъяты метрическое свидетельство, справка № 286 на предмет получения стипендии, членский билет пи-

сателя рукописи и все материалы к повести автора Барач А.М., письма для последующей проверки.

Собраться для Анны было делом нескольких минут. Портфель с кошельком, ключами, расческой и зеркалом. Проходя по коридору, она громко постучала в дверь затаившейся в своей комнате соседке и нарочито развязно сказала:

— Тайка, пошли с нами!

Ее друзья узнали об аресте на следующий день. Таисия Вертник в красках рассказала, как приходили вчера за Анькой, дескать, почитать ее книжку. «И книжку забрали, и Аньку, и комнату ее опечатали, — назидательно заключила соседка. — Меньше надо трандеть!»

С мыслями об аресте ребята вышли из дома Анны Барач.

— Теперь и за нами придут? — услышал вопрос Светланы Иван.

— Очень возможно... — рассеянно ответил Олег и тут же вспыхнул. — Зачем ты притащила меня к этой истеричке Барач? Дурь какая-то!

— Тебя никто не неволил, — осторожно протестовала Светлана. — Ты сам говорил, что у нее можно спокойно пообщаться, без родителей.

— Спокойно! Вечно глаза вытаращит и орет про несправедливую советскую жизнь так, что не заткнешь, — мрачно произнес Олег. — А мы, дураки, сидели и слушали. Надо было встать и уйти.

— Ну, ты сам понимаешь, что не встанешь и не уйдешь — она же обидится, — примирительно заговорила Светлана. — У нее характер такой.

— Какой такой?

— Эмоциональный очень. Она ведь у нас очень впечатлительная натура.

— И тут у Светланы глаза загорелись догадкой. — Ты знаешь, почему она половину первого семестра пропустила? Она лежала в психбольнице!

— Да ты что! Она же говорила, что лечилась в санатории...

— В санаториях по разным поводам лечатся, ты разве не знаешь?

— Ну, видать, она не долечилась там до конца, — вздохнул с облегчением Олег и добавил, — но об этом лечении в НКВД точно знают.

— И что? — торопила мысли Светлана.

— А что возьмешь с психа? Псих есть псих, его сколько не лечи, он будет ненормальным.

— И чему ты радуешься? — уставилась на друга Светлана. — Скажи мне, кто твой друг, и я скажу...

— Ну ты даешь! — прервал ее Олег. — Когда тебя спрашивать будут, поддерживаешь ли ты то, что говорила Анька, ты теперь можешь сказать, что ее нельзя было успокоить, поэтому приходилось слушать ее бред. Как говорится, параноев ковчег лучше крейсера «Аврора».

Обвинение в контрреволюционной работе студентки 1 курса технологического техникума Барач А.М. было предъявлено через две недели.

— Так вы утверждаете, что никакой контрреволюционной работы не вели? — настойчиво произнес следователь.

— Не вела и не веду, я уважаю Советскую власть, — заученно рапортовала Анна.

— Тогда ознакомьтесь с показаниями вашей подруги Светланы Виноградовой: «Анна Барач в разговорах со мной говорила о плохой жизни студенчества, что студенчество плохо обеспечивается и Советское государство об этом не заботится и ему неизвестны условия, в которых нам, студентам, приходится жить. Жизнь при советской власти бесперспективна, окончишь учебу и придется опять думать о куске хлеба».

— Мало ли, что можно сказать под давлением, — уклончиво ответила Анна. — Я этого не говорила. Ведь она не принесла вам письма от меня, в котором были такие строки?

— Но ваш друг Олег Алексеев не только подтверждает слова Виноградовой, но и говорит, что вы неоднократно вели провокационно-клеветнические разговоры о руководителях партии и правительства. Он тоже пытается вас оболгать... под давлением?

«Зачем Светка с Олегом рассказали?» — думала Анна. — «Скорее всего, не зачем, а почему. Заставили их как-то. Пугали, наверное. Эх, тоже мне, борцы за свободу — сломались на первом допросе!»

— Я ничего не говорила, — категорично произнесла Анна. — Я занимаюсь литературной деятель-

ностью, мне некогда долго разговаривать, мне нужно писать.

«Как они вообще узнали о наших разговорах? — гадала Анна. — Кто-то все-таки передал... или подслушал? Неужели Тайка навела на нас НКВД? Вечно под дверью висела, как кто-нибудь ко мне в гости приходил».

— Так-так. Теперь о литературной деятельности. — Следователь вернул ее мысли к допросу. — Показания свидетелей не были бы приобщены к делу, если бы не эта ваша деятельность. Но все, о чем говорили Виноградова и Алексеев, читалось в вашей повести. Написанной вашей рукой, правильно?

— Какое обвинение вы можете мне предъявить? Что плохо написана повесть?

— Это обвинение предъявлено в рецензиях на вашу повесть компетентных товарищей, а на основании показаний свидетелей вы обвиняетесь в контрреволюционной пропаганде.

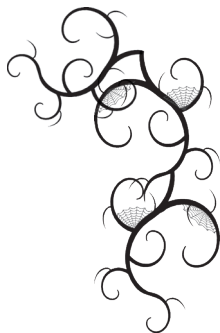
«Быдло всякое пишет ваши рецензии вашими ручками и на вашей бумаге!» — кипела душа у Анны, предчувствующей реальный срок заключения. — Никто бы ничего не написал, если бы не пасквиль Макаренко. Как же! Антон Семенович — великий педагог, ему видней, как надо писать о действительности!»

Несмотря на то, что виновной Барач А.М. себя так и не признала и вещественных доказательств по делу не было, она была осуждена за контрреволюционную агитацию и приговорена с 1.04.1938 года к исправительно-трудовым работам в лагере сроком на пять лет.

Глава 4. «Хасан — сын Шагин-Гирея»

*Дай мне то, что достойно Тебя,
А не то, что достойно меня.*

Саади. «Гулистан»

Стройный юноша шел вдоль кромки моря, равнодушно задевая мокрыми ногами глянцевый песок. Вспомнив что-то, он остановился, осторожно тронул рукой переливавшийся на солнце серебряный медальон. Прямоугольный и ажурный, сделанный рукой искусного ювелира, своим внутренним смыслом медальон напоминал ладанку. Юноша не открывал его, боясь испортить замок, но знал, что там молитва, положенная матерью перед самой дорогой в Крым. Он с нежностью сжал в руке гладкую поверхность сакрального украшения и губы его едва заметно прошептали: «Ла илаха илла Алаху ва Мухаммадун расулу Алахи»¹⁶. Он неспешно шел, насту-

¹⁶ Шахада: «Нет никакого божества, кроме Аллаха, а Мухаммад — Посланник Аллаха».

пая на ракушечно-гальковый накат и прислушиваясь к своим мыслям под тихий шепот набегавших волн. Вдруг глаза его заблестели, он наклонился и поднял большую розово-кремовую ракушку. Поглаживая, он осмотрел свою находку со всех сторон, и, почему-то оглянувшись назад, поднес ее завиток к уху. Глаза его мечтательно заулыбались таинственным звукам, спрятанным в глубине морской красавицы, и он невольно сделал шаг навстречу накатившей волне. Вода обняла его щиколотки, затем колени. Яркое солнце не мешало ему всматриваться вдаль, прислушиваясь к потаенным надеждам о призрачном берегу, скрытом за горизонтом. Восклик, сорвавшийся с его губ, невольно прервал нахлынувший мираж, и он с размаха бросил ракушку в море.

— Хасан! Отец зовет обедать, — зазвенел девичий голосок.

Юноша повернулся на звук, увидев на холме девушку с лицом восточной царицы и глазами цвета морской волны. Алина, закутанная в легкую розовую ткань, на берегу казалась еще красивей, чем дома. На щеках Хасана выступил смущенный румянец и, не сопротивляясь приятному женскому приказу, он устремился навстречу девушке, унося на загорелых пятках переливающийся песок.

— Алина, как ты меня нашла? — его влажные пальцы поймали руку девушки.

— Станный ты человек! Будто то бы никому неизвестно, где ты в это время можешь находиться? — ее сине-черные ресницы кокетливо задрожали, но

она решительно выдернула свою ладонь из рук Хасана. — Отцу некогда, вот он меня и отправил за тобой. Пойдем!

Из-за ворот дома тек завораживающий сладковатый аромат кипящей в масле рыбы. Ахмет-ага сидел за низким столом, поджав под себя ступни. Рядом с ним, окруженные ветками чинары и решеткой виноградника, расположились еще четверо мужчин.

— И он клюет, посмотрите! — заметил один из гостей плетенку с рябой перепелкой, то и дело смело поглядывающую на едоков. Округленная и нахохленная птичка вовсе не собиралась спать, клювиком цепляя прутики клетки и бесцеремонно рассматривая мужчин.

— Почему ты думаешь, что это он? — отламывая кусочек тонкой лепешки, хитро поинтересовался хозяин дома. — Это же перепелка-а-а.

— Э-э-э, Ахмет, неужели ты женщину посадишь с нами за стол? — весело произнес гость и его дружно поддержали смехом.

— Это птица Хасана. Он ее подобрал, разговаривает с ней, как с человеком. Ну и пусть...

Компания смолкла. Один из сидящих привычно перемотал на голове платок, обернутый вокруг черной тубетейки, и поинтересовался:

— Нет вестей с другого берега?

— Пока нет. — Ахмет посмотрел на собеседника в упор. — Аллах милостив, только Он ведает верный путь!

«Хвала Аллаху, Господу миров!» — коснулись своих лиц гости этого лукуллова пира.

Ахмет не особенно надеялся на возвращение своего брата Рашида — тот, отправившись за Айшей и оставив ему на попечение Хасана, как в бездну канул, никто ничего о нем не мог сказать.

Уже не было в живых и явного врага рода Шагин-Гирея Абдул-Хамида I — война с Россией закончилась для него очень быстро. Наблюдая за Шагин-Гиреем и исключив его из своих единомышленников, Абдул-Хамид не был осведомлен о военном союзе России и Австрии. Он поздно понял, что его армия слабее. И он не пережил уничтожения всего гарнизона Очакова, захваченного фельдмаршалом Потемкиным. Апоплексический удар для шестидесятичетырехлетнего правителя стал смертельным. Как смертельными стали удары против его генералов, сдавших австрийцам Белград, А.В. Суворову Измаил, а затем Анапу, проигравших адмиралам Н.С. Мордвинову, М.И. Войновичу, Ф.Ф. Ушакову свои воды.

— Смотри, Ахмет, не принес бы тебе беду этот шагиновский отпрыск. Народ землю теряет, волнуется, жалобы на этот разбой пишет, — говорящий сощурился и осторожно поднял глаза на Ахмета-агу.

— А что, эфенди, народ раньше не подумал о документах на свою землю? — отбивался Ахмет. — Были бы бумаги, так Саблынская дача никогда бы не отошла графу Мордвинову.

— Да этот Мордвинов вообще против татарского землевладения! — раскуривая трубку, поддержал Абу-эфенди другой собеседник.

— Ты думаешь, крестьяне Ашага-Соблы и Юхары-Соблы знают о ценных бумагах? Они знают о работе на виноградниках и в поле. Это была их земля. И земля плодородная.

— Я их землю не забирал, — показал открытые ладони Ахмет.

— Метмет-шах Ширинский, получивший Коккозскую округу, и Батыры-ага — Салгирскую, тоже получили надель с барского плеча императрицы. Не тронули только тех татар, что жительствоваали на местах невыгодных. Вот они-то не попали под иго царских милостей.

— Какой там! — воскликнул четвертый собеседник. — Татары всегда были свободны и никогда никому не принадлежали, а теперь они вынуждены работать на хозяев, чтобы не подохнуть с голоду. Ведь в тех же Саблах ни выпаса, ни леса, ни даже вакуфных¹⁷.

¹⁷ Вакуф в мусульманском праве — имущество, переданное государством или отдельным лицом на благотворительные или религиозные нужды с целью оградить его от широко практиковавшихся на Востоке захватов, конфискаций и произвола властей, т.е. своеобразная гарантия спокойного пользования имуществом общинных земель.

— Не пойму я, брат мой, какое отношение к этим земельным переделам имеет Хасан? Его и знать не знают.

— Не умерли еще те, кто знал в лицо Шагин-Гирея. А парень — вылитый отец.

— Ну и что? Кости Шагин-Гирея давно в земле гниют, он свое получил.

— Не думаю. Слишком мала цена для него. И ограбленный народ так считает.

— Народ всегда виноватого ищет не там, где надо.

— Кто его знает!.. А наши старейшины говорили Шагин-Гирею, что он не должен в угодность неверным уступать своих подданных!

Тем временем Хасан постигал ювелирное искусство от Ахмета и во многом даже превосходил его, чем радовал сердце аги и его кошелек. Пальцы Хасана не были женственно тонкими, но его природный вкус и чувствительность помогали создавать изысканные украшения, отвечающие вкусам даже искушенных покупателей. «Это самое красивое из всех занятий хана, сынок!» — говорил когда-то сыну Шагин-Гирей, не имевший времени на такое углубленное увлечение.

Ахмет качнул головой в сторону, заметил приближающихся Хасана и Алину, и глаза его просияли восторгом:

— Да вот и Хасан! Хасан, иди кушать, сынок!

Девять лет назад Екатерина Великая в сопровождении сановников и своего союзника австрийского

императора Иосифа и, кроме него, послов Австрии, Франции и Англии, прибыла в главный город Таврической области Симферополь¹⁸. Насладившись почтением татарской знати, она решила посетить Бахчисарай.

Тогда-то ей и представили маленького Хасана. Хасан вежливо поклонился и осторожно оглядел знакомое помещение.

Екатерина Великая величаво расположилась в спальне Шагин-Гирея, правда, переделанной по ее указу на европейский манер. Появились нижние окна и новые двери. Шелковые стены уже не отражали восточный ажур, плафоны, некогда томно озарявшие комнату, были заменены на переливающуюся хрусталем люстру, украшавшую деревянный резной с позолотой потолок. А на всеобщем обозрении красовался богато инкрустированный золотом деревянный стол, на который величественно облокотилась дородная женщина в блистательном белом платье в золотистых и темно-коричневых цветах и листьях, лучившаяся приветливостью.

Хасан невольно сравнил императрицу с ее изображением на большом портрете, висевшем над камином и изображавшем ее молодой. Там была длиннолицая спокойная молодая женщина в парадном серебристом платье, украшенном цветами, в алмазном уборе, мантии и горностае. Темные воло-

¹⁸ С 1784 года Симферополь стал столицей Крыма.

сы Екатерины Алексеевны, украшенные диадемой в форме красных цветов, подчеркивали европейскую внешность молодой женщины.

Вид Хасана, оставшегося без родителей на родной земле, тронул царицу-женщину, вознамерившуюся помочь ребенку. Она увидела явное сходство мальчика с его отцом и подумала: «А ведь из него вырастет продолжатель рода Гиреев!.. Надо подумать, определять ли его в пансион?» Непринужденно взмахнув веером, императрица взяла ребенка за руку и взглянула в его глаза:

— А ты красивый, как и твой отец!..

Хасан, кивнув в знак благодарности, оглянулся по сторонам и вновь вспомнил прежние покои своего отца. Его лобастое лицо стало серьезнее, а в глазах всего лишь на мгновение промелькнул огонек ревности.

В тот же момент, заметив ревнивый огонек, Екатерина широко улыбнулась и подумала: «Впрочем, пока повременим. Пусть поживет в Феодосии, а через год-другой посмотрим».

Длинный стол, убранный белоснежной скатертью со сборками по краям, сверкал фарфором и серебром, нежил ноздри чудесными запахами и впечатлял нарядными едоками. Женщины, затянутые в изящные шелковые платья, сидели рядом с мужчинами, усердно кокетничая и жеманничая. Казалось, императрица не возражала против их вольностей и ничуть не ревновала. Мужчины, галантно выпрям-

ляясь, пили за здоровье императрицы огромные кубки вина.

Хасан, великодушно оставленный во дворце покушать, и, казалось, свыкшийся с татарской и турецкой речью, очень хотел казаться светским гостем, но его возраст выдавал непосредственность старания, а присутствующие за столом взрослые не обращали внимания на его персону, только лишь в самом начале трапезы отметив его узорный шелковый халат. Изумленно поворачивая голову в сторону говорящих за столом гостей, встряхивающих пружинными локонами париков, Хасан с трудом старался понять смысл русских фраз.

«Чудно, — подумал Хасан, когда императрица изволила зачинать пить за здоровье рядом с ней сидящего вельможи, — царица величает этого господина с бриллиантовыми пуговицами на одежде, как хозяина дома». Когда же вслед за ее речью раздались выстрелы двадцати одной пушки, мальчик удивился еще больше.

Какие-то отдельные слова напомнили ему младенчество, но с сожалением он понял, что не понимает язык этих людей.

Между тем, понять было, действительно, непросто.

— Нас здесь человек тридцать, — приглушенно говорил некто в синем камзоле напротив. — Но я слышал, что Ее Императорское Величество изволили ужинать при восемнадцати персонах.

— Стало быть, — голова чопорного собеседника смиренно склонилась набок, — мы с вами можем отправиться на прогулку.

— Ах, жаль ведь! Вот вчера за ужином стол был убран с такой великолепностью, а из пирамид были пущены два фонтана. Как же не полюбоваться эдакой красотой?

А в другом конце стола раздался дружный мужской смех, и Хасан услышал обрывок фразы: «...после Чесменской победы».

— Это в Петропавловском соборе? — степенное тяжеловесие императрицы заставило всех замолчать и прислушаться к тому, что она говорит.

— Помните Ваше Императорское величество, как митрополит Платон сошел с амвона, подошел к памятнику Петра Великого, ударил по нему посохом и от всей души восклицал: «Восстани теперь, великий монарх, отечества нашего отец! Восстани и воззри на любезное изобретение твое!»

— Он это сказал именно от всей души, потому и из архиепископа Тверского обратился в митрополита Платона, — игриво поддержала Екатерина, а потом добавила. — Чего это вы вздумали прах беречь?

— Матушка, так вам видимо неизвестно, что среди общего восторга и умиления граф Разумовский тогда тихонько сказал: «Чего он его кличет; если он встанет, нам всем достанется».

Все сидящие за столом дружным смехом подхватили рассказанный старый анекдот, после чего им-

ператрица, лукаво глядя в сторону сидящего в конце стола господина, произнесла:

— Я тогда говорила, что граф Кирила Григорьевич Разумовский имеет испорченное сердце.

Хасан не струсил, когда полдюжины крестьянских юношей окружили его на узкой полоске берега. Один из них с широкой треугольной грудью преградил ему путь, широко расставив ноги:

— Аш-шайтан ар-раджим!¹⁹ — злобно рявкнул он.

Хасан гордо тряхнул прядью волос, и до того, как на его голову обрушился удар кулака, он с невероятной силой оттолкнул наглеца к скале. Неожиданная смелость юноши вызвала невольное замешательство забияк. Чуть оторопев от внезапной потери сознания, зачинщик драки скомандовал:

— Бейте его, бейте!

Но пока те враждебно наступали, Хасан увидел торчащий на берегу железный прут, молниеносно вытянул его и пошел в атаку, размахивая перед собой и, казалось, не замечая ответных ударов на своем теле. Вода вспенилась от красноватых брызг, но побагровевшие от злости глаза потомка рода Гиреев кипели восторгом боя, а тело ловко уворачивалось от ног и рук обидчиков. Дрались молча, не оскорб-

¹⁹ Шайтан, побитый камнями.

ляя друг друга. И также молча и внезапно обидчики убежали с берега, оставив Хасана с хлюпающей из носа кровью.

Хасан загреб в рот соленую морскую воду и почувствовал языком неровно торчащий зуб. С силой выкрутив его из челюсти, он сжал ладонью правую щеку, и, ощущая горячую пульсацию, побрел к дому.

Из отдаленной ореховой рощи слышался неровный звук топоров. «Что они там еще могут рубить? — подумал Хасан. — Из всех рощи только полоска деревьев осталась. Наверняка, это были крестьяне-лесорубы. А может мебельщики. Мебель делают для каких-нибудь проходимцев из ореха».

До Хасана давно доходили недовольные разговоры соседей о наступившей нищете и гибели десятков тысяч коренных жителей Крыма, согнанных со своих клочков земли и обреченных на батрачество или же эмиграцию на чужбину. Юноша понимал, что сложившаяся ситуация по усмирению населения не столь безоблачна, как когда-то казалось его отцу. И все же живучие патриархальные отношения и мораль старинной татарской общины создавали видимость спокойствия и неуязвимости.

«Только бы не заметили синяк на лице», — дрогнули его губы.

Убедившись, что Ахмета дома не было, а Алина занималась по хозяйству, Хасан бросился на свою кровать, закрыв лицо подушкой. Спустя некоторое время, когда боль во рту немного унялась, он

перевернулся на спину, отметив странное ощущение, которое ему хотелось оставить при себе навсегда, и на его лице заиграла довольная улыбка властелина.

Когда татар-крестьян обязали полностью обрабатывать барскую землю в расчете 2,5 десятины на плуг, засеивать ее, собирать урожай и доставлять своими средствами в город, да еще бесплатно работать у хозяина по дому, как только это потребуется, обеспеченным жителям оставаться в Крыму стало небезопасно. Крестьяне, конечно, уклонялись от поборов, но глаза их становились жестче, а слова грубей.

Засобиралась в путь и небольшая семья Ахмета-аги.

— Хорошо, хоть теперь можно продать свою землю, — без особой радости в голосе говорил он. — Раньше и покупателей не было, все можно было взять бесплатно. Графу Воронцову наш участок очень кстати. Он объединит все его покупки, и через год, вот посмотрите, здесь будет стоять дворец.

— Дядя Ахмет, — пытался понять необходимость эмиграции Хасан, — сосед грек... говорит, хоть саблями нас рубить будут, мы не уйдем никуда!

— А я слышал, что потомки Пантикапеи собираются в Салачикском овраге, в Успенском скиту, а оттуда идут через горы на волю.

Ахмет был прав. После молебна в Успенском скиту греки-христиане с пением молитв нестройной

толпой потянулись через горы и равнины, покинув навсегда берега Крыма. Они знали, что не все доберутся на новую родину, но все-таки выбрали такую участь.

Вещи были почти собраны, упакованы в большие тюки и сундуки. Оставались только формальности с документами на землю и получением за нее денег. Ахмет ходил понурый, отвечал односложно и раздраженно. Друзья его не останавливали и не уговаривали ехать в дальние дали, они просто согласились с его решением, считая, что так будет лучше для его семьи.

Турецкий берег, который предполагался как новая родина, не был так далек. Он многие годы манил Хасана своей надеждой встречи с матерью. И теперь он думал, что, наконец, увидит ее. Хасан даже мысленно эгоистично торопил события, думая, поскорее бы было продано поместье. Все его мысленные разговоры с матерью, казалось, приближали счастливый исход. Майские ночи становились все теплее и короче, сны ярче и цветистей.

И вдруг однажды в один из весенних снов ворвалось черное облако. Хасан почувствовал, что закричал во сне. Он проснулся, обеими руками отер испарину, выступившую на лице, и, глядя в потолок, освещенный пробивающимся рассветом, вспоминал сон, поднявший его ни свет ни заря.

«Мама, ты не можешь умереть!» Мать разговаривала с ним как со взрослым, хотя была неотделима от его детства: «Хасан, у тебя не осталось никого

на белом свете. Помни, теперь ты станешь вдвое сильнее. Я дарю тебе свою силу тебе на благо». Взгляд матери был спокойным и умиротворенным: «А в поминании Аллаха ты найдешь утешение сердца». Хасан вспомнил, как пытался ухватить и удерживать материнскую руку, но тщетно. Она отвернулась от него и быстро исчезла, оставив ощущение какой-то неземной тоски и одиночества.

Навалившаяся тревога виделась ему явственной и реальной. Она не могла обмануть и беспричинно напугать. Он учуял, что случилась беда. Горе заставило его поднять глаза и дух свой на неведомую раннее вершину, в некое горнее место, о котором знают только зажившиеся на земле старики. Он словно смотрел на себя сверху вниз, удивляясь человеческой беспомощности, и не мог снова уснуть.

Не в состоянии заставить себя находиться в постели, он постарался как можно тише встать, набросить одежду и, споткнувшись об узлы вдоль стены, шагнуть за дверь и выйти из дома. Хасан старался идти тихо, чтобы не привлечь внимание соседей или случайных прохожих. Над его головой то и дело мелькали летучие мыши, а в кронах деревьев слышались просыпающиеся цикады. И все же какой-то бездомный пес увязался с ним, тихо виляя хвостом и пытаясь лизнуть руку.

Вода у берега зацвела, зеленые водоросли издавали болотистый запах, напоминающий плесень.

На берегу собирались тяжелые разводы, которые набегающие волны никак не могли прогнать прочь. Недавно подводный мир водорослей казался перебивающимся изумрудами и являлся Хасану во всем блеске своего величия. Теперь морская трава напоминала вихрь умерших тел.

«Лучше бы мне никогда не рождаться! — думал Хасан, сидя на высоком берегу и глядя на равнодушное море. — Я здесь уже столько лет, а у меня нет ничего. Я просто плыву по течению». Худой рыжий пес преданно посмотрел ему в глаза.

— Во мне жила надежда, а теперь и она умерла, — Хасан погладил голову собаки. — И ты, и я — все смертны. Не знаю, чем я сейчас лучше тебя? Ничем! Но лучше так не жить. Несколько шагов — и море поглотит мою бессмысленную жизнь.

Хасан решительно встал и направился к обрыву. Еще мгновение и агония утопающего, подхваченного течением жизни моря, уже никогда не даст ему достичь утраченного берега. Пес послушно последовал за ним. Когда до пропасти оставался один шаг, рыжий засуетился и визгливо зарычал. Хасан гневно обернулся на него и тут только заметил бежавшую вдали Алину.

Внезапное появление Алины отрезвило разгоряченную голову юноши, остужая горячие корни волос. Хасан повернулся ей навстречу, а пес, скуля, подполз к его ногам.

Девушка торопилась, что-то кричала ему, но шелест ветра и шум прибоя рассеивали звук ее голоса:

— Скорее... беги... не успе...

Хасан устремился навстречу Алине. Добежав до подъема на возвышенность, она бросилась на колени, упираясь руками в землю:

— Отец... он задыхается. У него красное лицо и красные глаза, он едва жив. Иди же ты скорей домой. — Рыдания сотрясали ее плечики.

Хасан скатился со скалы и быстро побежал в сторону дома.

Тяжело дыша, Ахмет-ага одиноко лежал на кровати, не реагируя на шумно вбежавшего Хасана. Плачущая Алина села рядом с отцом и взяла его слабеющую руку:

— Отец, мы любим тебя, держись!

Казалось, эти слова достигли сознания Ахмета, потому что он с силой сжал ладонь дочери, пришел в себя и посмотрел сначала на нее, потом на Хасана взглядом, исполненным глубокого знания о том, куда зовет его смерть.

— Дядя Ахмет! — воскликнул Хасан.

Но Ахмет только вздохнул и не вполне разборчиво произнес:

— Не бросай Алину, сынок! Помоги ей! Я всегда лелеял надежду, что вы будете хорошей парой.

— Не волнуйтесь, дядя Ахмет.

Пришедшие через некоторое время его друзья сокрушенно, но спокойно говорили, как милостив Аллах, подаривший ему такую смерть.

— Он перешел в иной мир в сознании, но не мучительно.

— Он достоин такой небесной награды.

— Он умер на своей земле, а не на чужбине.

— Только вот рано, конечно. Но на то воля Аллаха!

Так они говорили и молились о душе покойного Ахмета, закутанного в белые платки. Помолившись, все мужчины, как по команде, подняли тело и быстро двинулись в сторону кладбища, чтобы предать его земле до наступления заката.

Открытое пустынное место, покрытое камнями и без единого зеленого кустика, принимало останки умерших крымских магометан. В одну из могил, расположенных без видимого порядка, усадили Ахмета, расположив возле него хлеб, воду, трубку, табак и огниво.

— Пойдите! — воскликнул Хасан, прежде чем могилу начали закапывать землей. — Пока тело дяди Ахмета не остыло, я обещаю ему и всем, что никому не позволю разорить его поместье, вырубить его виноградник и разрушить его дом. Я не оставлю его дочь Алину, как не оставил он меня без попечения. Я женюсь на Алине, если она согласится стать моей женой.

Хасану показалось, что ермолка с белой кистью, покоящаяся на голове мертвеца, чуть дрогнула в знак благословения, и в глазах юноши блеснула слеза.

— Обладаешь ли ты достатком, чтобы жениться на целомудренной девушке? — спросил один из присутствующих.

— Мне никогда не стать таким могущественным, как мой отец, — признался Хасан, — но я приложу все силы, чтобы моя семья жила в достатке.

Аккуратно покрашенные столбики балюстрады, окружавшей веранду второго этажа, казались совсем новенькими. На веранде своего дома сидел темноволосый с проседью и крепкого телосложения человек, закутанный в шерстяной коричневый халат с переливающейся каймой. На вид ему уже больше сорока лет, но это только потому, что серьезные теологические занятия сделали взгляд муллы глубже и старше.

В дни священных пятниц, воздев руки к небу, он возглашает такбир²⁰, затем, вложив левую руку в правую и прижав их к груди, произносит славословие Аллаху и Фатиху, а потом собравшиеся в старой мечети умиротворяются под звуки его роскошного низкого тембра голоса: «Скажи: «Он — Аллах — Един, Аллах, Вечный; не родился и не был рожден, и не был Ему равен ни один!»

Вместо деревянных четок, в руках муллы лежала широкая тетрадь, в которой он писал витиеватой арабской вязью:

«Надежда моей матери, а потом моего любезного дяди Ахмета на милость императрицы угасла

²⁰ Слова «Аллах велик» («Аллаху акбар»).

окончательно. В грозовую ночь с пятого на шестое ноября 1796 года Екатерина Великая скончалась апоплексическим ударом.

Не знаю, как бы повернулась моя жизнь, если бы эта женщина соблаговолила тогда взять меня с собой в Петербург. Возможно, я превратился бы в одного из тех напomaженных господ, коих я видел в Бахчисарае за столом — *parvenu*...²¹ Но Аллах милостиво изменил мою судьбу. На мою долю выпала участь созидания своего дома по законам праведного порядка. Мои дети, коих двух сыновей и двух дочерей родила мне Алина, почитают законы ислама и шариата, доставляют нам радость и утешение.

Не устремляя алчных взоров к земным благам, мы с женою и детьми восхваляем милости Аллаха, дарующего нам свет и жизнь...»

Он сложил свои натруженные и почерневшие от труда руки на белых листах и задумался, когда дверь на веранду открылась и показалась встревоженная женщина:

— Хасан, у меня отошли воды. Так неожиданно. Пора послать за повитухой.

Хасан быстро отложил писанину и, обняв Алину, повел в ее спальню:

— Вот и пришло время появиться на свет еще одному нашему ребенку.

²¹ Выскочка, подражающий аристократам в своем поведении и манерах.

Он быстро перестелил постель, уложил на белую простынь Алину, бережно сняв с нее одежду и подложив ей под ноги подушки.

— Хасан, мне кажется, что ребенку еще рано появляться на свет, — осторожно произнесла Алина.

— Аллах лучше знает, когда надлежит родиться ребенку, — успокоил ее муж, укрывая простынею. — Полежи, пока я отправлю Бесму за Фаридой.

— Ах, Хасан, мне кажется, что я умру, — выразительные глаза Алины снизу были окружены черными полумесяцами, ресницы вздрогнули от сильной схватки. — Аллах все милостивый! — испуганно зашептала она. — Не дай мне умереть!

— Моя дорогая, потерпи немного.

Повитуха Фарида, прибежавшая вместе со служанкой Бесмой, расторопно приступила к своим привычным обязанностям, успокаивая при этом метущуюся в постели роженицу.

— Фарида, — прошептал на ухо повитухе Хасан, — может быть, позвать лекаря?

— Не беспокойтесь, господин, на все воля Аллаха. Но пока все идет нормально. Только вот ребенок большой.

Хасан оставался вместе с женой до самых родов. Нервы его не выдержали, когда схватки подходили к концу.

— Иди, Хасан, — неумолимо потребовала старая Фарида, — она справится без тебя.

Из-за дверей он услышал крик младенца и возвел руки к небу:

— Иншаллах!

Но в комнате послышались настороженные разговоры и звук разбившегося стекла. Он резко отворил дверь и увидел, как Фарида протирает родившегося ребенка оливковым маслом.

— Кто родился, Фарида? — восторженно спросил он повитуху.

— У тебя дочь, Хасан! — она передала крошку отцу.

Лежавшая на смятых простынях Алина казалась блее их.

— Дайте мне посмотреть на нее, — синими губами произнесла она, и Хасан тотчас наклонился к ней вместе с малышкой.

— Это Айше, — уверенно произнесла умирающая женщина.

— Как Айше? Ты будешь жить, и у нас еще будут дети! Она не может быть последним нашим ребенком!.. — воскликнул Хасан и перевел взгляд на ничего не понимающую повитуху.

— Большого кровотечения не было, господин, — залепетала она. — Скажи, Бесма!

— Да, господин! Фарида говорит правду, — подтвердила служанка. — Может быть, что-то другое? В это время Алина испустила последний вздох.

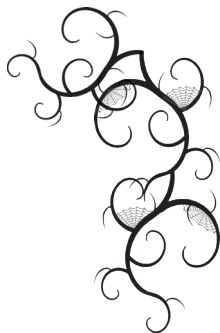
Так родилась последняя дочь Хасана, которая по просьбе его матери и по их решению с его отцом должна была стать Айше.

Последней записью в его дневнике были слова: «Человек думает, что за свои ошибки расплачивается сам, а на самом деле за них расплачивается его род. Что возьмет Аллах в качестве платы, неизвестно. Но плата будет равна пороку. Что нам остается? Молить Аллаха...»

Глава 5. «Кавказская история»

Один ученик пришел к суфию Маруфу Каркхи и сказал: «Я говорил о вас с людьми.

Евреи утверждают, что вы иудей. Христиане почитают вас, как одного из своих святых. Мусульмане настаивают на том, что вы величайший Мусульманин.

Но как же нам следует о вас думать?» — спросил ученик.

Маруф ответил: «Некоторые не понимают меня и почитают. Другие по той же причине оскорбляют. Вот все, что я могу сказать. Вы должны обо мне думать, как о человеке, который сказал это».

*Идрис Шах. «Путь суфия» —
Мунаджиб эль-Арифан*

У подошвы Гуниба журчит, пробивая скалы, Кара-Койсу. Много веков гора Гуниб спокойно лежит километров на восемь с востока на запад, а с севера на юг ее величие достигает не менее трех кило-

метров. На пологой ее вершине в долине бурного ручья горцы возделывают небольшие поля. Луга и даже берёзовая роща украшают эту удивительную по красоте гору, уподобившуюся вавилонским садам Семирамиды. Качающийся под небесами и убаюкиваемый самим Аллахом этот горный аул как остров патриархальности. Привычка людей пребывать наверху и наблюдать небо на уровне горизонта вздыбливает и характер человека. Для тех, кто поднялся сюда впервые, открылся новый взгляд на мир: что ему дотягиваться до каких-то высот, если выше его только звезды! С высоты Гуниба как на ладони видна вся усеянная аулами равнина Куяды. Отвесные склоны Гуниба возвышаются на двести-четыре метра над ущельями, и только к востоку она значительно суживается и понижается. Там, на востоке горы Гуниб с высоты ее вершины завораживающе падает вниз к реке Кара-Койсу ручей. Несколько водопадов с высоты десятков метров создают впечатление постоянного дождя, охлаждающего августовскую жару 1859 года.

Неподвижная лесистая покатость горы-крепости словно подчеркивает стремительность и неумную шумливость речного потока. Гора упрямо скрывает убитых мюридов, казаков, солдат и офицеров. Там и сям лежат их трупы, обезображенные Кавказской войной. Только три сухих залпа бессловесно сообщают о чьих-то похоронах, холодея сердца живых.

Теперь эта территория стала ристалищем военных игр Османской империи и Персии. Закавказье устало

от кровавых наслаждений и жаждало спокойной жизни. От этой жажды и началась долгая Кавказская война, когда Закавказье само отдалось под власть России.

— Смотрите, настоящий Фонтан слез, как в Бахчисарае! — восклицает один из всадников отряда 18-го кавалерийского драгунского Северского полка.

— Гиреев, смотри в оба, как бы тебя мюрид не подстрелил, — предупреждает его другой. — Вода шумит так, что и не услышишь копыт коня, не то, что шаги пешего человека.

— Этих слез гораздо больше, чем там, — шепчет Гиреев.

— Откуда знаешь, ты был там?

— Был? Я там...

— Отставить разговоры! — прозвучал приказ командира, и молодой человек, не успев рассказать об обстоятельствах посещения Бахчисарая, с готовностью отдал под козырек: «Есть!».

Гиреев слыл человеком надежным, с правильной русской речью, несмотря на свои черкесские корни. В свой первый день приезда в полк он был тщательно выбрит, щегольски одет и внимателен, что показывало его чистоплотность и внутреннюю дисциплину. Вообще иноверцев русские дворяне неохотно допускали в свой круг. Чего не скажешь о Гирееве. Товарищи по оружию сразу признали его за немногословность и огромное терпение, с которым армейцам приходилось сталкиваться на каждом шагу. А еще за открытость

нрава и твердость слова, каких встретить в кругу молодых повес удается не так уж часто.

Настораживала в нем некоторая эксцентричность, доходившая в иные моменты до эмоциональности двенадцатилетнего ребенка. Но обрушивающиеся на нарушителя его спокойствия целые эскапады вскоре прекращались, возвращая товарищам по оружию вполне адекватного бойца.

Те, кто видел его родителей, рассказывали, что отец Хасана совсем немощный старик, а мать намного моложе своего супруга и потрясающая красавица. Вот почему Гиреев так хорошо сложен и красив.

Впрочем, ходили и другие слухи. Дескать, старик — вовсе не отец, а его дед по материнской линии, и отца его никто не видел. Некогда черкесский князь решил взять в жены татарскую княжну, да только ее отец, посмотрев на жестокий нрав жениха, воспротивился брачному договору. Тогда гордый черкес выкрал эту красавицу, увез ее, не спрашивая разрешения у родителя, а по дороге надругался над ней и бросил в степи. Вот и пришлось отцу принять родившегося ребенка и воспитать его как своего сына. Этими обстоятельствами, дескать, и объясняется порывистость натуры Хасана.

Негромкий треск верхушки дерева, и бригада насторожилась. Лица парней посерьезнели, их пальцы уверенно легли на курки. За дальним деревом мелькнула чья-то тень, и вдруг справа раздался звук ружейной осечки. Оглянувшись в поисках источника этого звука, Гиреев заметил блестящий ствол

ружья, готового стрелять ему в спину. Сердце ознобно вздрогнуло, он пригнулся к лошади, и снизу метнул свой татарский клинок прямо в грудь противнику. Надсадный стон мюрида понесся высоко в гору.

Воины быстро спешили, легли в траву, и тут только заметили узкие тропинки, прошнуровавшие горный лес. Куда ни повернись, затылок сверлили глаза окруживших их мюридов.

— Ну, братьцы, с Богом! — выдохнул кто-то из армейцев.

Начался бой. В повадках мюридов не ощущалось намерения схватиться по-честному, увидеть силу врагов и померяться с ним, они появлялись неожиданно из-за стволов деревьев, стараясь по-рысьи прыгнуть на плечи и сбить с ног. Галдя непривычным визгом, нападавшие создавали впечатление большой толпы, хотя их было не более шести-семи человек. Армейцы отстреливались машинально, то и дело вступая в рукопашную, пока не наступила долгожданная минута затишья.

— Раз, два, три, четыре..., — Хасан выстрелами в голову добивал тяжело раненных противников.

— Не-е-е-ет, — упал перед ними на колени один из оставшихся в живых мюрид, — не убивайте меня!

— Хасан, постой, может, возьмем его в плен? — нерешительно предложил граф Мезенский.

— Нет. — Гиреев решительно вскинул ружье. — Они знают, что совершая джихад меча, идут на

смерть. Пусть знают, что мы тоже не остановимся. Мы в спину стрелять не будем, для нас жить — это стрелять в упор.

С 9 августа началось окружение Гуниба Кавказской армией, численность которой здесь достигала 16 000 человек. Войска у подошвы плато постепенно смыкали кольцо с тем расчётом, чтобы артиллерийский огонь осаждённых не мог достать их позиций.

— Да-а-а, Шамиль может держаться здесь долго — в каждом ущелье аванпосты стоят.

— Какой там! Вот если бы у него было несколько тысяч воинов и еще несколько месяцев на укрепление позиции, возможно Гуниб и стал бы природной крепостью. Но у него — ни того, ни другого.

— А вот старухи в Конхидатле нам кулаки показывали.

Пересмешка мгновенно сняла напряжение опасной местности.

— А в Карату песнями и плясками встречали²². Шамиль запрещал им все это, а теперь они его не боятся.

Вечером 17 августа слышна дальняя перестрелка за Гунибом, а в лагере армейцев опять слышны возбужденные смеющиеся голоса:

— Ну и подарок! Роскошный подарок!

— Держи брат, — офицер высыпает горцу в ладонь серебряные монеты.

²² В ауле Карату похоронен Жемаль-Эддин, сын Шамиля.

— Виктор Алексеевич, а вы с ним сами управитесь?

— Почему я управляюсь, вы и управляйтесь, если хотите, подарок для всех нас.

— Не-е-е-т, я в корриде не участво.., — не успел договорить довольно упитанный розовощекий блондин Федор, как дарственный местными жителями бык вырвался и направился прямо в его сторону. Поручик побегал, со страхом оглядываясь на быка. Попутно бык опрокинул ошеломленного и зазевавшегося вояку, пугнул налитыми кровью глазами графа Мезенского и продолжил погоню. Отряд отпрянул в кусты, а Федор почему-то продолжал изворачиваться на поляне перед вошедшим во вкус игры или драки животным.

— Эй, Гиреев, стреляй, стреляй в него, у тебя же ружье под рукой, — пробасил молодой запыхавшийся голос.

Выстрел грянул. Бык остановился и рухнул. Тореро устало потер грудь вспотевшей рукой.

— Ты хоть бы дистанцию держал, Федя! А то не ровен час, я бы вместо быка тебя подстрелил. На ужин.

Армейцы вышли из кустов с аплодисментами.

Место для пастбища лошадей они нашли просторное и тихое. Сенокосный луг, ухоженный самой первозданной природой, зазывно манил своим нежным запахом запотелых коней. Их разногривые вихри касались чуть влажной от непросохшей росы травы, и

казалось, будто они вслушивались в затаенный исподний разговор самой матушки-земли. Какая-то древняя власть расслабляла их могучие тела, подчиняла их себе, одновременно делая их сильнее и красивее.

Утреннее солнце поднялось выше и стало припекать спины коней. Гиреев и Мезенский, отдохавшие под деревом и молча наблюдавшие за конями, начали лениво собираться в лагерь.

Отозвавшись на посвист, смоляной конь Гиреева по кличке Факир, нехотя пошел к своему хозяину. Вдруг он остановился, поднял голову, повел ноздрями, протяжно заржал и сделал несколько шагов в сторону леса.

— Что там, Факир, увидел кого? — потянул Хасан шелковые с кистями вожжи.

Конь замер. Через мгновение из леса показалась рыже-бурая оленуха. Настороженно поднимая голову с острыми подвижными ушами, она вела за собой двух оленят. Уже маленькие, тонконогие и остромордые они повторяли движения матери, любопытно поворачивая головы по сторонам, успевая, пока она хватала сочные листочки молодых липок, подныривать под нее и тыкаться в материнское вымя.

Граф Мезенский вскинул ружье на плечо. Но не успел нажать на курок, как вдруг откуда-то сверху, с дерева, раздался звонкий и властный голос:

— Тильки стрельнешь, я тэбе пристрелю!

Вояки обернулись и увидели сидевшего на дереве казачка в папахе, который держал «на мушке» то Мезенского, то Гиреева.

— А ну, кинь ружье! — повторил требование казачок.

Мезенский опустил ружье:

— Эй, ты что, своих бить собираешься?

— Ничего на беззащитных тварюк полюваты, — заносчиво ответил казачок. — Що цэ за полювання?! А оленуха моя!

Ничего не понимающие вояки переглянулись.

— Ладно, раз твоя, — вдруг начал оправдываться Мезенский. — Да я так, пугнуть ее хотел.

Звери замерли, учуяв неприятные запахи, тянувшиеся ветерком от людей.

Казачок ловко спрыгнул с дерева и окликнул оленуху:

— Федька!.. Фидорка!

Перестав жевать, олени повернули головы в сторону людей и прислушались. Тем временем, обернувшись на Гиреева, казачок предупредил:

— А ты коня своего угамуй, щоб не злякав. Вона у менэ полохлива.

Догадавшись, что полохлива — значит, пуглива, Гиреев послушно отошел к Факиру и взял его под уздцы.

Оленуха, почувствовав, что им ничего не угрожает и втянув расширенными ноздрями воздух, всхрипнула и, перепрыгивая через сухие сучья, побежала в сторону знакомого голоса, маня за собой детей.

Подойдя к ногам казачка и поблескивая влажными глазами, оленуха благодарно забрала кусочек

сахара с его ладони. В темных бусинках глаз оленят, настороженно стоящих в стороне, все еще светился страх. Но постояв минуту, они снова присоединились к матери.

— Фидорка... Фидорка моя! Жива! — казачок ласково гладил ее по голове, по спине, тербил ее уши. — А дитки у тебе яки славние!

— Ты ружье-то положи, а то стрельнет еще, — съязвил Мезенский, а потом, искоса посмотрев на Гиреева, добавил: — Ну кто придумал детям ружья раздавать?

— Да я стреляты краще тэбе умию! — казачок выпрямился, упер руки в бока, и обескураженные вояки, наконец, поняли, что перед ними стоит молоденькая девушка в казачьей форме. Ее волосы были убраны под черную каракулевую папаху, но грацию фигуры и нежность лица ей прикрыть не удавалось.

— Так ты баба?! — прыснул Мезенский, а потом уточнил, то ли для себя, то ли для Гиреева, — кубанская, значит, станичница.

— Да я-то баба, а ты-то кто, якщо не можешь вызначити, баба або мужик? — ответила девушка.

Мезенский нисколько не рассердился на ее слова, потому что произносила их она как-то чудно и мило. Главное, искренне: ну, кто, кроме нее обед отцу на заставу понесет? Она бы и на коня, чтобы скорее и безопаснее, но конь сегодня не ей достался.

Граф бесцеремонно окинул взглядом ее фигурку и начал было объяснять:

— Так ведь без волос...

— Та так проще! А то волосся за ветки чипляются. — Девушка резким движением сняла папаху, обнаружив высокий лоб, большие выразительные глаза и скрученную на голове толстую светлую косу. И присев рядом с оленухой, сказала: — Я ж тебе пидранком выходила, думала олень, Федькой назвала, а ты геть — Фидорка.

Оленуха посмотрела на нее блестящими глазами и, лизнув руку, глухо промычала.

— Сахара ще хоче, — проговорила девушка и подняла глаза на офицеров, — а у мене з собою бильше немаэ.

— У меня есть, — охотно отозвался Гиреев, приходя в себя от неожиданной встречи и начав немного понимать украинскую речь. Покопавшись в холщовой сумке, предназначенной для подкорма Факира, он вытащил большой кусок сахара. — На вот, дай ей и детям ее. — И тут же поинтересовался: — Ты живешь где-то рядом?

— У станице, — ответила девушка, не отвлекаясь от кормления животных.

Мезенский, оценив здоровую красоту девицы, которой на вид не было и восемнадцати лет, и, прочитав в глазах Гиреева явный интерес, решил подыграть:

— Я слышал, казаки — народ гостеприимный, а вот если мы с Хасаном в вашей станице как-нибудь будем, в дом свой пустишь? Или будешь ружьем угрожать?

— Ты не ображайся, — девушка захлопала пушистыми ресницами, — але в хату ты спочатку не до

мене придешь, а до батюшки мого, урядника Пастушенко.

— Отец твой служит еще? — удивился Гиреев. — Неужели в Черноморском полку?

Девушка выпрямилась, улыбнулась, открыто глядя Хасану в глаза, и забавно жестикулируя руками, сказала:

— А наш наказный атаман думаэ, що двадцать пять рокив службы для козака — це дуже мало. Ось тато и виполняэ уси повинности на кордоне у свои-то шистьдесят рочкив.

Ее бездонные серые глаза не отпускали его взгляд, а в них все — отрешенность, недоумение, лукавство...

— А ты, стало быть, ему помогаешь, — уточнил Мезенский, переводя ее взгляд на себя.

— А шо мы, не здюжим всем гамузом? Нас дьевять душ, — девушка начала пересчитывать, загибая пальчики, — Василий, Петро, Людмила, Кирилка, Савушка, Оксанка, Илюшка, Степка!

— Восемь насчитала.

— Так я ж девятая.

— А зовут-то тебя, как?

— Натальей Кузьминичной, — повела бровью казачка.

Соскучившаяся по людской ласке оленуха уходить не собиралась. Она стояла рядом с людьми, смотрела на них, подставляла загривок, лизала руки. Но олени — животные вольные и жить должны в лесу. Тогда Наташа подтолкнула свою Федорку, по-

том даже легонько стегнула хворостиной, и, боднув безрогой головой воздух, оленуха сорвалась с места, уводя в лесную глушь подрастающее потомство.

Из лагеря на Кегерских высотах очень хорошо видны скат горы и среди зелени, в самой середине плоскости, белая точка палатки Шамиля. Шамиль упорно отказывается от пенсии и от доставки его в Мекку, как ни пытались накануне убедить его переговорщики — Даниэль-Султан и полковник Лазарев. Переговоры прерваны, значит, штурм.

Цепь солдат стоит у глубокого оврага, отделяющего от аула Гуниб, в котором скрывается Шамиль. В аул летят бомбы, на прицелах российских ружей мюриды, рыскающие по пещерам вокруг аула. Внезапно к ставке генерала Барятинского приближается мирный посланник Шамиля:

— Шамиль готов к переговорам. Но если он выйдет, его убьют.

— Этого не может быть. Ему обещаны жизнь, сохранение семейства и имущества.

Проходит час, и Шамиль появляется в окружении шестидесяти вооруженных мюридов. Он в зеленой одежде и большой белой чалме с хвостом. На половине дороги мюридов останавливают, а Шамиля, не разоружая, одного ведут к генералу Барятинскому.

— Ты обещал отпустить меня в Порту? — лицо Шамиля бледно и губы дрожат, но голос тверд.

— Я тебя звал к себе, — также твердо отвечает Барятинский, — и предлагал тебе условия. Ты не поверил, теперь я пришел к тебе, и условий быть не может, а ты можешь только надеяться на милость твоего Государя.

— Ты убьешь меня и мою семью? — Шамиль забеспокоился.

— Я не убью тебя и твою семью. Ты поедешь за мной в мой лагерь, — Барятинский тут же сел на коня и поскакал.

Это было 25 августа, а 26-го на Кегерских высотах были проведены благодарственный молебен и смотр войск. В тот же день Барятинским был отдан немногословный приказ по армии: «Шамиль взят. Поздравляю Кавказскую армию!»

Сотник Хасан гиреев за участие в этой войне был награжден орденом Святого Георгия III степени. Малый крест на шейной ленте, в центре которого, как и положено для нехристианина, двуглавый орел²³, да 200 рублей ежегодной пенсии дали хороший жизненный старт потомку Шагин-Гирея. Своей храбростью он был возведен во дворянство с правом передачи титула по наследству.

²³ Для иноверцев был предусмотрен вариант ордена, в котором вместо Св. Георгия был изображен герб России.

Внизу в гостиной стали собирать со стола грязную посуду. Поле деятельности было большим, как после погрома. По крутой деревянной лестнице тяжело шагали последние на свадебном застолье гости, останавливаясь через две ступеньки на третьей и повторяя:

— Нет, вот ты скажи, хороша жинка у нашего Хасана?

— Хорошая девушка Наталья, но и наш Хасан — не промах!

Опять шлеп, шлеп, шлеп:

— Скажи, ну почему у нас ни одна свадьба без танца Шамиля не обходится?

— Так лезгинку ж не один Шамиль танцует, вон как гости гарцевали!

Шлеп, шлеп...

А у новобрачных уже прошли сладостные минуты первой телесной близости, они нежились друг с другом, болтая ни о чем — как и положено в подобных случаях:

— У меня никогда не было такой женщины, как ты, — улыбнулся Хасан.

— Це до кращого!

— Что именно?

— Те, що я не така. *Таких* багато, а я одна.

Он засмеялся, а она приподнялась в кровати и серьезно выпалила:

— Якого рожна ты смеешься?!

Он засмеялся еще громче.

— Говори вже! Чого ты смеешься, диявол?

В его глазах загорелись бесноватые огоньки, и он резким движением опрокинул ее на спину. Она не вскрикнула от резкой боли, которая, наконец, превратила ее в женщину, а, только издав животный стон, крепко обняла своего супруга. Утопая в новом чувстве, они долго не могли оторваться друг от друга, пока чувство усталости не разморило обоих.

Потом, увидев кровь на своих ногах, она, как всегда очень непосредственно, устыдилась, собираясь тут же куда-то бежать. Хасан остановил ее, взял таз с водой, мокрое полотенце и начал аккуратно ухаживать за своей женой, думая, насколько чиста эта женщина по сравнению с теми, кто встречался ему на пути и с кем он проводил жаркие крымские ночи.

В нужный срок, как и волховали Натальины родственники, у них родился сын. Отрезая пуповину, врач гарнизона произнес:

— С характером будет парень!

— Добре б, батюшка! — всплеснула руками новоиспеченная бабушка, мать Натальи, обтирая лицо и приглаживая растрепанные волосы дочери.

Гиреев слышал от своего деда о домашнем поверье обязательно называть мальчика Хасаном, но забыл, что это касалось последнего мальчика. А потому приняв ребенка на руки, сразу дал ему имя:

— Еще один Хасан Гиреев!

Измотанная родами Наталья, хоть и лежала чуть живая, все же попыталась воспротивиться такому решению:

— У нас имен бракуэ, чи шо? Навищо ты завчасно соби наступника на билом свити шукаешь? Може, назовем...

— Тихо, женщина, — перебил ее супруг, и, взмахнув указательным пальцем, произнес со значением: — Это тоже Хасан!

— Ну, досыть вам спорить, — миролюбиво вступила в разговор мудрая казачка, теща Хасана. — Инших сынов назвете по-иншому.

В тот момент никто не знал, насколько сильным окажется этот древний наказ семьи Гиреев. Сколько ни рождалось у них детей, кто выжил, кто умер, а из семерых был только один мальчик — Хасан.

Женившись и родив первенца, Хасан Гиреев как штаб-офицер взял себе положенные 400 десятин земли, построил добротный дом и посадил березовую рощу.

Издали стволы берез, когда над ними висела небесная голубизна, смотрелись как занавес цвета топленого молока. И в хорошую погоду, и в ненастье, шагая тропинкой меж берез, Хасан ходил в свою рощу слушать природу. Он молчал, довольный ни-спосланной радостью подумать в тишине о том, о чем люди нередко размышляют только в конце своего жизненного пути.

Он ходил споро, перекинув через плечо легкую холщовую сумку и напевал, сам не замечая этого. Просто так. От счастья.

Когда чуть подрос сын Хасан, они стали ходить вместе. С вечера на берегах на одной высоте они укрепляли ягдташи, металлические конусы для сбора березового сока, дробя ножом кору двух-трех берез. Утром сок спускался от зарубки прозрачными каплями, густеющими в сосудах тягучим медным медом, и они цедили через соломинку живительный настой.

Он давно победил свою ярость, и ему не хотелось уезжать из этого благодатного края, казачьей стороны, пригревшей однажды его душу своей незамысловатой, простой красотой.

Раньше, в далеком детстве и юности, в его жизни бывали моменты, когда счастья вообще нет. Нет и всё тут. Одна борьба. Слезы матери, ее несостоявшаяся судьба, постоянно вливали в его грудь чувство вины. «Зачем я живу, если приношу столько обид?» — думал он неприкаянно. Занятий с дедом он до конца не понимал. Учение казалось ему суровым и отстраненным от реалий бытия. Ритуалы ислама не давали его пылкой душе настоящего покоя. «Он придет к вере, но не сейчас», — говорил дед матери. «Мужчина должен пройти через все тяжкие испытания, чтобы оценить сладость жизни», — в этом суровый дед видел смысл жизни. Над их судьбами еще висело заклятье власти древнего рода Гиреев.

Для него, их потомка, абстрактная любовь и потребность в сильном и могущественном человеке была уже непонятна. Соединив свою жизнь с Натальей, Хасан почувствовал взаимность вполне доступного предмета обожания. Главное в его жене и подруге жизни — ее безмерная любовь к своей семье. Полюбила и до гроба! «Вот ведь ни разу не пыталась переделать меня жена моя, — благодарно думал Хасан. — Подстраивалась всегда». Хотя и сапоги с него не снимала, не опускалась до этого.

А терпела казачка многое, даже когда неумоготу было. И беременности-роды, и детей болезни — так за каждого дитя у нее на рукавах нарядной кофточ-ки семь цветков вышито. Хоть и семья у них зажиточная, но от тяжелой работы никто не освобождал. Ну как же отдохнешь от забот, если вчера Петровка была, значит, на этой неделе надо лук убирать, а то постынет... Терпела и нрав Хасана воинственный, неровный, и измены его. Бывало по молодости уйдет Хасан, скажет только напоследок: «Я человек служивый, военный, сборы у нас». И нет его день, и два. Она-то точно знает, нет никаких сборов. Про-плачется, потом подумает, отчего так. Как бы при-глядится с другой стороны, поймет, что была непра-ва, и вновь ее запас любви не иссякает.

Самые главные правила семьи Наталья и своим девочкам передавала. Бывало взбеленится кто из них, начнет языком болтать, а она враз расскажет,

что надо язык за зубами крепче держать, нечего соседкам трепать о том, что в семье творится. И, правда, не говори, не подумавши, потом раскаешься, а поздно. И другого виноватым считать не надо, лучше прощения попросить, даже если он совершенно неправ...

Так и жили они, не считая лет.

Прошли отведенные им Богом годы.

Ранняя весна в горах тянула сизым холодком.

Хасан уже не выходил из дома. Но, глядя в окно, он представлял, как совсем скоро березы будут давать устойчивую тень. Он будто бы видел воочию, как ниже по ручью весенний паводок заливал луга и через месяц поднимет травы в рост человека, а папоротники забьются комарьем. Он вспоминал, как легко мог раньше выйти в узкое ущелье, перемахнув через сопку, пройти по его дну, загроможденному россыпью камней, прятавших когда-то ручей, а потом выйти к огромному гранитному камню, с которого вниз змеилась сплошная лента воды. Он знал, как приятно повернуться лицом к ветру и, зажмурив глаза, долго сидеть на бурой от лишайника гранитной плите, прямо возле водопада. Вода, ударяясь об острые камни россыпи, будто бы исчезала, рождая хрусталь брызг. А с того края, где водопад освещало солнце, от вершины до подножья висела радуга.

Хасан уже только вспоминал об этих упоенных днях.

Одетый по обычаю своего времени в длинный халат из мягкой шелковой ткани с отложным воротником, подпоясанный турецким поясом с кистями, Хасан больше напоминал особу духовного чина, чем воина-зибияку. Его седые волосы равномерно ниспадали на плечи, обрамляя благородное лицо.

Он был готов принять смерть, он осмыслил ее, как когда-то его отец.

Открыв шкатулку, Хасан достал грамоту и стал читать: «Хасан Гиреев, сотник 18-го драгунского Северского Короля Христиана IX Датского полка Русской императорской армии за усердную службу государеву жалуется дворянским званием по военному чину и...». Он закрыл глаза, откинул голову на подушку и тихо преставился.

На могильной плите, покрывающей мощи усопшего благочестивого дворянина, эпитафия: «Хасан Гиреев, дворянин. От рождения семидесяти шести лет, в час празднования Навруз-Байрама, в семь часов пополудни преставился в 1914 году и погребен с почестями, надлежащими чину». На гербовом щите, украшавшем надгробие Хасана, изображены воинское оружие в виде двух мечей и лавровый венок — символ славы.

Глава 6.

«Лики любви»

Фудайл, сын Айяда, некогда был разбойником. Обратившись к религиозной жизни, он решил, что искренне почитает Бога и платит за свои прошлые грехи, так как он разыскал всех, кто пострадал от него когда-то, и возместил им их убытки.

Но однажды с ним произошел странный случай. Он посадил к себе на колени своего маленького сына и поцеловал его. «Ты любишь меня?» — спросил ребенок. «Ну, конечно же, мой мальчик», — ответил Фудайл. «Тогда, — продолжал сын, — зачем же ты всегда говоришь мне, что любишь Бога, если ты его не любишь?»

— «Мне кажется, я люблю его», — ответил отец.

«Но как же можно одним сердцем любить двоих?»

С этой минуты Фудайл осознал, что его «любовь» была, фактически, обыкновенной сентиментальностью и что ему необходимо найти высшую форму любви.

Это событие связывают со следующим его высказыванием:

«То, что обычно считается наиболее высоким или благородным достижением человеческой любви, на самом деле представляет собой низшую область возвышенных чувств, доступных человеку».

*Идрис Шах. «Путь суфия» —
Мунаджиб эль-Арифан*

Некоторое время после рождения человек живет искренней жизнью. Он весело смотрит на муху в чае, не осуждает волосок в хлебе, не замечает грязные манжеты, не чувствует водочный перегар от отца. Он охотно находит уцелевшую малинку в варенье, не раздражается от бабушкиного пения, с удовольствием царапает снежинку на замерзшем окне, не против без обеда и ужина поиграть в какую-нибудь игру, рад видеть всех друзей в своем доме.

А потом его учат... или не учат, а он сам понимает, что чудес не бывает, что жизнь сложна или просто заурядна. И вдруг в этой тусклой жизни появляется странное чувство — любовь.

Она появляется тоже не у всех. И не все хотят, чтобы она появилась.

Те, кто заморочился на темных красках или постоянно находят какие-то резоны, почему и за что они полюбили человека, не испытывают чуда преображения. Они предпочитают, чтобы их любили. А их собственное чувство абстрактно и целесообразно.

И почему только они удивляются, что их относят к разряду поверхностных.

А вот к другим, по совершенно непонятным причинам, вновь возвращается неразумное и нерациональное, по-детски красочное мировосприятие. Они, смеясь, вынимают мошку из «шампанского», едят пережаренный или недожаренный шашлык, щедро тратят деньги на подарки и сюрпризы любимому. Целуясь, они не замечают насморк, оставшись наедине, не разглядывают пятно на паркете, их не раздражает скрип кровати или неудобство зонта, когда идешь под руку...

И это любовь? Это она! И весна — самое прекрасное для нее время.

Небо расколосось с арбузным звоном, и небосвод рухнул на землю первым проливным дождем. Чуть пригревшаяся трава жадно впитывала в себя благословенную майскую воду, освещенную пасхальным перезвоном колоколов.

Буксир-работяга загудел на реке, обещая вскоре пароходную активность. А люди заторопились укрыться под навесами открывшихся на Набережной кафетериев.

— Здравствуй, Асичка! — затараторила я, поймав такси и усевшись на заднее сиденье. — Я к тебе сейчас уже еду. Вся мокрая, не успела до дождя, так что готовь чай, будешь меня сушить и греть.

Под впечатлением романтической истории я просто не могла усидеть дома. Впрочем, для 19 века эта

история могла быть прозой, зато для нас будничных это поэзия. Я-то догадывалась, что такой тип личности не мог довольствоваться только восточными блюдами, что какая-то загадка в этой истории есть. По крайней мере, ее имя — Анна Михайловна — имеет какое-то отношение к корням татарской драмы. Возможно, оно каким-то образом связано с той историей, которую ты сейчас узнаешь...

Познакомив Асю с историей любви героев исторической драмы, выслушав ее «ахи» и «охи» относительно нашего странного времени, от которого не знаешь, чего ждать завтра, я спросила:

— Одно не вызывает никаких сомнений, судя по такой родословной, Анна Михайловна, наверное, была романтиком?

— О, еще каким! Она скрывала свою натуру под маской неприступности и недоверчивости, но душа ее бушевала. Кстати, она, по всей вероятности, однолюб.

— С чего ты взяла? она не проявляла мягкость к противоположному полу или ты точно знаешь, что у нее была какая-то большая любовь?

— Я, конечно, не настолько хорошо ее знала, чтобы утверждать. Но о любви к какому-то известному летчику слышала. Причем к корейскому летчику. Она как то раз назвала его своим мужем... Но может быть, я чего-то не поняла?

— Вот это ракурс! При Сталине-то! Слова какие — «известный летчик» и «корейский»! Расстрельные слова, ты понимаешь?

— Мне помнится, это и была главная причина ее длительного срока заключения. Сначала ей присудили только пять лет, потом расстрел, а потом его заменили двадцатью годами каторги. Однажды она рассказывала об этом...

«...Его жене было 40 лет, когда подтянутый, всегда искрящийся улыбкой Ан Ким влюбился в меня. Мне было двадцать шесть, и наша разница всего в двенадцать лет совсем не чувствовалась, ведь мы всегда любим тех, с кем похожи, кто помогает казаться красивее и сильнее. Об этом знают все мудрецы. И ты об этом тоже должна знать, как женщина...

Я понимала, что его интерес ко мне связан не с моими интеллектуальными дарованиями, ему нужны были любовные отношения. Впрочем, так устроены все мужчины. Я знаю, у меня ведь были раньше мимолетные романы, но серьезных чувств не возникало. После первых свиданий уже становилось скучно, а если и продолжилось однажды знакомство, то после той ночи я поклялась никогда больше ни с кем вот так не сходиться. С ним все по-другому. Тут я ничего не могла с собой сделать — я влюбилась.

Глаза у него с темно-синей радужкой, их пронзительный и твердый взгляд жег мне душу. Он смел и напорист. И хотя он родился в корейском городе Кануме, в самой что ни на есть простой семье, он покорила меня своим благородством.

Мы познакомились совершенно случайно, оказавшись вместе на одной вечеринке. Это было на одной из дач под Ленинградом. Когда праздник подошел к концу и гости начали разъезжаться по домам, а хозяева их долго провожать, в доме неожиданно погас свет. В это время я вернулась в гостиную попить воды на дорожку. День и вечер маялась от жары, потом вина выпила, поела, и чаем не напилась. Дом у них большой, гостиная на втором этаже, надо по лестнице подниматься. Когда поднялась, в гостиной уже никого не было. И свет погас. Душа замерла: как же я теперь спускаться буду? Лестница очень красивая, но крутая. Но глаза в темноте постепенно привыкли, и только я собралась выйти в открытую дверь, как вдруг в проеме со свечкой в руках появился он.

Сначала он присматривался, не узнавая. Я помогла ему:

— Это я, Аня. Я забрела сюда за водой, а вот выбраться теперь...

Он подошел ко мне очень близко, с той мужской мягкостью, которая не допускала внутреннего отпора, и, коснувшись рукавом моего рукава, предложил мне свой локоть:

— Держитесь за меня, мы выйдем вместе.

Я шагнула ему навстречу, взяла под руку и ощутила какой-то родственный приятный запах. Он на мгновение остановился, наверное, почувствовал то же самое, и его рука обвила мою талию.

До Ленинграда мы добирались полночи, и всю дорогу целовались до головокружения, хотя были

еще на Вы, и только перед домом перешли на Ты.

Мне нравилась его мужская властность, его вдохновенная дерзость, проступающая во всем его облике — уверенная кряжистость, красивая голова с миндалевидными глазами неспешного хищника, крупные, почти круглые ладони. Мне нравилась его манера производить впечатление от своей мужской красоты. Мне нравился и мой трепет от его прикосновений.

Он был умелым любовником: крепкое танцующее тело, ласковые руки, омут губ... Страсть эта была незаконна, но неостановима.

Я очнулась от сна, почувствовав на себе его обожающий взгляд и услышав тихое «Доброе утро!». Он как будто и не ложился, был одет и свеж. Сидел на подоконнике и курил, отгоняя дым в открытую форточку.

Я сбросила с голых плеч простыню, перетерпев стыд, оделась.

Мы оба молчали. Я думала, даром, что он мне не ровня, не дворянин, да за ту ночь, что он мне подарил...

Он смотрел на меня, собираясь уходить, и я почувствовала себя одинокой, брошенной, точно отвергнутой. Перебирала в уме все, что произошло этой ночью, и тут вдруг меня обожгло: этого больше не повторится никогда. Хотелось спросить: «Кто мы теперь друг для друга, что с нами будет? Именно

с нами, а не между нами?» Но он может подумать, что я вешаюсь ему на шею. Слезы полились потоком:

— Я тебя больше не увижу!

— Ну, не надо плакать, — обнял он меня.

— Как же мне не плакать?! Ты же уйдешь и никогда больше не вернешься, а я... я люблю тебя!

— Не плачь, я вернусь к тебе.

Он уходил и возвращался. Он безумно любил меня и хотел жениться.

Мы стали заложниками житейских обстоятельств. У него была дочь, ради которой он не мог оставить семью.

«Во время беременности жены и после ее родов мы уже отдалились друг от друга. Я бы давно развелся, но моя жена... она скандалистка. Да и у меня не было таких серьезных увлечений, как сейчас с тобой, чтобы разводиться», — говорил он во время признаний. — «Моя жена всегда подсчитывает резоны: у нас есть просторная квартира — это большой плюс, престижная работа — еще один плюс, мы не жалуемся на здоровье — тоже плюс, у нас прекрасная доченька — это разве не плюс? Мы живем, не отказывая себе ни в чем — плюс! А я нахожусь, словно в тюрьме, решетка в которой из этих самых плюсов».

Конечно, у нас с ним в материальном плане ничего этого не было и в помине. Моя комната в те часы, когда он приходил, казалась уютной и просторной, и нам хватало всего того, что было. Став любовниками-супругами, мы каждый раз признавались друг

другу в вечной любви и верности, понимая, что наши отношения — не банальная «посадочная полоса». Мы дарили себя друг другу без посягательств на гонорар.

С разводом у него не получалось. Тогда нельзя было вот так запросто взять и бросить семью. За это сразу партийный выговор, а то и исключение из партии. Может он и хотел говорить о нашем будущем, но я ему не позволяла. И хотя ночей больше не было никогда, у нас были волшебные дни.

— Возьми меня с собой полетать, — попросила я как-то.

Он согласился не сразу. А потом сказал как-то: «Может и возьму... Ваське Сталину можно, а мне нельзя?» Я не спрашивала, что ему можно, а что нет, не теребила с просьбами. И вот однажды он взял меня в свой самолет — под видом журналиста, якобы для выполнения важного задания.

Двигатель хлопнул, завыл стартер, взывая, раскручиваются винты, и вот мы уже оторвались от земли.

Может, мне тогда показалось, но небо приняло нас. Оно подняло наши души, и мы, постепенно набирая скорость, а потом все быстрее и быстрее понеслись куда-то вверх. Острой болью в ушах преодолевалось пространство, тело, словно упавшее в огромный шар, тянула огромная, неодолимая сила.

Он повернулся, улыбнулся и кивком головы показал на иллюминатор. Света за стеклом было так

много, что, несмотря на защитные очки, невольно заслезились глаза. Внизу остались буро-зеленые лоскуты земли, казавшиеся в рассеянном золотистом свете многоцветно раскрашенным чертежом, и блестящая слюдяная пленка Финского залива.

А мы уже были там, где сияние неба безупречно и белооблачно. И почему люди ищут и не могут найти заоблачное седьмое небо? Здесь в небесах рядом с любимым человеком — это оно и есть.

Потом луч солнечного света из иллюминатора пополз на потолок, самолет завалился на бок и описал в воздухе крутую виражную дугу. Через некоторое время пол стал уходить вниз, казалось, мы падаем и сейчас воткнемся в землю. Я уцепилась за бортовую скобу, подобрала под себя ноги, как в следующую минуту самолет, подвластный разуму пилота, выровнялся, и земля начала быстро приближаться. Стали видны кроны деревьев, расплылся асфальтовый цвет взлетной полосы, затарахтели колеса, и, бешено дребезжа всеми частями своего тела, машина нехотя начала тормозить.

Мы были вдали от земной суеты, когда приземлились. Я повторяла, что это было просто сказочно. Он не был настроен так восторженно: «Да разве это самолет? Это же летучий гроб!»

Только когда мы вернулись домой, тело почувствовало усталость. Окрыленная небом, доверившись ему, я не думала, что это путешествие заберет у меня нашего ребенка. Впрочем, я не была уверена, что беременна.

Ребенок не выжил.

А потом в нашей системе арестов и лагерей не выжил и Ан Ким. Суд был скорым и приговор обжалованию не подлежал.

Я тоже не хотела жить. Мой внутренний огонь погас, душа сломалась, и я напоминала одну из тех истеричек-алкоголичек, лица которых увидела как-то утром в палате психбольницы.

С любовью было все кончено.

У меня появились новые друзья. Казалось, после всех этих испытаний все должно кончиться. Но жизнь по-прежнему предъявляла мне свои претензии...».

Небо разлазорилось теплым майским ветром, на солнце стало жарко, и одуванчики посеяли свои головки. От опадающих ягод тутовника асфальт становился фиолетово-черным и источал сладкий аромат наступающего лета.

Пора, благодатная для прогулок! Ася пообещала прийти в воскресенье с Ванечкой ко мне в гости, а потом мы собрались погулять по Набережной.

Запахавшись от торопливого шага по лестнице вслед за сыном, Ася протянула мне файл с листком, испещренным стихотворными столбцами:

— Вот! Нашла, когда хлам выбрасывала из стола. Может тебе пригодится для романа? Это задание, выполненное когда-то на занятиях с Анной Михайловной.

Стихотворение некоего Готфрида Бенна, которое она принесла, называлось «Потерянное «Я», и было снабжено переводом с немецкого на русский язык.

*Надуман мир. Пространство, жизни без
И идеалы, что создавал веками человек,
Функционируют как нереальность –
Миф их обрек.*

*Откуда и куда — без полночей, рассветов,
Без восклицов победы, слез богов
Ты хочешь одолжить название это,
Но у кого?²⁴*

— Мистика и экстравагантность, — я взяла на себя роль цензора. — А стихотворение для перевода выбрала Анна Михайловна?

— Ну, конечно. Моя задача — тренироваться в переводах. У меня таких заданий, ты не представляешь, было сколько!

— Это понятно, просто выбор автора и его шедевра для перевода...

²⁴ Gottfried Benn (стихотворение приводится в переводе автора).
Die Welt zerdacht. Und Raum und Zeiten
Und was die Menschheit wob und wog
Function nur von Unendlichkeiten –
Die Mythe Log.

Woher, wohin — nicht Nacht, nicht Morgen,
Kein Evoe, kein Requiem.
Du moechtest dir ein Stichwort borgen
Allein bei wem?

— Ну, знаешь! Это же просто неадаптированный текст, автор-то сравнительно современный — не Гете, не Шиллер, которых давно перевели.

— Однако название стихотворения очень символично — «Потерянное «Я». Это ведь и ее исповедь в чем-то. Значит, она все-таки мучилась потерей части души?

— Не преувеличивай, — с усмешкой сказала Ася, — Она не комплексовала по поводу личностных проблем. У меня этих комплексов куда больше!

— А у тебя-то отчего?

Ваня, осмотревшись по сторонам, исследовавший новшества на нижних полках шкафов, начал тянуть нас на улицу. Притягательный теплый воздух не мог долго удерживать его в каменных стенах, и он засобирился на улицу:

— Тетя Юля, берите ключи, часы, колечки и пойдете гулять!

— Какие мне взять колечки, Ванечка? — не поняла я.

Ваня показал на пальчики. Ага, значит, надо еще и украсить себя. Что ж, весна действует на всех!

Мы спустились по крутой лестнице вниз к Дону, прошли вдоль берега реки, миновали здание бывшего кинотеатра «Прибой», постояли возле старого двухэтажного дома, наряженного в сетчатый баннер, изображение на котором точно повторяло былые окна, двери, фасадные украшения. Потом ос-

становились рядом с рыбаками, прислонившими свои спиннинги, самодуры, переметы, закидушки, поплавные удочки к перилам ограждения. Кто с фабричным, кто с самодельным удищем пришел сюда встречать закат, но все они немигающим и одуревшим взглядом смотрели на воду, отдыхая каждой клеточкой души и тела.

— Что это такое, мамочка?

— Это рыбалка, Ваня, любимое занятие мужчин.

Они ловят рыбу.

— Настоящую?

— Настоящую.

В воде лещ блеснул как поднос, и рыбак быстро подтянул лесу.

Ликование Ванечки было чересчур громким, и на нас стали недовольно поглядывать любители расслабиться у воды.

Мы торопливо зашли в открытое кафе и сели за столик. Пока Ванька уплетал мороженое, Ася рассказала мне свою историю любви...

«... На самом деле, моя жизнь и любовь к Георгию неразделимы. Я пыталась убедить себя в том, что могу обойтись без него, когда он ушел из дома. Я заставляла себя обращать внимание на других мужчин. Но в других я только пыталась отыскать его черты. И знаешь, каждый из новоявленных ухажеров был не укомплектован теми качествами, которыми обладал он.

Мне нравилось, что он волевой и бывает иногда грубоватым. Я ведь знаю, что эта brutality отчасти показная, а на самом деле он очень тонко чувствует мир. «Как ты его терпишь? — спрашивали подружки-сотрудницы. — Уж слишком он волевой, от таких нормальные женщины устают».

Кроме его внешности, он умеет раскованно, но не вульгарно, держаться, и поэтому всегда оказывается в центре внимания. Конечно, это может показаться позырством, но я-то знаю, что свободная манера поведения идет от общей культуры, поэтому он не думает о том, что сказать и как, а ситуативно находчив.

Терпеть не могу женатых, отвечающих на вопрос о своем статусе словами «как вам сказать...» или «я сейчас все объясню...». Это я поняла после одного из таких знакомств. Того пустомели хватило бы надолго, чтобы обсуждать недостатки своей жены. А меня на один день. Я думала, что Георгий со мной так бы не поступил.

Да и по очередям он не собачился, и не жадничал, и с ним было не скучно...

В общем, это моя вина, что не удержала его.

После окончания школы прошло семь лет, когда мы с ним встретились. Оба закончили институты, я в Казани, он в Москве. А встретились в Ростове-на-Дону, в аэропорту. Оба возвращались в конце сентября с курортов, я из Сочи ехала с пересадкой, он из Греции.

Смотрю и глазам своим не верю: высокий, темно-волосый молодой человек в длинном светлом плаще озадаченно разглядывает свой билет в кассе. Не удержалась от соблазна подойти и поздороваться:

— Привет, Георгий, куда путь держишь?

Он обернулся, обрадовался, заговорил что-то «какая красивая», «где живешь», схватил меня по мужицки за плечи и расцеловал, окутав романтичным, стильным, авантюрным шлейфом «Bugatti». Потом увидел, что я смутилась от всплеска эмоций, и забытым голосом произнес:

— Ты... с мужем здесь?

— Я еще не замужем.

— Я понял, надо торопиться и оторвать тебя от всех, что здесь.

Он резким движением подался к окошку кассы и сунул назад свой билет:

— Девушка, я сейчас не лечу. Возьмите обратно билет.

Я стояла и думала, почему он меня не спрашивает, когда я лечу. У меня рейс через полтора часа.

Ну, все, — он сгреб деньги в карман плаща и широко улыбнулся. — Поехали, погуляем?

— У меня рейс через полтора часа, извини, — я строго посмотрела ему в глаза, но в тот же момент почувствовала, что не удержусь от соблазна.

— Ты не поверишь, но эта встреча не совсем обычная.

— ?

— Да, она мистическая! Я только что в самолете вспоминал тебя, а потом подумал: «Лечу по небу, рядом с Богом. Вот где надо обращаться к нему!». И мысленно попросил: «Боже всемогущий! Помоги мне увидеться с моей Асей!» Видишь, Он выполнил мою просьбу. А ты почему отказываешься?

— Не знала, что ты на короткой ноге с Богом!

— Это внезапное озарение! Я был атеистом. Но ты все-таки не ответила, почему ты не хочешь побыть со мной?

Я почувствовала, что теряю уверенность, и заторопилась с ответом:

— Мне, действительно, пора идти на регистрацию, пора лететь домой.

В его глазах появилось отчаяние.

— Пойми, дело не в тебе, у меня же самолет скоро, — произнесла я уже неуверенно.

— Да не нужен нам с тобой никакой самолет, чтобы улететь к нашему счастью! Давай сюда свой билет!

Я вынула из кармана билет, протянула Георгию, а он проделал ту же процедуру, что и пять минут назад в окошке кассы:

— Забирай свои деньги, сейчас сдадим багаж в камеру хранения и-и-и-и-и...!

Я вложила свою руку в его широкую ладонь, доверилась ему полностью, и мы поехали в центр го-

рода. Сначала он потащил меня на Садовую. Потом вышли на Буденновский проспект и забрели в ресторан гостиницы «Ростов».

В распахнутых настежь дверях виднелся большой затененный холл, уставленный фантазийными вазами с цветами. Мы вошли в прохладу зала, заметив, что молодой швейцар заигрывает с официанткой в коротком синем платье с белоснежным фартуком.

— Здравствуйте, проходите! — мгновенно переключилась игривая пара на новых посетителей.

Аппетита не было ни у него, ни у меня. Нам больше нравился инстинктивный трепет неловких прикосновений и жар, исходящий от взглядов и рук.

— У нас сегодня уха по-старочеркасски, жаркое из телятины, жульен, холодные и горячие закуски из мяса и дичи, — весело стрекотала девушка, усаживая нас за столик у окна.

Мы уселись визави и сделали заказ из всякой всячины.

— У тебя роскошные духи! — призналась я.
Он слегка улыбнулся и почти пропел.

Теплый ветер над летним лугом.

Серп месяца над Москвой.

Духи.

Мужество и нежность.

Мужчина и женщина.

Вы.

— Удивил!

— Мне Пастернак помог, — зачем-то уточнил он.

— Откуда это мне на голову свалился такой эрудит?

— Я из отпуска еду, но обстоятельства на работе сейчас так складываются, что может быть, останусь без работы.

— Ты и без работы?! Хочешь, чтобы я тебя пожалела?

— Хочу.

— Тогда скажи, что же у тебя за обстоятельства.

— О-о-о... ты даже не подозреваешь, сколько пловцов утонуло в коварном стечении обстоятельств! А если серьезно, у нас грядут большие перемены. И мне надо определяться. Может быть, даже организовать свое дело.

Он говорил, а я думала, что испокон веку по необъяснимому земными законами стечению обстоятельств влюбляются люди. Не по сословному и не по национальному признакам, а именно как пловцы — головой в омут.

— Ты по этому поводу был в Греции? — я старалась держаться непринужденно.

Георгий улыбнулся.

— И по этому тоже. А ты прозорлива!

— Скорее, насторожена. Неужели ты задумал побег через границу?

— Полноте, сударыня! Мой политический горизонт не настолько мрачен. Я делом хочу заниматься,

хочу автомобили красивые и очинно надежные делать. И не «ихними», а нашими, пусть даже их считают придурковатыми руками. И здесь. — Георгий постучал указательным пальцем по столу. — Так что с чувством «глубокого удовлетворения» я останусь вашим соотечественником.

Я поняла, что он патриот, но не удержалась от иронии.

— А Греция уже с нами?

— Куда ж она денется, измучившая себя европейскими играми, христолюбивая Греция? Мы с ней будем в тесном сотрудничестве.

— Родители-то твои в курсе греческого штурма? — я вспомнила, что они у него из соцдворянства.

— В курсе. Отец поддерживает, а мать... она не очень усложнилась со времен социализма. Думает, что престижнее работать на уважаемом государственном предприятии, представлять его элиту. Чуть что, плачет. Я говорю: «Мама, я хочу делать большие деньги!» А она: «Это не профессия!»

Я послушно держала свои руки в его ладонях, а наши ноги соприкасались. У него, оказывается, зеленые глаза. Почему я думала раньше, что карие? Ведь не могли же они изменить цвет!

— Ну, а ты-то как планируешь свою жизнедеятельность? — его вопрос прозвучал искренне.

— Пока заочно учусь в аспирантуре, кандидатскую пишу на кафедре современной зарубежной литературы. Недаром же просидела за партой советской школы десятилетку.

— Скоро будешь хирургом зарубежных классиков?

— Ну, я уж не так рьяно их критикую и анализирую. Скорее исследую декаданс.

— Красиво говоришь, а чем денежку зарабатываешь?

— Работаю в детском саду. Ты знаешь, мне нравится. Зарплата, правда... Подрабатываю частными уроками. Ну, как-то так...

— Живешь там же?

— Да, там же. Одна.

— Вот это самое важное сообщение! Отказ от близких совсем-совсем? Это что же, ты приняла путь святой, подвижницы?

— Есть вещи, которые надо принимать, не рассуждая.

— А я бы порассуждал. И попробовал бы переубедить. И может быть, тебе показалось, что двум подвижникам вместе живется лучше? Что может быть гармоничнее брака по любви?

Мы загружали друг друга нашими судьбами и взглядами на сегодня, на завтра, меркантильное и возвышенное, спорт и моду, кухню и книги. Интересно, что мы совпадали, как два пазла, которые потерялись, а потом нашлись. Мы уже нашлись.

Нам казалось, что мы говорили недолго, но в окнах напротив загорелся свет.

— Я уже забронировал для нас с тобой номер, — Георгий посмотрел на меня как-то по-новому, от чего потянуло в животе.

— Я тебя совсем не знала такого? — призналась я.

— Я тебя тоже. Но ты уверена, что узнаешь меня после долгих разговоров или после долгих лет совместной жизни? Я — нет. И может быть в этом и состоит главная прелесть любви?

Каждый из нас подумал о чем-то затаенном. Мы, обнявшись, вышли из зала и поднялись на третий этаж.

В двухкомнатном люксе было по-сентябрьски прохладно. Но двое сумасшедших не могли замерзнуть наедине друг с другом. Он одним движением руки снял покрывало с кровати и притянул меня к себе. Исходящий от него запах духов мягко сливался с запахом тела и обволакивал душу флером какой-то первозданной силы.

Он оказался совсем не грубым. Напротив, меня приятно тревожили его хозяйские объятия и мужская непреклонность. И я хотела думать, что у него никого до меня не было и не будет. Мне было так хорошо с ним, что я забыла все свои прошлые обиды и проблемы. Хотелось только исчезнуть в этом незнакомом городе, умереть в его ласках, не думая ни о чем, падать и подниматься на волнах нашего восторга.

Вихрем пролетели выходные дни в Ростове.

Приближающийся блеск стекол аэропорта заставил сердце биться чаще.

— Наш самолет еще не пришел?

— Успокойся, Асинька, мы едем заранее и полетим только через час, — теперь я удивлялась его

сосредоточенности, с какой он решал все условности поездки.

Я пришла в себя только в самолете, когда на табло загорелись слова: пристегните ремни! Откинувшись в кресле и держа за руку Георгия, я боялась, что эти южные ночи окажутся последними в нашем коротком романе. Бурная жизнь заслонит мое счастье своими проблемами, отодвинет его на второй план. Родители, узнав обо мне, не будут в восторге от выбора своего сына, я помню эту амбициозную татарскую семью. Они сделают все, чтобы мы больше не встречались. А я не могла представить себе, как жила раньше без Георгия и не хотела его терять.

«Неужели я повторю судьбу своей матери — любить и потерять?»

Потом я вспомнила, что лечу по небу, рядом с Богом и надо поскорее обращаться к нему: «Боже всемогущий! Помоги мне не расставаться с моим Георгием!»

Толчок колес. Гигантская птица бежит по асфальтовой полосе, постепенно останавливая степной пейзаж за окном.

Мы прилетели в Набережные Челны. А потом решили не расставаться никогда, чтобы каждому из нас не потерять себя.

А сейчас эти стихи напоминают мне о том, что я потеряла в своей жизни...».

Слово «любовь» звучит многоголосо и на тысячу ладов.

«Люблю» может легко выпорхнуть с губ и раствориться в мороженом, клубнике, блузке, туфлях, удочке, яхте, авто...

«Люблю» способно обороняться и митинговать, усиленным динамиками хором и крепким баритоном...

«Люблю» умеет ностальгировать по 10 «Б», по дворовому футбольному «Факелу», по пионерскому лагерю «Парус»...

Получается, что «люблю» — это слово-магнит, которое позволяет огромному «Я» притянуть и держать долго и надежно, а порой всю жизнь, самые разные вещи. Даже те, в которых человек уже не нуждается.

Как бы ни хотелось отмахнуться от сравнения с человеческими взаимоотношениями, все равно возникает та же схема. Только еще конкретнее, ведь в ней есть «я» и «ты». Причем «Я» на первом месте. Буква большая, заглавная, она важно начинает предложение (и текстовое, и «руки и сердца», и коммерческое).

«Я» может так же легко, как и клубнику, держать, а тут уж скорее, легко придерживать кончиками пальцев, «поел-бросил», незначительно маленькое «тебя»: «Я люблю тебя... и тебя, и тебя тоже, а тебя уже нет...». Проходит физическое влечение и

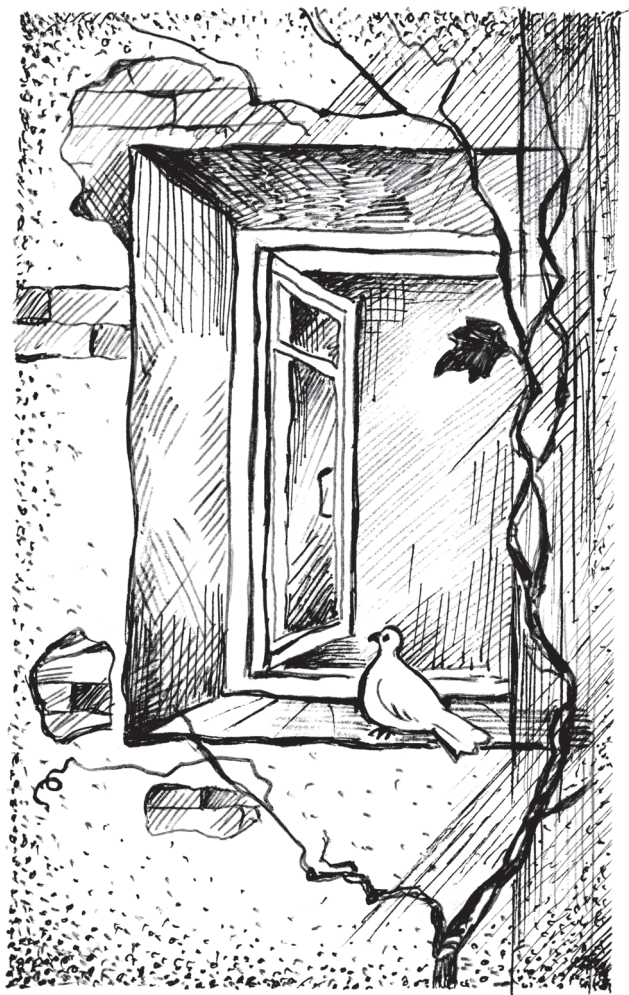
уносит с собой иллюзию любви или какую-то тревогу, или тщеславие.

«Я» способно требовательно и напористо держать в узде слабовольное «тебя», имеющее несчастье быть любимым: «Я хочу, чтобы ты меня любила! Я тебя никому не отдам!» Страх перед одиночеством? Или жажда покорять? Или потребность причинять боль и унижать?

«Я» умеет привязываться так, что бедное «тебя» не знает, куда деваться и жаждет свободы: «Отстань от меня, от твоей любви сдохнуть можно!»

У «я» всегда вызывает неудобство равновесие с «тебя». «Люблю», покачивая чашечки весов, устанавливает баланс обладания или человеческого отношения. И вот тут-то есть секрет. А может и формула любви. Равновесие предполагает равенство — обмен, что даешь, то и получаешь. Чем больше уменьшается «я» и одновременно увеличивается «тебя», тем ровнее, плечики весов «люблю». Тот, кто сначала думал только о собственном благе и обладании, забывает о себе, растворяя свои капризы и амбиции, истощает свое надутое величие и живет в любимом человеке. И ему нет нужды утверждаться самому, потому что его утверждает другой.

Глава 7. «Крестный ход»

Сахл Абдуллах однажды на религиозном собрании впал в неистовство. Тело его забилося в конвульсиях.

Ибн Салим спросил: «Что это за состояние?»

«Это не то состояние, при котором в человека входит сила, как вы воображаете, — ответил Сахл, — это просто дань моей собственной слабости».

«Если это было слабостью, то что же такое сила?» — спросили другие участники собрания.

Сахл ответил: «Сила — это когда нечто подобное входит в человека, но его ум и тело при этом ничего не проявляют».

*Идрис Шах. «Путь суфия» —
Эль-Шафай*

Карабкаясь по генеалогическому древу потомков Шагин-Гирея, я каждый раз думала, что вот-вот одна из ветвей обломится и отделить правду от вымысла будет невозможно. Тогда даже Шерлок

Холмс, герой моего библиотечного детства, ничего не смог бы узнать. За то время, пока я вожжаюсь с многочисленным родственникам этой непростой семьи, я научилась относиться к найденным фактам без наивного первоначального воодушевления, которое возникло от неординарности личности легендарного Шагин-Гирея и ситуаций, связанных с его жизнью.

У меня не было ни писем сумасбродных отпрысков рода Гирея, ни нотариальных описей их фамильных сундуков — ничего, что подтверждало бы причастие Шагингиреевой А.М. к роду последнего крымского хана.

Разноцветные листики с именами и примерными датами рождения и смерти внуков, правнуков, праправнуков, племянников, племянниц были разложены прямо на ковре, а галочками я отмечала все отработанные версии их биографий, которые мне удавалось разыскать в огромном море источников. Нити их родства на каких-то ветвях превращались в настоящие вериги, а где-то ослаблялись настолько, что вызывали сомнение в целесообразности моей затеи.

Да... всякую женскую дребедень писать куда легче!

На самом верху стихийно сложенного дерева находилась фотография с неумолимо-суровым лицом Анны Михайловны, будто бы подстрекатель на поиски новых и новых фактов семейного альбома.

Куда делся след этого воителя Кавказской войны? Каким образом один из потомков оказался в

Ленинграде? Опять же в городе, любимом Шагин-Гиреем. А Крым что! Крымские пляжи теперь включены в категорию «не-наших» радостей. Туда теперь непросто добраться за материалами.

Может быть, попробовать идти обратным путем, сверху вниз? От самого Ленинграда, от самой Шагингиреевой. Не мешкая, я обратилась за помощью к архивам НКВД, и мне довольно долго пришлось поколобрить в этой каше. Тогда для многих крестным ходом стал острог.

— Осужденная Барач! Вы сейчас говорите правду или опять врете? — уполномоченный раздраженно положил ручку на стол и сплел пальцы рук.

— Судят виновных, а я невиновна.

— Уже не обсуждается! Вот за свое вранье ты и поплатилась.

— А когда я вам врала? — она рассмеялась и надменно добавила. — Мой отец — потомок последнего крымского хана!

— Ну и что ты этому радуешься, как дурак пожару? Мы тебя в психушку отсюда не переведем, не надейся, работать будешь, как все.

— Да я же не вру вам! Это правда.

— Правда? А про отца-есаула уже забыла? Как он у тебя в «белой» армии служил, забыла? Или он у тебя итальянский консул? Тогда почему же ты чер-

кешенка, внучка султана? — он гневно хлопнул ладонь по краю стола. — Хватит кривляться! Работать она не хочет и рот на замке держать никак не научится! Тебе могут и прибавить срок отбывания наказания, запомни! Ты здоровая баба, иди и работай!

— Ты, начальник, — Анна смотрит на него исподлобья. Будь ее воля — уничтожила бы в два счета, — как будто юбку мне задираешь и показываешь всем: смотрите-ка, какие у нее ножищи, что для нее нагруженную телегу вместо лошади таскать?

Анна никак не могла смириться со своим нынешним положением, и тогда она выбрала жребий саморазрушения. Худощавая, смуглая, ершистая, она напоминала броскую мишень.

— Правительство у нас...

— Ты что?! — при аполитичных словах здесь все понижали голос.

Не приглушая свой протест, она продолжила:

— Я говорю, правительство у нас ангельско-евангельское, — она с вызовом посмотрела по сторонам и продолжила. — «У кого много, у того станет больше. А у кого мало, у того отнимется».

— Смотри, Анька, при нашем нынешнем нематериальном положении истребят тебя дотла.

Но она будто нарочно не слышала никаких предупреждений. Находиться в лагере и работать наравне с представителями бывшего класса-гегемона, бескорыстными революционерами-победителями, проглотившими свои языки, ей было невыносимо.

— Я не пойду на работу, и вы тоже не ходите. Поддержите меня, они тоже пойдут нам на уступки. Что это мы должны с вами лямку тянуть за этих гадов?

Когда на ее призывы не отзывались, она, зыркнув на «смирных овец», взрывалась от накопившейся энергии, сверкая глазами, размахивая руками:

— Вы все говорите, что так жить нельзя, а живете. Значит, вам по чину чаша ваша. Пейте, пока глотки не переполнятся! Допьете последний глоток, поумнеете! Но вы никогда не заставите батрачить на вас дворянскую кровь.

Кто-то тайком крестился, не понимая, как ее жилы могут нести какую-то другую кровь, другие проговаривали молитвенно: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь!» Охрана тут же наводила порядок, скручивала ей за спиной руки, толкала вперед из барака, а она, одержимая злом, кричала:

— Пусть меня убьют, и поскорее. Давайте, убивайте!

В минуты таких истеричных вспышек она больше напоминала доведшую себя до самоистязания бабу, чем юрдовую. Но косые взгляды товарок быстро определили ее, как «блаженную дурочку», и с ней старались не связываться.

Мучительное состояние тоски доставляло ей самой немало страданий.

Расхождение между истинной картиной действительности и ложной не смущало ее, казалось, что она даже верила в то, что утверждала, хотя у поселенцев Усольлага НКВД все же было подспудное недоверие и раздражение к ее фантазийному роману жизни. Про дворянку они все слышали, про борьбу ее отца с красным террором тоже, про турецкого султана знали, слышали и про любовь «всей жизни» к корейскому летчику, другу Василия Сталина. Далеко не всегда окружающие ее люди понимали эту восточную увлеченность, поскольку к некоторым историческим личностям имели свое сугубое отношение, а чаще всего ругались и обзывались. Им тогда было невдомек, что она рассказывала-то свои истории, чтобы не быть отторгнутой ими, своим новым окружением.

Но кто из них обвинит ее во лжи? Кто, например, обвинит во лжи ребенка, упивающегося сказочными додумками и голосами своих игрушечных персонажей, радостного от того, что может делать и говорить «по-другому», вырваться из рамок послушания фактической реальности? А ложь Мюнхгаузена, возведенная в высшую романтику?

Но особенно сладок самообман бывает там, где умирают вся прошлая жизнь, все бывшие друзья и связи, все вещи, которые удерживали в плену объективности. Там, в Усольлаге, ей надлежало построить новую себя, раз прежний вариант ее жизни потерпел полное фиаско. Она выбрала запутанный путь такой же петляющей, как и ее судьба, биогра-

фии. Он скрашивал мутно-серую реальность и уводил в мир иллюзий и грез лучше и быстрее, чем крепкий наркотик. Он давал шанс прожить жизнь, дополненную целой палитрой красок.

Однако ее время — это эпоха конкретных и четких фактов. Скользящая информация — и новый срок. Пустопорожние разговоры квалифицируются как контрреволюционная агитация и клевета на советскую власть. Отказ от работы, неподчинение начальству лагеря — приговор ужесточается беспрекословно. Участвовавшие вспышки гнева — определение в категорию «Опасная для жизни»: ст. 58–10, ч. 2, высшая мера наказания — расстрел.

Нет, она не заслужила смерти. Она просто обрекла себя на нее. И потому Бог оставил ее в живых. Хотя там она не верила Ему. Голая, босая, разоренная, униженная — зачем она будет обращаться к нему, если Он ее презрел. Зачем она будет восхвалять Его, если лишена даже права на свое горе?

5 ноября 1939 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР переквалифицировала преступление Барач А.М. на ст. 58–10, ч. 1. УК РСФСР и определила меру наказания 10 лет тюремного заключения с поражением в правах 5 лет. Она осталась жить, ее расстрел был заменен увеличением срока лагерной жизни и невозможность выйти за черту оседлости.

Господь так решил. Он воззрел на ее душу и захотел, чтобы она выросла в полную свою меру. Он знал, что для этого ей нужна нужда и оставленность.

Продолжая переживать свою умершую любовь, Анна начала слагать романтические истории. «Перевоплощенные образы римских правителей и дантовских персонажей в русскоязычном регистре — это заманчиво, — раздумывала она о будущей жизни. Если я когда-нибудь выйду отсюда живой, я напишу о тех эпохах справедливости и человеческого достоинства. О рабах политики и рабах любви, о Цезаре и о Данте». Продумывая сюжетную линию и перипетии судьбы великих мира сего, она была будто бы под защитой протектората, могущественного своей силой и властью.

— Что ж ты сейчас не пишешь? — бездумно спросила одна из поселянок. — Писатели все по ночам пишут, и у тебя время найдется, если захотеть.

— Вот это, — Анна обвела комнату царским жестом, — меня не вдохновляет. О плебейх я больше писать ничего не буду.

— Отчего же? — не приняв царского почина, не унималась та, еще больше распаляя горячую натуру Анны. — Бороться надо разными способами.

Анне тут же вспомнилась история о том, как на похоронах Цезаря в помпейский зал залетела странная птица с веточкой лавра в клюве, и ее сразу же растерзали хищные крылатые твари, примчавшиеся

невесть откуда. Видение этой сцены пришло внезапно, и она яростно вызверилась густым лагерным сленгом на свою обидчицу. Потом, сжав слова в горле, замолчала. Ошарашенная похабностями, соседка по бараку отошла в сторону. «В СССР можно писать только патриотические стихи и историческую прозу. Остальное опасно, даже если всем этим тварям интересно», — сросшиеся на переносице брови Барач напряглись, и, продолжая внутренне бурлить, она уже мысленно объясняла самой себе причины своего творческого бездействия. «Пятиконечная звезда означает пять «нет»: нет антисоветским высказываниям, нет национализму, нет религиозному опиуму, нет сексу, нет пропаганде войны. И за этой четкостью всегда стоят субъективные мнения, а точнее сомнения. Мнение — это когда не очень уверен, но кажется, а если их несколько, что тогда? Тогда твое творческое поле закатают асфальтом.

А если уйти в другой мир, в другую эпоху... Это отдых от монотонности и шума, от грязи и обид».

— Барач, ты опять ходишь, как в своем сне? — вступала в поединок следующая.

— А ты можешь предложить мне что-нибудь другое? — спрашивала она пустоту.

В последние два года своего заключения она часто поговаривала о романе, который уже полностью

продуман в ее голове. Но ее характер, испорченный одиночеством, не давал ей высказаться вслух о том, что это будет за работа, о чем. Барак втихаря подсмеивался над ее странностями, а были и такие, что жалели «бабу, умом тронутую».

Мираж сомнения рассеялся, оставив задумчивость, которую она понимала, как повеление свыше, и переживала, что не может записать на бумаге тот космический диктант, который ей повелено осуществить.

Герои ее прозы жили и не беспокоились, что они посреди этого мира расставлены как статуи или знаки жизни, по которым следовала замкнувшаяся на своей беде и не пытавшаяся найти свое отражение в любви другого человека мечтательница и фантазерка. Анна подспудно понимала, что для нее теперь, что Европа, что Средиземноморье — вроде бы и реально, а ей там никогда не бывать.

«Вот интересно, почему прекрасная и любящая Франческа попала в Ад? Почему Данте, благоговейщий перед величавым, объективным, неподвзятым, уравновешенным Гомером, отправил ее в преисподнюю? Значит ли это, что между ним, Алигьери, и Беатриче, которой и посвящен этот литературный труд, все же была не только духовная, но и плотская связь? Беатриче-Франческа встречает в загробном мире своего воздыхателя не как подруга, а как ревнивая женщина, раздосадованная его любовными похождениями после своего ухода. Это значит, «Комедия» не лишена натурализма...».

Сложности лагерной жизни уже не так волновали ее, как прежде. Она привыкла. Каким-то неведомым образом в нее вселилась успокоенность и превратила ее в обычного советского человека, когда говорили «нет», значит, нет.

— Скоро, скоро уедем отсюда, развяжемся с каторгой, — говорили ее соседи по бараку, прибывшие в Усольлаг, кто раньше, кто позже.

Анна с содроганием слышала эти восторги, думая, что вот освободят, надо ехать куда-то, а податься ей некуда. «С весельем неразлучно невеселье».

Она очень любила Крым, но возвращаться туда не собиралась. Чего она боялась? Обнаружить, что таким, каким она его знала, его уже нет? Лучше киргизская степь, зной. Хоть бы птичка какая пролетела — но и те куда-то попрятались. Впрочем нет... где-то на крыше зачирикали воробьи. Но в небе пусто. Видно, никому не хочется летать.

Сейчас Анна мечтала жить в маленькой комнатенке в какой-нибудь избушке, окруженной виноградником. Наверное, только в старых и далеких сказках бывают такие уютные домики на отшибе. Или в еще более нереальных воспоминаниях о детстве.

Отвернувшись к стене, она не заметила, как в бараке наступила полная тишина. Тоскливая серая печаль. Где бы ей захотелось оказаться в эту мину-

ту? Где-нибудь в совсем незнакомом месте, где бы ее никто не знал, далеко-далеко отсюда...

«Главная комедия жизни — Любовь. Для Данте она «движет солнца и светила». Любовь Данте — это колоссальный надгробный памятник своей любимой женщине. Надгробный... Так что же лучше — неверная красавица или некрасивая, но верная жена? Нет, он мыслил, как и я, ведь мы с ним под одним небом получили вдохновенный знак творчества».

— Бабы! А ну стирайтесь, живо! — ворвался в утренний сон женский вопль. — Я сейчас рубаху исподнюю сняла, а по мне вши, да крупные, черные, бисером. Опять появились, звери. Зима холодная была, позатыкали все, а они, вишь, выползли. Надо уксусу у надзирателей взять, санобработку срочно делать. Вот жись: не кует, так плавит.

Прошло еще несколько лет. Дезинфицированная от больших запросов, Анна приехала в Ростов-на-Дону. Она брела по незнакомым улицам и удивлялась, что город продолжал оставаться живым. Там ей казалось, что везде наступила полная разруха — убита культура, значит, убито все. Но жизнь продолжалась, и ничто не улетучилось в тартарары. Жизнь оказалась неистребима. Ее заплеснуло, замазало мазутом, а она все равно продолжается.

Когда-то проездом она была здесь, и город оставил по-южному праздничное впечатление. Люди прогуливались по улице Садовой — от Ворошилов-

ского до Буденновского и назад, демонстрируя умопомрачительные наряды и украшения. Из парка им. М. Горького неслась мажорная музыка, вызывающая улыбки и надежды, афишные столбы пестрели лицами гастролеров и приглашениями на концерты, от кафетериев веяло свежесваренным кофе и ванильными плюшками.

И теперь настроение праздника не улетучилось. Только проспекты стали шире, улица Садовая раздвинула прогулочную дорогу до самого Театрального проспекта, а время нарядило прохожих по моде другого фасона. На перекрестках небольших улиц стояли бойкие продавщицы овощей и фруктов, обложенные со всех сторон деревянными ящиками со смешными ценниками: «Яблоки райские — 10 коп., груши медовые — 15 коп., синенькие²⁵ заморские — 8 коп., огурчики закусочные — 6 коп.». Видимо-невидимо этих райско-закусочных даров Дона!

То и дело на улицах попадались иностранцы — негры-студенты ходили, как у себя дома, туристы группками скворчали на разных языках, показывая фотоаппаратами и кинокамерами на архитектурные сооружения. Празднично одетый, богатый народ не грустил.

От этой фривольной картины Анна почувствовала подавленность, будто бы она вернулась из другой

²⁵ Баклажаны (рост. простореч.).

эпохи, пропустив в своей биографии что-то самое главное. Она свернула с улицы Садовой и пошла куда-то вверх от Дона. Ресторан при гостинице «Южная» ее испугал возможными ценами, она двинулась дальше. Остановилась возле памятника Пушкину, потом взяла ближе к деревянному забору, отгораживающему большой угловой многоэтажный дом от какой-то стройки, перешла на другую сторону. Там она и нашла столовую попроще, что на углу улицы Красноармейской и проспекта Ворошиловского. Оказалось, что это пельменная.

Она поставила на поднос тарелку знакомой из ранне-советского меню еды и начала медленно есть. К ней подсел какой-то кукольный очкарик, неказистый и хилый, какие строят из себя очень нравственных. Сначала он ел молча, смотрел на ее руки, приглядывался к лицу, а потом спросил:

— Вам не кажется, что маловата порция?

Она тактично сделала вид, что не слышала сказанного, показав взглядом, что ей все до лампочки. Он придвинулся и, глядя на ее губы, выдохнул ей в лицо гнилостным запахом:

— Зэчка, да? Идемте ко мне жить, я один. Не хватает мне... тепла. Пойдем, слышь?

Ей как-то удалось обуздать демонов своей психопатии, промолчать и только глазами выразить навернувшуюся ненависть, но она вдруг почувствовала тошноту от съеденных пельменей, искала глазами надпись «Туалет», вскочила, зацепив и опрокинув тарелку на него, и выбежала из-за стола.

Любитель дарового женского тепла злобно прошипел про ее неловкость ей в спину и, промокнув губы салфеткой, вышел на улицу.

Обед вырвало. Уже не в первый раз. Аппетит был, еда сносная, а все равно рвет. Она поняла, что желудок не принимает новую еду.

Увлекаясь римской мифологией, на монетах древних римлян Анна как-то видела изображение богини Фортуны. Прекрасная дочь Юпитера в легкой тунике, со смущенной улыбкой символизировала и зловещую силу повернуть события вспять с помощью движения весла, и доброе желание рассыпать дары. Безмятежная улыбка предназначалась и щедро одаренным, и гибнущим самым жестоким образом.

Как мало нужно для того чтобы погибнуть или получить неизвестно откуда свалившееся наследство — одного поворота хорошенькой головки Фортуны!

Но поучительны ли школьные знания?! Кого они подготовили принимать повороты Фортуны как данность, мужественно и спокойно?

«За что мне все это?» — вот вопрос, который возник в Аниной голове значительно позже и который кармой, придуманной ею же, и тревожил ее многие годы. Чувство некоего воздаяния за прошлые дея-

ния предков привело к пониманию несправедливости и абсурдности этого мира. Пока...

Когда ее сила сопротивления, наконец, иссякла, разум стал холоднее и мудрее, к ней пришла и эпикурейская мудрость: нелегко быть счастливой, и это зависит не всегда от нас. Но препятствия в достижении счастья носят совсем не финансовый или бытовой характер.

Тщетные хлопоты о славе когда-то превратили ее жизнь в пытку. Неудовлетворенность толкала к самоутверждению, пока не разбила все надежды в пух и прах. «Не все ли равно, издадут мой труд, или нет, — думала она теперь. — Я его сделаю, а время покажет».

Анна прошла через отторжение людей и отчасти победила болезненное чувство своего превосходства над другими. Страсть презирать и унижать трансформировалась в смирение и терпение. «Пусть их... Господь создал их такими, какие они есть!» — этим она теперь успокаивала свою душу.

Она запомнила на всю жизнь, как была любима и счастлива в десятиметровке, лишенной всякой роскоши и даже необходимых вещей. «У людей есть все, а у меня...», — и она продолжала терпеть и даже без того, что было на каторге.

Анна шла по тихой улочке с односторонним движением, одной из тех, что параллелями убегают вверх от Дона. В названном на вокзале адресе она значилась Ульяновской. Оба ряда разновеликих

домов, плотно прижатых стеной к стене, будто выросли в землю и держали оборону снующих туда-сюда прохожих и по инерции заглядывающих в низкие окна. Номер дома был едва заметен под крепкими зелеными листьями винограда, ветки которого лезли вверх по стене двухэтажного дома до самого балкона и, увешанные незрелым виноградом, тяжело падали вниз, свисая до самой земли. Виноград скрывал кирпичную арку дореволюционной постройки. «Как в Крыму», — подумала она и прошла под арочным сводом.

Очутившись в тихом и тесном дворике, перечерченном диагональю сохнущего белья, Анна остановилась. Двор обнимал сразу три дома — тот, который выходил окнами на улицу, с противоположной стороны еще один, смотрящий тремя темными оконными глазами, и справа двери и окна одноэтажного строения, углубленного в землю. Прямо посреди двора укоренилась гусиная голова колонки для воды, которую обступили промокшее пятно и лужица. Обернувшись возле открытой двери, занавешенной пожелтевшим тюлем, она услышала басистый хозяйский вопрос:

— Кто вам нужен? — дородная женщина, вытирая руки о фартук, отодвинула тюлевую занавеску.

— Мне комнату снять.

— Идемте со мной, — произнесла с той же интонацией хозяйка.

Комната во флигеле, в которой Анне удалось поселиться, была настолько мала, что едва вмещала подобие кровати и печь с углем.

— Эта моя комната? — спросила она у квартирной хозяйки.

— Что значит «моя»? Пока вы здесь поживете, а там посмотрим, — холодно ответила та.

— А помыться где?

— В бане, как все хорошие люди!

— Ладно, — миролюбиво ответила Анна, — мне пока и эта подойдет.

Она провела рукой по талии, там, в кошельке, прикрепленном к специально сшитому поясу, лежало немного денег, заработанных на бесконечной пастушьей работе во время пяти лет «поражения в правах», а значит, запрета выезжать с данной территории. Деньги эти отдавали запахом пустыни с полуживой растительностью, напоминали о голоштаных ребятишках, одетых в разноцветные лохмотья, и поднимающемся до небес чаде от бараньего сала, в котором кипел и варился киргизский плов. Ветхое белье бедности хотелось сменить, и поскорее.

Антураж нового жилья не выглядел богаче. Другого не было вовсе.

Жить еще можно где-нибудь за печкой, но работать... Нет, на черную работу она больше не пойдет. Она начнет жизнь заново, но в той среде, что ей ближе всего. Для этого у нее было время подумать — больше двадцати лет.

Без средств к существованию прожить в Ростове было нереально. Этот непреложный факт заставил ее бегать по городу в поисках любой переводческой работы. Она могла заниматься языками со школьниками, со студентами, лишь быть ближе к библиотекам и к литературному творчеству.

Несбывшаяся когда-то мечта сделала ее жизнь осмысленной.

И сейчас было — или-или.

Анна выработала для себя серый стандарт скромности. Минимум покупок, минимум еды, максимум быть в библиотеках, максимум написать в день. Минимум «светских» бесед, максимум полезной информации.

Как ни странно, она давно не испытывала такой слиянности потребностей и возможностей. Она почувствовала, что странно свободна в этом неустроенном покое. Никто не спрашивал, что она пишет, о чем, для чего, только когда накопилась стопка исписанных листов, хозяйка предупредила:

— Ты за порядком следи и в печку всякий хлам не кидай, а то вони не оберешься!

Она научилась улыбаться в ответ какой-то затаенной улыбкой, словно говорила: «Уж я-то не хуже знаю, как надо делать!» И те, кто обращался к ней, сразу успокаивались: «Ну, вы-то, конечно, понимаете!»

Время от времени она получала работу в медицинском институте — без оформления трудовой книжки отработать какое-то количество часов за кого-то. Объясняться с африканцами, никарагуанцами, афганцами и учить их пониманию русского языка преподаватели считали для себя неблагодарным видом деятельности, а ей эта работа казалась манной небесной, о которой даже не мечталось. Она вовсе не думала, что ее «купили за копейки», она выражала свое удовлетворение на языке сегодняшнего рынка — «наняли».

Изредка в ней просыпалось, казалось, уснувшее вечным сном, желание показать, что она не лыком шита, и тогда она пускалась в рассказы о своем детстве и молодости. Когда она снижала голос, слов было почти не разобрать, кто-то, переспрашивая, просил говорить погромче. Она предупредительно закрывала рот указательным пальцем и шептала:

— Тссс... У власти везде могут быть уши.

На эту осторожность отвечали что-то вроде:

— Не бойтесь, Анна Михайловна! Сейчас все можно говорить: власть не занимается написанием наших с вами мемуаров, она занимается собой.

«Зря они так думают... в жизни может произойти все, что никогда не предвиделось. Лучше бы они спросили меня, как пережить горе и беду, не помрачившись разумом, я бы могла дать совет». Она бы сказала, что бедам не надо придавать большого значения, особенно тем, которые еще не пришли. Они этого не заслуживают. Вероятно, мы сильнее опасая-

емся их, чем они являются, когда все же к нам приходят.

Но ее никто об этом не спрашивал.

Пока соседи Анны достраивали светлое будущее, возвращаясь домой в пропахшим потом рубашках, она изучала прошлое, настолько далекое от повседневной реальности, что на обсуждение «этой проклятой жизни» времени и сил не оставалось.

«Интересно складывается моя жизнь, — думала она, — многое из того, что я никогда не произнесла бы вслух, да, и теперь не скажу принародно, я пишу. И возможно, мою писанину будут читать очень многие».

События романов Анны происходили только в ее душе, внешние их проявления опирались на известные факты, переписанные, переведенные на разные языки, переговоренные поклонниками античной и ренессансной истории и литературы. Впрочем, контекст переживаний всегда добавляет произведению больший вес.

«Только вот... нужны ли мои книги всем этим людям? Как, впрочем, и моя жизнь. Но должно ли оставаться всё, как есть?»

Человеку свойственно мечтать об улучшениях своей жизни, даже тогда, когда надежда на это давно утрачена и провокационный вопрос: «Что можно изменить?» всегда ведет к социально-политическим реформам.

Изменить по-прежнему хотелось и себя. Каждый человек склонен к разным жизненным ролям. Главное, чтобы эти роли были синхронны его эпохе. Прочитанная в газете статья под заголовком «Княжеская дочь начала писать роман о Юлии Цезаре в сталинских застенках» щекотала самолюбие, возвращала к помыслам об элитарной известности. Стала праздником освобождения от оков долгого молчания. На два дня. Потом пришло разочарование. «Ну, зачем я им про отца сказала, будто он был итальянским консулом в Керчи? И что родилась в Генуе?.. Я раньше говорила об этом. А сейчас... сейчас я связана...».

Она боялась произнести слово «ложь», но была связана той ложью, как художник связан первым нанесенным мазком, обязывающим его закончить картину. Общение с журналистом показалось ей таким обязывающим, что она не могла позволить себе говорить банальные вещи. У нее была неординарная история, которая повергла бы всех в шок. Почему она не может рассказать ее так же, как когда-то в лагере, соседкам по бараку? Может и должна. Людям не интересны серые личности. А она не такая. Она... Как и Элиза Дулитл²⁶, продавщица цветов, играя роль леди, она умеет превращаться в леди и быть леди.

«Может, когда-нибудь и достанет ума заменить эту доисторическую колонку, что стоит во дворе,

²⁶ Персонаж пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион».

как социальное достижение, водопроводом? Римские инженеры давно бы преодолели эти неудобства. Только вот до этого их демократия и республика была приведена к монархии. Сильной, властной, лучшей, чем свобода своеволия черни».

Мысль ее время от времени возвращалась к воспоминаниям, охлаждавшим желание «сильной руки», и ее литературный труд обретал больше созерцательные формы, отстраняясь от критики и назидательности.

В суесловности ее разговора с довольно молодым человеком, бойко рассуждавшим об автономии Крыма, вдруг наступила резкая пауза.

— Вы сказали, что вы караим? — перебила его Анна Михайловна и заинтересованно уточнила: — Такой, какими караимы были раньше, или из новых?

— Каких еще новых? Я — караим! И представьте себе, не скрываю этого, — он в порыве настроения спора, возникшего с Шагингиреевой, рьяно стукнул себя кулаком в грудь. — И караимы, так же, как и татары-мусульмане, имеют полное право на свою религию, свою жизнь на исконной территории. Историю переписывать не надо. Мы свою историю помним!

У Анны Михайловны глаза заблестели по-доброму, и она умильно смотрела в глаза молодому чело-

веку, который продолжал нервно дергаться, доказывая кому-то свои национальные права.

— Мой мальчик! Я несказанно рада.

— Не ехидничайте! — вспыхнул он.

— Я искренне говорю, что рада. Сейчас вы все поймете.

Она опять усадила его на скамью в зале Публичной библиотеки, где только что завершилась встреча диаспор, и, похлопывая по руке, произнесла:

— Вам что-нибудь говорит фамилия Барач?

Он закивал.

— Это моя девичья фамилия. Такую фамилию носил мой отец, который родился и жил в Евпатории.

Он окинул ее взглядом с ног до головы, заглянув в прищуренные глаза. «А не врет ли она? Только что говорила о крымских татарах и князьях, а тут вдруг баржу развернуло на 180 градусов...»

— И доказать можете? — аккуратно поинтересовался он.

— Запросто! — игриво произнесла она и после произведенного эффекта продолжила: — Я больше жизни хотела бы вернуться туда, где прошли мои лучшие годы. Но я боюсь, и у меня нет там дома.

— Ну, это сейчас не проблема. Я думаю, мы могли бы вам помочь. Он остановился и другим голосом спросил: — А вы все-таки что исповедуете, караизм или ислам?

Она подумала, как ответить, и сказала.

— Мне помогает Бог. А какой он, я не знаю.

— Я вас понимаю, — задумчиво произнес молодой человек. — Люди вашего поколения потеряли этот образ.

— Но я хочу хотя бы одним глазком взглянуть на Крымский берег моря, — по-детски наивно попросила она, понимая, что жить надо бы безвозвратно и не ждать от людей чуда.

Анна Михайловна начала умирать задолго до того самого сентябрьского дня, когда застыло ее тело.

После поездки в Крым и принятия караизма, она как-то внутренне расслабилась и превратилась в маленькую с опущенными плечами, седую и морщинистую старушку. Наедине с собой она с блестящими глазами вспоминала согретую солнцем землю — сияющую огнями бухту Черного моря, свежий запах йода, доносимый морским бризом, и смешанный на берегу со смолистым ароматом туи, можжевельника, с тонким ароматом магнолий. Проходим на улицах города было невдомек ее глубоко запрятанное счастье, они лишь видели ее сутуловатую фигуру да скромную поливиниловую сумку, раскачивающуюся в такт ее неторопливым шагам.

В те месяцы своего прощания с жизнью она поддалась новому для нее чувству, которое поначалу прятала в меланхоличном взгляде, а потом все чаще и чаще показывала знакомым. Вина, которую ис-

пытывала раньше подсознательно, и которая была запрятана на самое дно колодца ее души так, что ее не видел никто, вдруг поднялась в ее дыхании. «Простите...», — это слово она впервые выдохнула с некоторой беспечностью, а потом оно стало звучать с интонацией беззвучного плача. «Простите меня...», — и у старых знакомых щемило сердце на этот прощальный вопль души. Новых знакомых эти повинные ноты уверили в ее непогрешимости.

Она стала немногословна, будто ждала и страшилась искушения опять попасть в мир иллюзий. «Я похожа на острый камень, который кинули в море, что бьется волнами о берега Евпатории. И море приняло меня, а потом неистово било и трепало, пока не округлило все твердые углы».

Что за чудо! — удивлялись все ее метаморфозе.

Все объяснилось немного позже. Просто Анна Михайловна Барач-Шагингиреева приближалась к той черте, когда понимаешь, что прошлого стало больше, чем настоящего. И тогда почему-то кажется, раз это мое прошлое совсем рядом, я могу в нем что-то еще изменить. «Теперь вот в последний раз. Сейчас-то я точно знаю, что именно».

Самая большая и коварная сложность человеческой жизни в том, что она никогда не отпускает прошлое. Казалось бы, воспоминания и все! Но именно воспоминания, как фантомы боли и радости, больнее всего цепляют на крючок. Таким способом прошлое не уступает место настоящему и крадет у нас в простых буднях наше будущее. Немыслимая

математика — прошлое увеличивается, а будущее уменьшается.

В последнюю неделю на краешек ее крошечного окошка прилетела серая голубка с веточкой в клюве для своего гнезда. Она садилась, будто бы передохнуть, чтобы полететь дальше. И так снова и снова. «Благая вестница смерти», — с волнением подумала Анна. Но она откуда-то знала, что в этом новом состоянии не была обречена, а достойна ее. Голубка прилетала, садилась на окно и снова улетала, оставляя Анну лежать и думать, что теперь она станет свободной, как и этот голубь.

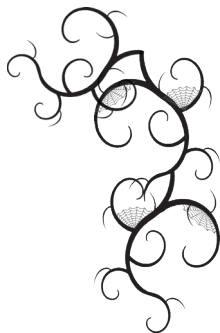
В последние минуты жизни, лежа в малюсеньком уголке глядящем одним узким оконцем в глубину полудеревенского, проросшего жухлой травой двора, и молча сожалея о том, что ее мечтания и воспоминания пожрали ее действия, она думала: «Моя тяга к размышлениям подарила мне свободу, но взяла за это с меня очень дорогую плату — одиночество... И все-таки как хорошо было жить!»

И тогда Бог принял ее душу.

Глава 8. «Непростой характер»

Однажды в Куфайском оазисе грубый бедуин ворвался к Хасану, внуку Мухаммеда, и обрушил каскад проклятий на него, на его отца и его мать.

«Бедуин, что с тобой, — пытался успокоить его Хасан, — у тебя какие-нибудь неприятности?»

Но бедуин, ничего не желая слушать, продолжал браниться.

У Хасана было немного денег, и он протянул их человеку со словами: «Прости! Это все, что есть в моем доме. Даю тебе слово, что если бы у меня было еще что-нибудь, я отдал бы тебе, не задумываясь».

Услышав эти слова, расстроженный бедуин воскликнул: «Теперь я удостоверился, что ты воистину внук Посланника. Ибо я пришел сюда, чтобы испытать, действительно ли твой характер соответствует твоему происхождению».

Идрис Шах. «Путь суфия» —
Мунаджиб эль-Арифан

В раннее утро сентября Хасан с сыном пришли в березовую рощу. Они опустились на полено под старое ветвистое дерево, скрывшее мужчин своей кроной. Узконосые чирки, не заметив их, сели вблизи. Такой удачный случай бывает нечасто. Отец вскинул ружье и спустил курок. Птицы взмыли.

Увидев неудачу, старый Хасан в сердцах бросил своему сыну:

— Почему Аллах не заберет меня к себе? Зачем он так мучает меня?

Сын аккуратно взял ружье из рук отца и произнес:

— Ты думаешь, у него там не хватает народу? Он знает, в какой час призвать тебя, отец. Не торопись!

Они шли домой медленно, осторожно ступая по выложенной камнями и очищенной от опавших листьев дорожке, разделявшей золотые поляны осенней березовой рощи.

— А еще отец, есть и другая причина, по которой Аллах не зовет тебя к себе. И, наверное, самая важная — никто, кроме тебя, не сможет быть моим отцом!

Благодарный Хасан не показал сыну влажных глаз. А после позвал его к себе в комнату, раскурил свою трубку и сказал:

— Послушай, сынок! Ты любишь меня, я знаю это. Ты у меня единственный сын. И такие чуткие сыновья есть не в каждой семье. Поэтому я хочу, чтобы ты был достоин лучшей доли. Я давно заметил, что ты умеешь видеть мир лучше многих и уме-

ешь показать свое видение. Ты художник. А в нашей среде ты транжиришь себя, рискуя растерять свой дар.

Прости меня за то, что я не дал возможности развиваться твоему таланту раньше, когда ты был совсем юн. Предрассудки... Теперь я говорю тебе: твори! Не всем дано такое право — творить.

Ты должен обрести свободу быть самим собой настолько, чтобы тебя не тянули на дно прошлые пережитки и наши религиозные традиции, а дышать полной грудью. Я не желаю тебе серой, будничной жизни, которая превращает человека в заурядное и злобное существо. Не держись за станицу, за родню. Поезжай, посмотри мир.

После смерти отца, поразмыслив неделю, Хасан отправился в путь. В то время ему было сорок лет, он получил образование от хороших учителей, он читал много книг, и он создал семью. И вот теперь он навсегда покинул Терскую область.

Хасан и Лизавета с дочкой Татой поселились в старой усадьбе графа Мезенского. После окончания Кавказской войны у Хасана-старшего дружба с Виктором не прекращалась. Правда, дружба эта была по переписке, но расстояние не стало препятствием для доверительных эпистолярных разговоров. Иногда Мезенский присылал другу хорошие книги, а тот в ответ — «кунацкие подарки».

Усадьба семьи Мезенских находилась недалеко от Санкт-Петербурга, только что переименованного в Петроград, и представляла собой добротный двухэтажный дом на семь комнат с огромными сенями и просторной кладовой, двор и небольшой сад.

Весной, когда сюда приехали Гиреевы, усадьба выглядела брошенной и запустевшей. Двор еще худо-бедно подметался старым слугой, жившим здесь постоянно и охранявшим дом от набегов мазуриков, а в саду валялись обломанные ветром ветки деревьев и на кустарниках плотным слоем лежали бурые прошлогодние листья. Хозяйственные пристройки — те и вовсе разрушились.

Бледно-салатная штукатурка на фасаде дома героически держалась, придавая респект жилищу, зато в хозяйских комнатах царил беспорядок. В паутинах, свисавших с мутных окон, околели мухи, подоконники покрылись слоем пыли, казалось, заткнувшей все доступы свежего воздуха в помещения. От кроватей пахло сырой плесенью, и тот же запах исходил от стоявших шкафов. На пожелтевших книгах и на серых скатертях столов замечалось печальное невнимание рачительного глаза собственника большую часть года.

— Батюшка Виктор Петрович не изволят таперича тут жить. Вот и мне не под силу с таким хозяйством одному-то, — бесстрастно объяснил запустевшие усадьбы старый Ильич. — Невесело одному-то. Плохо, что другой прислуги нету. Да и что барин не ездят сюда тоже плохо, люди они все замечают.

Видят, что нету хозяина, лезут и лезут на чужое. Вот уж спрашивали, не собираются ли барин продавать усадьбу.

— А не собирается ли, в самом деле, Виктор Петрович продавать усадьбу? — Хасан спросил больше у самого себя. — Вот я бы и купил, место хорошее.

— А мне что! — Ильич будто бы и не слышал вопроса. — Продаст, так вместе со мной. Мне идти некуда.

— И незачем тебе, Василий Ильич, никуда отсюда идти. Нам с женой, как скоро мы тут поселились, потребуется помощь. Вычистить и убрать тут надо все, а после в должном состоянии поддерживать, — сказал Хасан. — Поэтому поговори с каким-нибудь честным мужиком, может, согласится работать у нас управляющим. Еще и служанка потом понадобится.

— Поговорить можно, — у Ильича загорелись глаза, — может вот у Пряхина сын подойдет?.. Не знаю. Мужики наши злые на помещиков, того и гляди с кулаками бросаться на барина начнут. А Антон Пряхин вроде мужик покладистый. Я позову его, а вы уж сами... А служанку быстрее можно найти, только вот мерсикать вряд ли кто умеет.

В Свято-Пантелеймоновской церкви стойкий запах ладана. Народ в белых платках и рубахах теснится возле алтаря, тихо повторяя слова литургии за священником.

Для Ивана Гиреева, новокрещеного татарина, процедура исповеди и причастия в течение последнего года стала естественной и постоянной.

Страх, укору совести, что изменяет Аллаху, недоумение, как это могло случиться именно с ним, у кого предки насчитывают не одно поколение правоверных мусульман. Дед был муллой! Он — и вдруг христианин. Все ушло на другой план, и он, наконец, почувствовал облегчение.

Какая частичка его души заговорила с ним на другом языке и почему? Может, это прочитанные Дидро и Гегель, Монтень и Гоголь? Или пережитое в художественных галереях? Возможно, и забытая на столе тетрадь с переписанными стихами...

Не знал Хасан Гиреев и неволи, которая обрушивалась тогда на головы иноверцев с силой столыпинской духовной реформы, подводящей правдами и неправдами правоверных мусульман и буддистов к ликам христианских святых.

Он не ведал, что произошло с ним, когда вошел в эту маленькую намоленную церквушку, наполненную доверчивыми лицами прихожанок и твердыми взглядами прихожан, повернувшихся, как по команде, в его сторону и приветливо поклонившихся. Он смутился. Темные, беспечные, но прямолинейные, эти люди вызывали у него когда-то чувство превосходства, переходящее в презрение — мужицкое быдло! И в этом презрении он был не одинок. Монотонно пристыженные мудрыми наставлениями предков взгляды поместных дворян в том же храме источали похожий огонек. Их разум *sapiens* не слы-

шал с амвона: «Равен ся имей всем, аще и больше еси жизнью»²⁷.

Хасан ответил поклоном. И узнал в них таких же прямодушных казаков, среди которых вырос, какой была его усопшая мать и какой любил свою жену Лизавету. Он не хотел отделяться высокими мыслями о вечном пути от всех этих близких ему людей, своей новой общинной жизни.

— Вольной ли волей принято решение твое, сын мой? — внимательно посмотрел на него священник.

— Вольной, — сдержанно произнес Хасан.

Ответ был искренним. Он хотел стать частью той культуры, в которой теперь ему довелось жить. В Петрограде и его окрестностях он впервые в жизни осознал мощь духа того самого государства, которое на южном форпосте защищали его родные и друзья. Да нет ему цены! Раньше он не понаслышке знал о том, кого и от кого защищали казаки-станичники. А теперь он увидел, что они защищали. Культура, сосредоточенная в огромном горделивом городе, поразила и покорила его. «Вот что должен увидеть каждый российский воин, перед тем как идти воевать!» — думал он.

В свой мир он по-прежнему никого не пускал. Его комната — его священное место, где мольберт, краски, палитра, кисти — все было священнодействием, и туда не должна была входить суета.

²⁷ Будь со всеми как равный, даже если в жизни ты и выше.

Нет, Лизавету он не любил. Вечное беспокойство в своей душе он много лет утолял поисками идеальной женщины, пока, наконец, не понял, что именно женитьба сможет притупить тревогу неудовлетворенности, сверлящую плоть.

Мягкая, добрая и даже застенчивая Лизавета, самая что ни на есть земная женщина, помогала ему укрощать неприязненные складки на лице и бессловесно обеспечивала семейный комфорт, не обижаясь и не задавая разные вопросы, когда он стремился к одиночеству, как спасительному средству от исполнения мужниных обязанностей.

Юношеские мечты Хасана начали снова рваться наружу. Гуляя по улицам Петрограда, он делал графические наброски красивых фасадов, парковых скульптур, портретные зарисовки красноречивых лиц и жестов людей, без особого труда достигая сходства с их оригиналами и постигая духовную структуру тех вещей, которые изображал. У него не было написано еще ни одной картины, но он понял процесс художественного творчества и определился с направлением живописи. Он стал свободен.

Здесь он осознал, что не может существовать без идеала. Он задохнулся бы, сгнил, без лицецерения творений, созданных Божественным даром предшествующих поколений.

Новый берег принял его. И Бог невидимо хранил его.

Теперь по вечерам он читал Библию: «Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты меня оставил?»

— Выходит, — попытался понять он, — Христос обращается к своему отцу... как Мухаммед к Аллаху?

Приходской священник отец Иоанн терпеливо и мудро относился к незадачливым вопросам новообращенного:

— Христос умирает, потеряв в себе Бога. Без-божным, единым с теми, кто через грех потерял Бога, — людьми. И людьми он отвергнут, потому что пожелал быть и был един с Богом. Он сошел туда, куда сходят все, кто умер от разлуки с Богом, в шеол — в место вечного, радикального Его отсутствия. Именно здесь и просиявает слава Его Божества, потому что согласившийся на разлуку с Богом был Богом!

— Значит ли это, что Бог был в аду?

— Да, и победил ад. Нет больше места, где бы не было Бога. Он сошел в те глубины нашего падения и нашей потери Бога и нашей оставленности Богом. Христос оказался там, куда мы больше не попадем, потому что ад, которого Он вкусил, больше не существует.

Сейчас, стоя перед алтарем, он думал, как огрубела его душа за время скитаний по жизни. Он понимал, что грехи его тянут душу к молчанию и забвению, что не выпускает он их из себя ни дома, ни на исповеди, и больно ему от того, что запутался совсем, как и чем жить дальше. В эту глубь отстраненности неожиданно ворвался голос одного из прихожан:

— Простите меня, ради Бога, люди добрые! — мужик поклонился перед людьми и неспешно перекрестился.

Одобрительный людской рокот поддержал его: «Бог простит, Бог простит, Бог простит, Бог...»

— И меня простите, люди добрые! — внезапно облегчил душу Иван.

— Этот Брестско-Литовский *rentre*²⁸, вот послушайте меня старика, — Мезенский потряс узловатым указательным пальцем в воздухе, — превратит нашу Россию в колонию для немцев и других государств. Европа возьмет нас под свою опеку, как взяла Китай. Не спорю, идея самого переворота для многих хороша...

— Видимо, слишком хороша для Европы, — подхватил его мысль сидящий рядом грузный сивоусый гость.

— Но начало ее реализации уж больно рьяно, — закончил его мысль другой.

— Знакомый фасон: «*Après nous le deluge*»²⁹.

Виктор Петрович решился на эмиграцию и приехал со стряпчими оформить сделку по продаже имения Гиреевым. Прежде он советовал и Ивану поступить таким же образом: «Придет чернь и затопчет все лучшее, чем владеет сейчас Россия. Вы видели?

²⁸ Синдром (фр.)

²⁹ После нас хоть потоп (франц.)

Они в народном ликовании к памятнику Пушкина надпись соорудили, по-свойски, запросто: «Товарищ!» Нет, вы слышите? Безбрежное море пушкинской поэзии они загоняют в узкое русло революционных интересов. А Лев Николаевич Толстой? Этот противник всяческого насилия вдруг стал «зеркалом русской революции». Так и всю литературу и памятники культуры поименуют, как им вздумается. Вам непременно надо ехать в Париж, голубчик. Непременно! В Париже вы задышите, как художник, как человек. По-едемте!»

Иван отказался. Он думал, Господь испытывает его дух, способен ли он променять счастье быть подлинным человеком на самоварный блеск чужеземной жизни.

Мезенский был тверд в своем решении. И сейчас, не удержавшись от прощального ужина с соседями, собрал стихийное дворянское собрание в сияющем чистотой и новой мебелью большом зале. Он сидел на правах старого хозяина во главе стола и шумел:

— А как вам следующая формула господина Троцкого? Видите ли, «мы выходим из войны, но не подписываем мира». Вдумайтесь, господа! Сначала мы деморализуем солдат, отпускаем армию на покой, а войну все-таки нам продолжать надо. Это чушь несусветная! Война не кончилась, а кто должен защищать державу?

В зале стало дымно от раскуренных трубок и тревожно от витающих мыслей. Каждый из сидящих аристократов понимал, как терзалась и рвалась Россия в этот страшный переломный момент. А потому их опасения не знали границ:

— А Украина, Виктор Петрович. Почему вы не говорите, что Украина за просто так отдана немцам?

— А что тут говорить! — махнул старческой рукой бывший полковник, — Ленин ползает на брюхе перед Вильгельмом в надежде, что тот даст ему какой-нибудь маленький московский уезд для социалистического эксперимента. Но эта игра с большой форой для ведущего ее.

«Срам-то какой на весь мир!» — зашумело собрание соседей. — «Виданое ли дело русским перед чуженинами на брюхе ползать!» «От такого позора надо ехать долой, куда глаза глядят», — обреченно говорили одни, а другие наоборот. — «Надо в свои руки власть брать!»

Ивану Гирееву объяснять не надо, если все воюют — надо воевать. Родовой воинский патриотизм победил его эстетические предпочтения. Причем он сознательно не стремился ни в эмиграцию, ни к белым. Без всяких на то политических причин. Уезжать туда, где он никогда не будет настоящим хозяином, ему совсем не хотелось. Что касается поддержки белого движения, то кроме буржуазных

спекуляций и дюжины самых разных течений в этом движении ничего серьезного, на его взгляд, не было.

Социалистом или коммунистом он тоже не был. Он не был заражен тем примитивным демократическим оптимизмом, чтобы не понимать, насколько свобода есть вещь опасная для тех, кто к ней материально и духовно не готов.

Он был уверен, что воевать нужно с теми, кто пришел извне в границы его Отечества, кто мешает его соотечественникам жить своим неуместным присутствием. Поэтому главное — война с интервенцией.

Он заблуждался, думая, что война закончится через два-три месяца.

Фотоаппарат ослепительно пыхнул, красногвардейцы, построенные на пристани Набережных Челнов, удивленно повернули головы в сторону фотографа. Кто-то хмыкнул и улыбнулся.

— Отставить смешки! Нале-е-е-е-ву! — слышится резкий голос командира. — В одну шеренгу стройсь! Шаго-о-ом марш!

Восточный фронт во второй половине 1918 года стал главным фронтом страны. Здесь решалась судьба революции.

7 августа пала Казань — тыловая база Восточного фронта. Противник получил возможность двигать-

ся на север, в сторону Вятки. На укрепление фронта были выделены наиболее стойкие командиры. Среди них оказался и Иван Гиреев. После госпиталя его направили на Восточный фронт.

...Тяжело шлепая по воде, колесный пароход «Фультон» медленно пробирался вверх по Каме. Пассажиры — отряд, сформированный в Москве «из товарищей, готовых пожертвовать собой за социалистическую революцию».

Отряд Гиреева высадился на берег. В ночь с 9 на 10 октября, скрыто перейдя линию фронта, он обрушился на белых с тыла. Зажатый в огневые «клещи», противник дрогнул и начал отступать. Партизанский десант продолжал наращивать удары по врагу. Самым прочным оставался гарнизон села Матвеевка, опорный пункт белогвардейцев на большаке Мензелинск — Бирск.

Поздним вечером 17 сентября, просочившись незаметно к селу, партизаны ударили из пушек, пулеметов и винтовок, освободив ключевые позиции от белогвардейцев, и, продолжая преследовать их, ворвались в Мензелинск.

В том бою кто-то из противников ударил Гиреева по голове шашкой плашмя, а кто-то всадил штык в бок. Он и не понял сразу, что это чужие, лица-то русские, значит, свои.

Упал с коня, скатился на дорогу и без сознания пролежал там среди колючек. Те его не тронули, сочли убитым, получается, что дали очухаться. Под

утро свои, занявшие местность, нашли его и отправили в госпиталь.

В госпитале, устроенном в чьей-то захваченной усадьбе, лежали такие же, как он вояки — раздетые, разутые, голодные, холодные. Но готовые воевать дальше.

— Доктор, я здоров, выписывайте! — Гиреев открыл глаза и оторвал голову от подушки.

— Не могу, голубчик, полежите еще малость, — пожилой врач с невыспавшимся и одутловатым лицом листал тетрадь с карандашными рисунками раненого Гиреева.

Доктор положил тетрадь на стол и собрался идти к другой кровати, но Гиреев остановил его:

— Мне надо на фронт. Я же совсем от своих отстану. Им люди нужны, там же еще целую кучу разгребать.

— Полноте, голубчик, у вас прогноз хороший, поправитесь и разгребайте себе вашу кучу. Или рисуйте, у вас это хорошо получается. Извините, что я без спросу заглянул в тетрадочку. А пока надо полежать. — Доктор задумался и промолвил: — В куче мусора легче всего подхватить заразу.

Иван увидел ухмылку врача, и она его больно задела.

— Критикуете, доктор? — приподнялся Иван на кровати.

— Уже нет, бесполезно, — врач посмотрел тяжелым, беспросветным лицом. — Первую революцию я не критиковал, как вы извоили выразиться. А это безобразие, вы сами видите, к чему привело. — Он ухмыльнулся. — Народное движение... Движение, да. Партий море и временных царей, как в театральной гримерной. Только это не спектакль и не сон, а жизнь. Одна форма насилия сменяется другой. Одни бьют яростнее других. Своих же собратьев! Вот теперь диктатура пролетариата. Митинги с утра до ночи, да голод страшный. К чему еще это все приведет, не знаю?

— Братцы, я давеча в Питере был, — вступил в разговор раненый солдат, лежащий на соседней койке. — Не поверите, пустой город.

— Как пустой? — удивился Гиреев. — Ты что мелешь?

— Комендантский час там. С одиннадцати вечера до восьми утра не смей выйти из домов. Транваи маленько позвенят, и лю-лю. Тишина стоит!..

— А вы говорите, кучу разгребать собираетесь? — доктор скептически посмотрел на Гиреева. — Много теперь у нас куч-то...

— Васька, — Гиреев, скрывая волнение, посмотрел на соседа, — а в другое время жизнь у них там идет как обычно?

Васька начал рассказывать про очереди, чтобы зайти в свой собственный дом, только сначала предъявив пропуск, про цены бешеные, про грязь на улицах, а Гиреев подумал о своей семье, живущей в

пригороде Петрограда. «Господи, как они там? Неужели тоже не могут носа показать из дому? И чего это вздумалось припереть всех этих голодных людей в их домах? Ну у моих-то найдется, что поесть — две деревни рядом, деньги есть, купят себе». Он распрямил спину и представил, как скоро они победят интервентов, закончится гражданская война, и он вернется домой. Чувство скорой победы приободрило Гиреева и он снова заговорил с прежней интонацией:

— Предлагаете бросить все на полдороге, поиграли, значит, и хватит? Нет, доктор, возврата уже нет. Когда кого-то шашкой рубишь или стреляешь, нельзя сомневаться. Надо до конца идти. Перед детьми не будет стыдно. А рисовать... это сейчас как-то несерьезно.

Доктор присел на краешек его кровати и начал осторожно увещевать:

— Иван Иванович, что вам там надо, в вашем возрасте. Я еще понимаю азарт юношей. А вам бы уже можно отдохнуть.

— Пока Россия в опасности, отдыхать как-то неловко, — Гиреев отвернулся к стене. — Вот выйдем на новую дорогу, тогда и отдохнем.

— Где вы видите новую дорогу? Это всего лишь новые указатели! Доктор вздохнул, прислушался к тишине, воцарившейся в общей палате, и продолжил свою мысль:

— Я не против ваших убеждений. Но мой стариковский жизненный опыт говорит, что в таких страшных переделках, что происходят у нас с вами уже не первый год, иногда... нет всегда получается совсем не то, что задумывалось. Я боюсь этого. Как нормальный человек. Как все нормальные люди должны остерегаться эмоциональных порывов.

— Я сейчас солдат, и моими порывами руководят мои командиры.

— Вот это, именно это меня очень беспокоит. И вы должны бы задуматься о том, что вами, — доктор сделал многозначительную паузу, — вами руководят.

— Это закон военных действий. На войне недопустимы мои или чьи-то там капризы.

— Конечно, но среди ваших руководителей могут оказаться люди не совсем адекватные, попросту говоря, дураки. А тут уж знаете ли, «заставь дурака Богу молиться — он и лоб себе расшибет».

Доктор пошел выполнять свои привычные обязанности, а Гиреев задумался: «Неисповедимы пути Господни, как неизвестны и судьбы людские. Сколько их и в разные времена переломало! А разве не было в царской России ненужных войн? Были, конечно. А ради чего? Никто теперь и не скажет, зачем столько крови вытекло. Может, и мы потом тоже изумляться будем: «Чего ради?» Но о чем это я говорю?! В Крымской или в Японской, да и в нашей гражданской мы защищаем, как и положено солдатам, свою землю, родину свою. А земля — она наша, и мы ее никому не отдадим!»

Такими командирами, как Гиреев, в РККА дорожили. И поскольку в Казанском направлении в тот момент его выписки из госпиталя ситуация улучшилась, командование направило его в один из полков 12-й армии Юго-Западного фронта. Тем более что на Украине тогда хозяйничали конные отряды немецких уланов, а Гиреев прирожденный наездник, сможет и конников организовать.

А немцы там уже хорошо освоились и препогано себя вели. Да разве они одни там были!

Действовать приходилось теми же партизанскими методами, как и при штурме Матвеевки. Разница все же была, и заключалась в действии разнообразных банд, хозяйничающих между «Вэликой вильной Вкраиной от Карпат аж до самого Кавказу».

На одну из таких банд однажды и напоролся конный отряд Гиреева. Гетманцы кого перебили, а кого тут же в синие жупаны «записали». Попросту взяли с собой, как прикрытие, хутор освобождать от немцев. Отряд получился в четырнадцать человек. Против немецкой пулеметной роты, о снаряжении которой никто из хохлов не донес, а стало быть, и не подозревал.

Вывяснилось это только, когда отряд напоролся на немцев на берегу возле наполовину оледеневшей Десны.

Спешились они срочно, легли в темноте на промерзшую землю, постреливают наудачу и ждут под пулеметным огнем, пока те уgomонятся.

И тут сзади эскадрон конных улан сабель в сто.

Тогда Иван вскочил на коня — «Авось, пробьюсь! А нет, так на миру и смерть красна». И, размахивая шашкой, как когда-то в казачьей роте, на «ура» поскакал во весь опор прямо через эскадрон. За ним и другие на своих конях полетели. А попутно еще и шашкой головы уланские рубали.

Немцы — народ расчетливый, у них каждый поворот продуман до мелочей, они рисковать «ни за што, ни про што» не будут. Раз конники так нагло летят в бой, значит, их там видимо-невидимо. Но логика здесь ни при чем. А они-то, чудакИ, рассеялись, приготовились встретить тучу и пропустили живьем восьмерых из четырнадцати.

Везло Ивану Гирееву на войне. И от немцев он тогда ушел, и от синих жупанов. К своим вернулся.

Было дело, полтора месяца против Дикой дивизии воевали. Те у крестьян скот отнимали, а эти птицу, что оставалась. Поди, разберись, кто из них за народ, кто против, если народ-то за гражданскую войну обнищал под самое некуда!

Вся Россия кормилась плохо. Сначала хоть щи были с убоинкой, да хлеб не совсем жмыховый. А уж потом... «карие глазки» — каша-пша для нищих. Сначала в воде разваривали головы сушеной воблы — само тельце уже считалось деликатесом. Потом в это варево бросали, что есть: капусту, если

была, травку любую и, конечно, пшена немного. От разваренных воблиных голов кости на дне оставались, а глаза всплывали на поверхность. Таков был супчик «Карие глазки». К супу — осьмушка хлеба из жмыха под названием «Черная клякса». Хорошо воюешь — дополнительно по карточкам хлебца выдавали, все такого же, про белый вообще забыли.

Но в раже войны кто о брюхе думает?! О России думали, спасали ее, как могли. По своим представлениям и убеждениям — от бездельников, от нахлебников, от барыг, от торгашей, от наглецов, от предателей, покинувших ее в самое трудное время.

Ярость боя особенно проявилась в боях с деникинцами, которые давили 12-ю армию до самой Тулы. Рубили они беспощадно русских мужиков, как медведей гнали в центр России, чтобы прикончить потом.

А потом наступил перевес «красных», и теперь уже они отгоняли деникинцев в сторону Черного моря.

Разъяренный боями и истощенный душевными ранами Гиреев не знал тогда, что вслед за деникинцами РККА выдавит всех казаков из его родной Терской области.

Новая власть действовала там по призыву Троцкого: «Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции».

Гиреев и в страшном сне не мог вообразить, что «неблагонадежные» казачьи семьи, к коей относилась и его большая семья, посадят на подводы и увезут в места переселения.

Мужчин из станиц Ермоловской, Закан-Юртовской, Самашкинской, Сунженской, Тарской, Фельдмаршальской, Романовской, Михайловской и других отправили на принудительные работы в шахты Донецкого бассейна, а женщин с детьми расселили за рекой Терек.

К концу осени со «старорежимным» казачеством было покончено. И 14 октября 1920 года Г.К. Орджоникидзе доложил В.И. Ленину, что восемнадцать станиц с 60-тысячным населением выселено с Терек, а станицы те, освобожденные от казаков, переданы ингушам и чеченцам. Все лошади, скот, подводы, хлеб, фураж, всякое имущество, не пригодное для военных целей, и фураж остаются и поступают в распоряжение Рабоче-Крестьянской власти.

Однако допустимая доля правды под прикрытием усиленного выпуска хлебобулочной продукции и культурно-массовых мероприятий имела совсем не такой наряд.

Война для Гиреева окончилась 25 мая 1922 года. За это время он был дома всего лишь один раз, сразу

после госпиталя, пробыв с родными целую неделю. Письма приходили не всегда, да и писать их ему не доставало времени.

Вернувшись в свою усадьбу, он обнаружил еще большее запустение, чем тогда, когда впервые приехал сюда. Сад был вырублен полностью. Дом обшарпан. Кое-где стекла выбиты и оконные проемы прикрыты тряпками. По двору разгуливали три белых курицы и мохноногий рыжий петух.

Не решаясь так вот сразу войти в дверь, он сел на пень некогда красивейшей яблони. «Не успел я тогда написать свой сад!» Он снял фуражку, растегнул ворот гимнастерки и впервые за последние годы почувствовал, как дым папиросы до самых слез жжет ему глаза. «Господи ж ты, Боже мой!»

Неожиданно дверь дома отворилась, и показались две молоденькие девушки, невзрачно одетые, но веселые. Бросив взгляд в сторону Гиреева, они пошли по дорожке в сторону деревни.

— Таточка, дочка! — каким-то глухим и непонятным голосом окликнул Иван.

Девушки остановились. Одна из них резко повернулась на каблуках.

Это была уже совсем взрослая Татьяна, лицом похожая на своего отца, но с нежным взглядом и белой кожей.

— Папа..., — так же глухо пробубнила она, и глаза ее наполнились слезами. — Ты здоров?

— Здоров, здоров, дочка, — стараясь казаться спокойным, произнес Иван. — А ты здорова? А мама?

Она не выдержала и разрыдалась.

— Что?.. — захрипел Иван, — ее нет?

Татьяна замахала руками и сквозь слезы улыбнулась:

— Жива, жива, она на работе.

— Где она работает? я схожу. Давай вместе сходим.

— Она картошку сажает на огороде, — смутилась Тата. — И мы туда идем с Людмилой.

Он перевел взгляд на молчавшую во время их разговора девушку.

— Папа, ты не узнаешь? это Людочка. Бельцовы теперь у нас живут, тетя Ира с Людой и Вовкой.

«Выходит, что моя сестра теперь тоже перебралась в Петроград», — заключил он, разглядывая свою повзрослевшую племянницу, и сказал: — Значит, вот какая ты теперь стала, Людмила! А отец твой, как он, где?

Вот только когда Гиреев узнал, что от его родной станицы Калиновской осталось лишь кладбище с надгробиями героев, защищавших издавна южные рубежи государства Российского для его блага. Да и оно, останется ли целым? Всех Калиновских казаков в возрасте от 18 до 50 лет выслали на Север для принудительных работ, а казачек с казачатами — за 50 верст на новые места в сторону запада, где их жизнь

среди ополчившихся и вооруженных до зубов горцев стала совершенно невыносима.

Истосковавшимися руками он грел кисти, жадно вдыхал мягкий запах красок. А на другой день вырвался из своей мастерской и, как когда-то в первый день, долго бродил по Петрограду, не узнавая знакомых мест.

Город производил на Ивана удручающее впечатление. Тут и там висели плакаты и лозунги:

*Клячу истории загоним!
Левой! Левой! Левой!*

Поначалу эклектику стилей он пытался объяснить для себя потерей чувства меры в эпидемическом подъеме революционных настроений, как в историческом, так и в эстетическом плане. Потом он думал: «Откуда вырвался этот тоталитарный реализм? Дымящиеся домны на фоне символического рассвета, трудовой пафос цехов, целеустремленные рабочие, народное ликование, единодушное одобрение, всеобщее процветание... Почему эти изображения, вроде бы устремленные в будущее, скользят по шкале исторического времени в прошлое? Прimitивное и цитатоблочное. Неужели настоящее стало переменной величиной, сырым материалом для гнусной обработки? Чего уж теперь трезвонить, когда дело

уже сделано и назад ничего не повернешь. Жизнь опять заставляет выкручиваться...».

Да и потом, незаметно для него наступило время «черного квадрата»³⁰. Где он, Гиреев, с его обыкновенным реализмом, в каком трехмерном измерении? Разве дано ему понять этот мир в рамках отведенного маленького уголка? И он тоже где-то там, в этом черном квадрате вселенной, не собирающейся вникать в его задрипанные проблемы. Жив и слава богу!

Иван не стал делиться своими впечатлениями на семейном ужине, а сказал только:

— В Питере говорят, Ленин заболел, апоплексический удар у него.

Все испуганно переглянулись, каждый подумал про себя: «Что еще нам ждать, каких реформ? А может, ссыльных отпустят?»

Молчание прервала Татьяна:

— Папа, нашу церковь закрыли, а отца Иоанна, говорят, сослали. То ли на север, то ли в Сибирь. Уже год, как все из храма вывезли и забрали.

— Помолчи, Таня, — Лизавета метнула на дочь строгий взгляд. — Кто такие вещи вот так говорить?! И вообще, молчи и радуйся, что отец вернулся живой-здоровый, не терзай ему душу.

За столом наступила напряженная пауза.

³⁰ Картина К. Малевича «Черный квадрат».

Жена нервно и неловко стукнула вилкой по тарелке, сестра выразительно глянула на племянников.

Дочь посмотрела по сторонам и пожала плечом:

— А что, отец об этом не узнает, что ли? Это Постановление ВКП (б). Религия об- лапошивает народ...

Рука Ивана задрожала, он хватил свою тарелку и с размаху бахнул ее о край стола. Осколки посыпались на пол, но никто не вскрикнул, не пытался вскочить и убежать в рассыпную — все молча опустили головы.

Гиреев вышел из дома и сел на крыльцо. «Чем им Бог-то помешал? Ленин надеется на счастливый конец света?..»

В душевном волнении он встал, вышел на дорогу и зашагал в сторону большака. Он думал о том, что все они вместе, сообща, и он в том числе, опять распяли Бога. «Нет здесь каких-то неизвестных мифических фигур, единолично совершивших зло. Кто-то предложил, кто-то проголосовал, кто-то постановил, кто-то совершил, кто-то не возразил, кто-то допустил, кто-то испугался, кто-то прикинулся дураком, кто-то привел в исполнение, кто-то промолчал после того, как...

Большин-ство! Большинство честных, умных, толковых, сильных, красивых, талантливых и даже гениальных поверило не самым усложненным, но самым наглым личностям!

Что же мне теперь остается делать в этом облике Каина? Признать себя Каином и покаяться и... А что потом? Нет ее, смерти-то... А в продолжении? Будет ли легче от того, что я говорю и знаю, что тяжело? А так уж непосильно мне сейчас? Тяжело, противно, мерзко, обидно, страшно, но я все еще жив. И телесная смерть, плетущаяся за мной по пятам там, на войне, не скосила меня.

Чем еще испытает меня Небо и что так корчит меня сейчас? Почему эта змея сомнений в собственных силах и собственной порядочности вот-вот перехлестнет мне шею?

Бог, ты слышишь меня сейчас?»

Он остановился, посмотрел на совершенно круглый и безучастный глаз луны. Млечный путь, как всегда, был красив и строг.

«Господи, это страх, мой огромный, который выше меня, страх. Страх за все поколения, которые жили до меня. Я совсем не боюсь физического конца, он в свое время и в своей форме придет. Мне страшно умереть душевно, то есть умирать медленно и при жизни — быть забытым родными и теми, с кем меня свела судьба. Страшно быть слабым и презируемым своей дочерью, женой, перестать жить с полной глубиной и интересом. Страшно превратиться в трагичного старика и постоянно зудеть о болезнях и проблемах, заставляя всех слушать свои недовольства... Вот это действительно страшно!

Да что я в самом деле! Обходился же я всегда тем, что есть и ни за чем не рвался. Главное — не разру-

шать свою внутреннюю потребность к движению. Как можно меньше ее потерять. А жизнь все расставит на свои места, спасет и очистит от шелухи. Неважно, когда это будет — при мне или без меня. Ну, а зачем сейчас отчаиваться, если все равно жизнь возьмет свое. А у меня есть мое творчество, его никто не отнимет. Оно меня и спасет».

Он еще постоял, слыша только стрекот сверчков, глубоко вздохнул и, повернув обратно к дому, громко произнес:

— Я жив! Мне дано жить, и я не хочу быть мертвецом среди живых!

«Творчество — не только свобода быть собой, это еще и работа, призывающая быть. Не в прошлом, не в настоящем, а в будущем.

Бог вручил нам субботу с перспективой заботы о близких. А я бы еще попросил у Него мудрости — отличить синюю птицу от синицы»...

Глава 9.

«Непарламентские страсти»

Эль Махди заявил, что хотят человеку помочь или нет, что-то в нем самом может помешать этому намерению.

Некоторые были с ним согласны, и он пообещал доказать свое утверждение на живом примере.

Когда все уже забыли о споре, Эль Махди велел одному человеку положить на мосту, в самом видном месте, мешок с золотом. Другому человеку было поручено подвести к мосту самого неудачливого должника и предложить ему перейти мост.

Итак, этот человек перешел мост, и на другом конце его встретили Махди и остальные участники спора.

«Что ты видел на своем пути?» — спросил его Эль Махди.

«Ничего», — ответил он.

«Как же ты ничего не видел?»

«Когда я ступил на мост, я подумал, что, должно быть, забавно пройти до конца с закрытыми глазами. Так я и сделал».

*Идрис Шах. «Путь суфия» —
Мунаджиб эль-Арифан*

— Ася, привет! Как жизнь?

— Ничего, живем. А как у тебя продвигаются исторические раскопки?

— У меня написание романа как вредная привычка. И пока никаких концов.

— Конечно, ты ведь в такой хитромудрый бурьян забралась. Вон последовательные материалисты смирились в родстве с обезьяной и не парятся тяжелым поиском наследственности.

— Ну, так глубоко я копать не собираюсь, хотя история — штука интересная. Если даже мои поиски ни к чему интересному не приведут, то просто пополню свой культурный багаж. Но вот смотри, результат уже есть. Если предположить или уверенно заявить, что черты характера человека, определяющие его жизненный путь как счастливый и несчастливый, в большей степени являются врожденными, то есть частью его первоначальной натуры, доставшейся ему от его предков, то обстоятельства его жизни обязательно дают ему поле деятельности, чтобы развернуть эту свою натуру.

— Но обстоятельства нередко складываются так, что человек, независимо от своей природы, становится другим.

— Ну, другим, не другим, а основные черты сохраняются, что бы мы с ними ни делали, их «не задушишь, не убьешь». Вот, например, художественность натуры. Если предок Шагингиреевой был художником, то и ей передан определенный настрой души, отсюда и страсть к литературному творчеству.

— Говорят, что мой дед когда-то тоже был художником, а я и рисовать-то не умею. И романы не пишу.

— Не спорь, пожалуйста, а то ты рушишь всю мою теорию. Лучше для начала попробуй начать рисовать. А вдруг ты у нас заблистаешь на выставках? Кстати, я ведь и с картинами этого самого Гиреева познакомилась. Будь благословенен Интернет!

— Они у него в Интернете размещены? — засмеялась Ася.

— Честно говоря, до этого его слава не дошла. Но директор Санкт-Петербургского музея любезно пошла мне навстречу, когда узнала цель моего пристального интереса к творчеству полузабытого художника. Работники музея сфотографировали два полотна из их заглавника и выслали их мне по электронке.

— И мне пришли посмотреть, — попросила Ася, — будет иллюстрация к твоему тексту. Между

прочим, я твои материалы к будущему роману не выбросила. Они у меня все в компьютере, в отдельной папке «Роман Юлии Жанкиной». И все-таки, какое впечатление оставил у тебя этот художник?

— Первое впечатление — сумбурное, оттого, что он как-то не вписывался в эпоху советского периода реалистичностью своей живописи. Вероятно поэтому, он и не стал так знаменит, как Петров-Водкин, Герасимов, Налбандян сотоварищи. Второе, можно сказать так: я бы хотела побывать в тех местах, которые он изображает. Он любит эти места. И усадьбу, и Питер. Впрочем, художник Мунк выразил это однажды так: «Я пишу не то, что вижу, а то, что видел». Видимо, Гиреев тоже хотел видеть нечто не совсем то, что было в действительности. Приукрашены им эти места, как мне кажется.

— Ну, тогда твоя теория врожденных личностных качеств терпит фиаско. Анна Михайловна Ленинград ненавидела и никогда не стремилась приукрасить что-то в этом городе. А о его окрестностях вообще разговора не было, как будто она там и не была.

— Ну, это потому, что ее арестовали в Ленинграде. А о тюрьме разве могут быть хорошие впечатления?

— Она изредка делилась впечатлениями о городе, когда только приехала туда, — Ася помолчала, а потом произнесла. — Еще до ареста она тревожилась от переполненности города транспортом, людьми, боялась дорогу переходить, раздражалась

очередями. Она говорила, что ей всегда хотелось уехать из этого холодного города в солнечный Крым. Это была мечта всей ее жизни.

— Эх, Ася! Умеешь ты урезонить. А ведь теория у меня была так красива, целостна.

— Ну, ладно, я тебе расскажу другую теорию. Может быть, ты ее к своему роману как-нибудь привяжешь? Эта теория подкрепляется примерами из моего личного архива.

«Георгий замечательный парень! Анне повезло», — так считают многие сослуживцы Георгия Сабурова. Его личное дело излучает оптимизм. Он главный инженер на преуспевающем заводе, а это целых три тысячи душ, если считать весь персонал. Ему прочат должность заместителя директора, но он метит на место генерального директора. И со временем он вполне может добиться своего.

У него спортивная внешность — тяжелый мужской подбородок, быстрый взгляд, короткая стрижка, уверенная походка.

Он не носит демократичные джинсы и пуловеры, он ходит в «классике». Костюмы шьет на заказ в лучшем ростовском ателье. Он придирчив к брюкам и галстукам. «На брюках не должно быть морщин, как на старушечьем лице», — говорит он. В его шкафу с длинным инвентарным номером аккуратно висят штук шесть отутюженных брюк.

Георгий по-прежнему ироничен, любит сострить новым анекдотом. Скабрзностей и панибратства избегает, хотя на корпоративных вечеринках и на «деловых» встречах кажется «своим в доску».

К своим сорока годам он «прошел огонь, воду и медные трубы» и теперь знает, кого приветствовать всей ладонью, а кого можно и двумя пальцами.

В кармане Георгия привычно зазвонил мобильный телефон.

— Если наши не хотят за эти деньги работать, — Георгий заговорил, постепенно переходя на крик, — бери в цех тех, кто может, бери таджиков, узбеков на конвейер... Я еще раз тебе говорю, мы не можем упустить заказ на эту партию машин... Как не можешь уволить? Не хочешь, потому и не можешь!.. А ты напрягись! Какой суд? Ты договор о трудоустройстве читал?.. А ты почитай получше!.. Завтра не выйдут на работу, составляй акт и гони их к чертовой матери! — крикнул он и выдохнул вместо прощания: — Всё — я сказал.

Георгий ждал своего часа два года. Но директором завода не стал. Выборы могут что-то поправить, так ему казалось тогда.

Вглядываясь в лица команды, которая помогала ему на выборах, он тревожился о результатах. «Вот кто должен быть в оппозиции — не разнорабочие, не так называемые демократы, а первоклассные специалисты, башковитые ребята, не стяжатели. А именно таких в свое время вытолкнули на рынки

торговать барахлом. Интеллектуальный потенциал страны разбазарили...».

— Расслабьтесь, шеф! Вы так нервничаете, что и у нас под ногами пол волнами ходит, — коллега Георгия ободряюще подмигнул. — Все будет хорошо!

«A vox populi?»³¹ С этим тоже будет все хорошо?» — Георгий не озвучил свое беспокойство, продолжая расхаживать по кабинету, в котором оформлялись подписные списки избирателей. Подписей надо было собрать еще прилично, а игры в демократию уже всем изрядно надоели. Но без нужного количества подписей не будет и возможности выставиться кандидатом в местную Думу.

* * *

Он знал, что Ася против его затеи, считает ее какой-то игрой в балаган под названием «парламент», не прекращающей свое действие ни на минуту, отнимающей все силы и душевное здоровье.

— Ты хочешь доиграть гражданскую войну? — спросила она.

— Не доиграть, а довоевать, — уточнил он и добавил:

*Товарищ, верь, взойдет она,
Звезда пленительного счастья...*

³¹ Глас народа (лат.).

— Ты за «красных» или за «белых»? — усмехнулась она.

— Дорогая, ты забываешь центристов, петлюровцев, махновцев и иже с ними.

— Ах, да, у нас же плюрализм!

— Вот-вот! И где только Горбачев подхватил это слово? Оно-то и разделило наш мир, — Георгий поддерживал ее иронию. — Ну как я могу быть за «красных» или за «белых», когда такой выбор. Я должен встать между флангами!

— Как Ельцин, Попов, а потом и тот же Горбачев? Ну и замашки у тебя!

— А чего мелочиться-то?

— Ага. Тогда ты не те стихи читаешь, смотри, не опубликуй их в своих рекламных плакатах!

— А ты рекомендуешь?

— Более современные строки:

*Я все равно паду на той,
На той единственной —
гражданской,
И комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной...*

Ася многозначительно посмотрела на Георгия и добавила: — Причем, как над лидером партии, скажем, «розовых».

Сейчас он вспоминал тот шуточный разговор и про себя улыбнулся.

Конечно, ни о каком центризме он и не помышлял. Какой центризм?! Он не может иметь будущего как политическое движение. Ну, неполитизированные массовки, декламирующие общественное мнение, церковь, и все гражданские структуры, стремящиеся к примирению враждующих структур. Но они никогда не придут к власти и не дадут власть конкретно ему, Георгию Сабурову. И поэтому он будет представлять партию власти.

Оппозиция сейчас сильна, требует диалога, какой-то демократии, не понимая, что ее не будет никогда в такой огромной державе. Сильное государство, в котором правят сильные люди — вот наиболее устойчивая модель. Будет сила — всем будет хорошо. А сопли насчет равенства тянут всех вниз на одной веревке. Равенство, братство — как масонские лозунги или неосуществленные христианские идеалы, никогда не приводили к победе. А нам сейчас особо нужны победы, а не поражения.

— Кого же ты собираешься побеждать? — поинтересовалась Ася.

— Для начала тех, кто приведет к скудоумию, к вражде, к экономической разрухе, к продажности. Кстати, пролетариат всегда продавался первым. Если только чуть-чуть снизить интенсивность его страданий, то невыносимость жизни ему уже не кажется такой уж сильной. Например, оплату ЖКХ или проезд в транспорте не поднимать.

— Значит, ты за честную олигархию? — спросила Ася.

— Не иронизируй, — ответил Георгий. — Я ни за аристократов, ни за бюрократов, ни за пролетариев, ни за бандитов. Я за тот средний класс, который не цепляется за привилегии, а сохраняет верность государству и создает его мощь. Это образованные и прошедшие испытания люди, готовые трудиться день и ночь, соблюдая право.

— Георгий, ты идеалист. У власти как раз те, кого ты перечислил в первых рядах своего перечня.

— А должна быть когорта людей, для которых государство — не предмет купли-продажи, а святое дело.

Другое дело, разрешит ли ему проводить свою линию та самая партия власти, когда возьмет в свою обойму? Риск, на самом деле, довольно большой. А с другой стороны, авторитет невыбранного неминуемо пошатнется, вложенные деньги уплывут в никуда, время, нервы...

«Зато меня будут знать, я не сольюсь со стенами хрущевки, покажу, что я могу бороться за свои интересы, — думал Георгий, отмеряя шагами площадь просторной «избирательной» комнаты. — Да и почему меня страшат все эти окрики и мнения?.. У нас, конечно, не принято уважать отчаяние побежденного, хоть он и не совершил никакого преступления. Он побежден, а значит, неуважаем. Победителей восхваляют, любят, перед ними трепещут, пресмыкаются. Красная тога победителя — это бренд!

А если ты тихо сошел с большой дороги, с пути, тебя заулюлюкают, как шута. Потому что чувствуют все-таки, что в политику идут для себя и собственного имиджа».

Георгий подошел к столу, взял один из глянцевого полицветных листков со своей фотографией, удовлетворенно кивнул сидевшему рядом дизайнеру, и вдруг вспомнил, как читал когда-то, что Наполеон приказал сделать надпись на своем доме в Сан-Мартине на Эльбе: «Наполеон всегда счастлив». «Да, пораженный должен всегда сохранять улыбку достоинства. В конце концов, если меня сейчас ждет поражение, я сделаю выводы и приму меры в следующей кампании».

Его выбрали в местное Законодательное собрание. Спустя полгода, Ася говорила мужу, что болезнь не бывает одним из видов здоровья, что он болен этой политической суетой, и это уже сильно бросается в глаза. Только вот Георгию-победителю, смотрящему по сторонам с видом Победоносца, лечиться от звездного насморка не хотелось.

И что делать с этим, она не знала. «Ну, что теперь...», — безразличным тоном произносила она, уже не веря в тщету своих усилий что-то изменить. На самом деле, внешне ничего и не изменилось. Черты его характера, по сравнению со школьным периодом, естественно, изменились. Под влиянием

жизненных обстоятельств появились другие, которые нравились Асе и которыми она оправдывала случайные промахи своего супруга. «Да, он заносчив, но нельзя недооценивать его огромную работу над собой. Проще всего критиковать и обижаться на тех, кто ошибается. Выходит, что он не имеет права на ошибку?!

Однако когда миновали те или другие обстоятельства, его врожденные черты проявлялись снова и снова. Асе иногда казалось, что Георгий теперь намеренно избавляется от тех черт, которые получил от их взаимной любви.

Интересная работа в режиме постоянных чрезвычайных обстоятельств сделала его напористым, раздвинула его интеллектуальные горизонты, чрезвычайно беспокойная политическая игра научила быть отважным, стойким к перегрузкам морального и физического характера. А большая любовь... безразличным к ее мнению. Он словно раздвоился. Одна его часть постоянно преодолевала чрезвычайные обстоятельства, и там он был счастлив, успешен, внимателен, предупредителен. Хорошо!..

А другая, повседневная часть, которая была здесь, рядом с Асей, и больше всего ей нравилась в нем, — непосредственная, лучистая, ироничная и шутливая. Тот мальчик, который когда-то в детстве умел беззаботно кататься с горы, не гнушаясь фанеркой от посылочного ящика, который отгрызал на улице корочку с теплого, только что купленного, хлеба, который не чванливо давал списывать кон-

трольную по алгебре, который... Эта часть личности изменилась и перекосилась.

Наверное, нам и в семье нужны такие чрезвычайные обстоятельства, которые помогут освободить из плена заблуждений его первичную природу?...

Так родилась идея усыновления. Девочки или мальчика, неважно.

Георгий не принял эту идею. И она не добилась от него вразумительных объяснений.

«Он рассчитывает все-таки иметь своих собственных детей? Но уже понятно, что я не смогу ему в этом помочь. Он же неглупый человек и сам согласился с этим обстоятельством. Значит, я — явление для него временное, и ему никак не хочется брать на себя груз проблем, связанных с обеспечением неродного ребенка. Например, после развода».

Слово «развод» тогда прозвучало впервые. Нерезко, как-то всуе. Но волны от этого жуткого слова стали набегать при каждой размолвке.

— Я сейчас чувствую себя, как тот человек из фильма «Белое солнце пустыни», помнишь, которого закопали в песок, оставив торчать голову. Моя голова все понимает, но я бессильна убедить тебя, что ты транжиришь свою жизнь не на то, что надо, — Ася беспомощно взмахнула руками. — Георгий, не лучше ли реально помочь одному ребенку, чем помогать всем бедным людям?

— Асинька, ты говоришь жуткую чушь!

— Но почему?

— Потому что я не собирался помогать, как ты говоришь «*всем* бедным людям». Ты хоть не скажи это где-нибудь, меня засмеют.

— Засмеют? За что?

— За то, что все знают, что бедные люди, я имею в виду тех, кто громко говорит об этом на каждом углу, потому и бедные, что они не хотят ничего делать, чтобы стать богатыми, — сказал он и процитировал. — «Кто не может делать то, что хочет, пусть делает то, что может»³². Но делает что-нибудь! А те, кто делать не хочет — это обычные лентяи и пьяницы, бравирующие своей честной бедностью.

— Георгий!

— Что Георгий?!

— Это теперь твоя философия? Я бы сказала, она ангажированная...

— Не умничай, Ася. Георгий работал, работает и будет работать как вол, чтобы быть не очень богатым, но и не бедным. Ты лучше подумай и скажи, чем занимались родители того ребенка, которого ты хочешь, чтобы я усыновил. И так?

— Но еще не идет речь о конкретном ребенке и конкретных родителях.

— Ася, дорогая, какой бы он ни был, поверь, его родители всегда будут «неконкретны». Во всяком случае, отец точно. На какой свалке и в какую пьяную ночь он был зачат, тот ребенок, который попал в детдом?

³² Леонардо.

— Но нас с тобой никто не неволит брать ребенка от родителей-алкашей, — уступила Ася.

— О, *sancta simplicitas*!³³ А хорошие родители, по-твоему, должны быть в каком уме, чтобы отдать туда своего ребенка? Сейчас не война, не сталинщина, когда туда отправляли детей из самых достойных семей. Сейчас эпоха такой распутицы, которой наша история не знала много веков.

— Георгий, но ведь бывают и исключения из правил. Да, я думаю, что там не все дети-ангелы. Но во все времена, о которых ты сейчас вспоминаешь, были беспризорники, бездомные... И из них часто вырастали очень хорошие люди. Колония Макаренко...

— Вот-вот. Ты еще вспомни, как по Петрову указу всех болтающихся без надобности детей писали в матросы и в художники, а потом из них получались выдающиеся мореплаватели и художники! Но не забывай, каких это стоило усилий всей державе. И у Макаренко тоже — всей державе! Высечь из такого камня скульптуру человека — не себе чего! А не получится? Вали обратно, дитятко! Короче, я к такой казни не готов.

— Все мы умны задним числом...

Мы не всегда внимательно читаем книги, ошибочно полагая, что они написаны для историков.

³³ Святая простота (лат.)

Оказывается, их надо перечитывать. Всё ли так далеко ушло в прошлое?

А смелость, мужество, честность, нежность, доброта? Они — главные двигатели жизни. Они заставляют мерить жизнь по числу состоявшихся успехов и наград. Отчего же сегодня мы не спешим с оценками? Каких нюансов нам не хватает? Может быть, мы не знаем, что стоит за словом «успех» и словом «награда», усилий, приложенных к этим словам?

А может, изменились их габариты? Пряמודушие и прямолинейность стали нетерпимо порочны. Бескорыстие называют наивностью, целомудрие — трусостью, совесть — глупостью, любовь — похотью. Простая бэконовская формула зеркалит бесовским светом: «Незнание — сила!» Когда же мы шагнули в это страшное Зазеркалье?

Да не все, конечно. По сути дела, это та же эволюция.

Чтобы выиграть ступеньку sapiens Герда брала за руку Кая, уводя из ледяной страны под названием «Вечность». Одна слезинка заполнила пустоту его души.

Сколько же нужно слез, чтобы любовь стала любовью, добро защищало от зла, а сила от мерзавцев?!

Повернулся ключ в замке входной двери. Супруг явился внезапно, что было обычным делом в их семье. В этом он не изменил себе.

Ася знала об очередном сверхсрочном заказе, о крайней неисполнительности ряда «так называемых» работников, о воссиявшей возможности выговора с последствием лишения премиальных и потому удивилась, что Георгий пришел раньше обычного.

— Ты сегодня пораньше? — улыбнулась она.

— Сам не верю. Я устал каждый день до девяноста. Не могу больше. Плюнул и ушел. Надеюсь, я заслужил твое сострадание?

«Только не сейчас! — сжалась Ася. — Я хочу упасть в постель, только чтобы забыться, а он будет требовать моих ласк. У меня их сейчас просто нет...». Она наигранно улыбнулась и предложила:

— Идем на кухню, я тебя покормлю.

— Покормлю-покормлю, — передразнил он ее манеру сокращать первый слог, звучащий «пкормлю». — Держи — это тебе.

Ася открыла футляр и замерла — кольцо с голубыми топазами в виде виноградной ветви стоило больших денег.

— Ты получил премию?

— Я ее не получил, я ее заработал. Потом и кровью, — муж начал заводиться.

— Не спорю. Я...

— Не спорит она! — фыркнул муж. — Какой-нибудь другой муж приносит жене просто так, без повода, такие подарки?

— Георгий, мне очень нравится это колье...

— Только колье? — его глаза сощурились. — А я? Я тебе не так интересен, как колье? Ты соображаешь, что сейчас говоришь?

— Жестокий ты человек, Георгий. Сделал подарок и тут же обижаешь.

— Нет, это называется жена! Вместо того чтобы встречать мужа, как положено, она еще меня воспитывает!

— Не устраивай сцен!

— Какие там сцены! Жить с тобой — не радость. И никогда не было радостью, — глаза его стали холодными, не желающими ничего понимать.

У Аси в груди застучала кровь, ком подкатил к горлу, и вспомнились слова Анны Михайловны: «Мало ли что может ответить женщина хаму! И она будет права». Ася кинула на стол футляр с колье и выдохнула:

— Да провались ты со своими подарками, идиот! — круто развернулась и вышла из кухни.

Ошеломленный неожиданным отпором, Георгий выскочил в прихожую и начал судорожно обуваться:

— Найди себе другого мужа. Посмотрим, кому ты будешь нужна...

Ася мгновенно «вжилась» в новую роль, ее язык уже не мог смиренно промолчать и привычно глотнуть слезу:

— Я уже об этом думаю, — она агрессивно уперла руки в бока. — Ведь твое присутствие давно не исключает моего одиночества.

— Так катись отсюда, я тебя не держу! — рассвирепел он.

— Я на улицу не уйду! — Она запрокинула голову, нервно втянув ноздрями воздух.

Георгий бросил связку ключей и они звонко ударили пол у ее ног:

— Подавись, змея! Живи тут одна, а я один не останусь!

— И не возвращайся! Найди себе проститутку и живи с ней или с кем хочешь. Не хочу с тобой жить! Слышишь? Не хочу!

— Будь здорова! — сверкнув глазами, он с грохотом хлопнул дверь.

— Иди, иди! — вдогонку крикнула она.

Мысль о том, что жена ожесточилась и не хотела его понимать, давно сидела в голове Георгия. Она сурово отвергала его настойчивые знаки внимания, он будто кланчил ее любви. Спускаясь по лестнице, он будто чувствовал на себе ее ненавидящий взгляд, захотелось уйти отсюда вон, чтобы больше здесь никогда не жить. Вообще никогда не жить... Не жить.

Асе дорога протяженностью в десять лет теперь просматривалась в других тонах. «Ломать — не строить, ломать — не строить, ломать — не строить...», — навязчиво вертелась фраза, сказанная когда-то Асиной матерью, правда, по случаю своих семейных неурядиц.

Она села и затравленно закрыла лицо ладонями: «Неужели Георгий по своей природе всегда был та-

ким грубым, а я не замечала этого? Не может быть! раньше он не был таким жестоким».

«Он был вспыльчив, импульсивен, но до оскорблений не доходило. А эта злость? «Змея!» Да с каким сердцем он это выплюнул мне в лицо!» — вспоминала она.

«Может быть, он заигрался в жесткого начальника, — догадалась Ася. — Принял роль на себя. И сыграл ее очень убедительно. Все-таки это работа так ожесточила его».

«А я старалась не замечать его комментарии к самым заурядным рабочим ситуациям, — укоряла она себя за бездействие. — Делала вид, что меня не касаются презрительные характеристики тех, с кем он раньше был дружен. А он уже играл по новым правилам».

«Нет больше культа простого советского труженика, скованного условностями культуры и погруженного в анализ нового спектакля или новой книги. — Ася пыталась найти причину метаморфозы, случившейся с мужем. — Есть предприниматель. Выходец из провинции и не сумевший рвануть игры разума, а навязавший свою игру, по своим правилам. «Все куплю», — сказала злато. «Все возьму», — сказал булат.

Это время варварских игр, у которых правила переселенцев, любой ценой стремящихся к власти. С ними нельзя по своим правилам. Эти правила и поглотили Георгия. Он сам создал себе тюрьму и запер себя в ней. Самое плохое, что он не чувствует, что

стал пленником ситуации. Он чувствует себя хозяином жизни. Его дом, его деньги, его связи, лучи софитов. А я, выходит, его раба...».

Ася пристально смотрела в стену, как будто там, в стене, можно увидеть истину. Вдруг до ее слуха донесся голос соседа Вершинина:

— ... Я и раньше слышал такие интонации, — Алексей Иванович продолжал какую-то мысль, а потом положил руку Асе на плечо: — У вас открыта дверь, Асенька. Я зашел посмотреть, все ли в порядке...

— Sehr Gut³⁴, — усмехнулась Ася.

— Вас понял, — присел с ней рядом сосед. — И возможно уже завтра вам покажется, что Die Sonne scheint³⁵. А сегодня лучше выговориться по-русски. Кстати, вы обронули ключи.

— Это Григорий обронул. Он ушел.

— И сейчас, вы, разумеется, не хотите сказать: «Слава богу!»

— Это моя вина, что он ушел. Это я... Со мной случилось какое-то перерождение чувств.

— Ну сейчас вы уступаете своим эмоциям, а не чувствам. Он обидел вас чем-то?

— Это накопившаяся обида, она и ослепила мой разум.

³⁴ Все прекрасно (нем.).

³⁵ Солнце светит (нем.).

— А у вашего мужа накопившаяся агрессия, она ослепила его сердце?

— Не знаю... Но он ушел. Навсегда.

— И вещи свои забрал?

Ася отрицательно помотала головой.

— Значит, он ушел, чтобы вернуться. И значит, надо думать не о том, что он ушел, а о том, когда и как он вернется. И за это время постараться отдохнуть и все взвесить. Чаю не предложите?

Ася медленно встала и нажала кнопку на электрическом чайнике. Вода запыхтела, невольно создавая атмосферу домашнего уюта.

— Это даже хорошо, что вы сейчас остались одна. Я не советую вам поддаваться искушению и подходить к телефону: не надо ждать совета от подруг. Вы сами справитесь.

— Он ушел к другой женщине и забрал для нее мое новое кольцо.

— Колье не вернется, а муж придет, — улыбнулся Алексей Иванович. — Хотя лучше бы наоборот.

— Откуда у вас такая уверенность?

— А вы думаете, что оказавшись в чужом месте, его озарит высшая разумность и он сможет принять решение, которое предопределит его жизнь на долгие годы? Вы уверены, что он до такой степени измучился с вами?

— Осточертела я ему. Его постоянные придирки ко мне... А тут еще днем мне одна знакомая посоветовала не мириться с хамскими выходками. Ну и меня понесло, как будто пружинка выскочила.

— Все правильно. Не надо давать себя оскорблять. Но и винить себя за резкое слово ни к чему.

Чайник вскипел. Ася заварила чай.

— Может рюмку коньяку? У нас есть отличный коньяк.

— Не откажусь. Ко мне на консультации иногда приходят знакомые и как начнут развозить: «Она сказала — я сказал, она не понимает — я не понимаю...». Я сразу наливаю. Для прояснения сознания. Так что вы, Асечка, психологически, хотя и интуитивно, правильно предлагаете.

Ася почувствовала, как развязывается в душе нервный узел, как уходит вина и появляется осознанная уверенность в собственной правоте:

— А чего я испугалась? что останусь одна? Я и есть одна. Георгий — это только видимость семьи.

— Вот-вот, вам надо подумать, моя дорогая. Может так оказаться, что по поводу ухода супруга у вас появится более оптимистичное мнение.

— Я подумаю.

А в небе мерцали звезды, холодный ветер прошелестел в верхушках каштанов и лип, окружавших дом. С листьев скатывались капли дождя и неумолимо шлепались в подоконник.

Когда Ася открыла глаза, она обнаружила, что призрак вчерашнего дня уже поджидает ее. Разы-

гравшаяся накануне буря отдавала в затылке тупой тянущей болью. Она повернула голову направо. Половина постели мужа осталась не разобранной.

«Может он теперь квартирантов выпроводит, и на старой квартире будет жить?.. Пусть поживет...».

Начинающееся утро не было солнечным. Солнце застряло в толще молочной облачности, и все предметы в комнате продолжали спать своим серым сном. Несмотря на законный серый свет, никак не располагающий к бодрости духа, надо было вставать.

«Сегодня только вторник. Впереди целая неделя...».

Она провела рукой по подушке, свидетельнице своей бессоннице, и встала.

На кухонном столе лежала газета «Наше время», края которой загнулись, шрифт на сгибе потерт, как бы обращая внимания на заголовок: «Мне нужна мама». Карандашом была аккуратно выделена информация размером примерно 10×10: «Ванечка — 1 год и 8 месяцев, добрый, ласковый, сообразительный, быстро включается в игру, физических отклонений не имеет. В Доме ребенка с двухмесячного возраста». В подтверждение помещен портрет малыша и контактные телефоны, по которым можно проконсультироваться в случае его усыновления.

Ася повертела газету в руках, встала и начала одеваться.

«Ничей ребенок. Был чей-то, а сейчас его предлагает усыновить Дом ребенка. Телефон для связи,

конечно, двухнедельной давности. Но попробовать-то позвонить можно...».

Одетая, она села в кресло и взяла телефонную трубку.

«Георгий так не хочет... Но Георгий хочет только так, как он сказал».

Ася сначала была счастлива оттого, что ей представился случай быть только женщиной. Под защитой Георгия она могла покапризничать, зная, что он постарается исполнить ее прихоть. Потом появилось раздражение от купленных внезапно билетов на курорт, от сообщения, что мы сегодня идем на чей-то день рождения. С собственного молчаливого согласия, да еще и поощрения, она превратилась в куклу, которой легко управлять.

«Я заберу этого ребенка! Я хочу это сделать и сделаю. И пока мы не развелись, у меня больше шансов усыновить мальчика, чем когда я останусь совсем одна. Если его еще не забрали!..»

— Алло! Это Дом ребенка? Я по объявлению в газете, насчет мальчика Ванечки. Его еще не забрали?

— Нет, а вы хотели бы его усыновить?

— Да, я хочу. Что для этого нужно? У меня педагогическое образование, нормальная семья...

— Приходите к нам, здесь и поговорим. И с Ванечкой познакомитесь. Приходите пока без документов.

Сердце бешено колотилось. «Хорошо, что у меня сегодня лекции во второй половине дня. Можно

прийти в себя от всех событий. Нет, мне давно надо было это сделать и не слушать Георгия. За десяток лет брака ждать больше нечего. И незачем, так просто не успеешь вырастить малыша и поставить его на ноги. Нам уже и так по тридцать восемь».

Перед выходом она по привычке проверила, плотно ли закрыты краны на кухне и в ванной, как раздался телефонный звонок.

— Вершинин звонит. Как ты, голубка? Очухалась?

— Все нормально, спасибо, Алексей Иванович.

— Ты, я чувствую, на подъеме? Держись! Сегодня вторник — день полковник! Боевой день, и ты не дрейфь.

— Вот я и решилась на активные действия. Я все-таки поеду сейчас в Дом ребенка. Ну, по поводу усыновления того мальчика, о котором в газете написано, помните?

— Помню, конечно. Ты молодец, Аська. Я, признаться, даже не ожидал. Правда, сложновато тебе будет с таким маленьким, ладно б еще года три-четыре. Не боишься?

— Я не столько этого боюсь, сколько проблем с работой. Допустим, на какое-то время я договорюсь с няней. Но у меня же лекции, семинары. Кто вместо меня проводить будет, если что?

— А ты не думай об этом, пока не возникнет реальных проблем. Вот появятся, тогда и решать будешь. А вдруг не все так страшно окажется? А в

институте своем скажешь, что перешла от теории к практике. Неужели не поймут?

— В общем, вы «за»?

— Нянчить будем! И знаешь, Асинька, мне кажется, что с Георгием помирится, ну, может, не сразу. Но гулять в старости в Театральном парке, как два попугайчика-неразлучника, будете.

— Гладкой жизни я вам не обещаю, Ася Викторовна. — Взгляд директора Дома ребенка стал непреклонным. — Ребенок матери-отказницы никогда не будет простым. Его матери на момент родов было 18 лет. Если хотите, вот ее характеристика. Из многодетной семьи, где вспыльчивая и властная мать, к детям относилась с позиции силы, отец — человек более мягкий, но защитить своих детей тоже не особо старался. Роман с отцом Ванечки был для нее яркой вспышкой в ее пасмурной жизни. Надевалась связать с ним свою судьбу, чувствовала себя окрыленной, а потому очень остро переживала измену своего избранника. Замкнулась, находилась в крайне угнетенном состоянии. Обнаруженная в этот период беременность была ею воспринята как нежеланная, никому о ней не сказала. Дома боялась даже заикаться о своем положении, тянула. Приехала в Ростов делать аборт, но возможный срок аборта прошел. Желание оставить ребенка возникло в роддоме. Но когда ей принесли ребенка

кормить, неожиданно проявила к нему материнские чувства. Смирилась с оскорблениями своей матери и старших братьев и сестер. Забрала сына домой. Но потом ребенок стал ей казаться похожим на ее бывшего возлюбленного и вызывал активное неприятие. В итоге через два месяца она принесла его нам. Так что хорошо подумайте.

«Бедный ребенок! — думала Ася. — Его еще никто толком не любил. Все смотрели на него, как на существо стесняющее, как источник страданий, обузу. А глаза у него при этом какие всепрощающие!».

— Я не передумую. Давайте оформлять документы.

— А ваш супруг?

— Ну что вы! Мой Георгий не такой человек.

— Ну да. Он ведь у вас депутат, да? Значит, материально-бытовые условия для воспитания Ванечки обеспечит хорошие.

— Ну разумеется.

— Эх, Ванька, — директор слегка ущипнула его за попку. — Меня бы кто из депутатов удочерил!..

— Малыш хорош! Я уже освоился в роли Арины Родионовны, — Вершинин, сидя рядом с Ванечкой, заботливо поглаживал его по голове. — Спокойный мальчик, глазки внимательные, мысль в них есть. Будет нормально развиваться — будет вполне разумный ребенок. И свободные углы не понадобятся, — удовлетворенно провещал психиатр.

— Ну, и слава Богу! А то будущий миллионер Сабуров предрекал буйные отклонения от нормы...

— Ладно тебе, — примирительно сгладил Алексей Иванович, — не оглядывайся назад. Ты только не удивляйся моим словам, но я бы тебе посоветовал покрестить ребенка.

— Действительно, от вас это несколько странно слышать, но почему бы и нет.

— Я, наверное, уже произвожу впечатление свихнувшегося отшельника, но поверь, Ася, все наши научные принципы и методы иногда разбираются о темные, в значении сложные, суеверные правила.

Вершинин передал ребенка Асе, встал, собираясь уходить, а потом задержался в дверях.

Для нас с женой покойной когда-то работа была всей жизнью. Мы с ней на одной кафедре работали, она всегда была грамотным специалистом.

Родился ребенок, девочка Наташенька. Болела через две недели на третью. Жена больничные брала, нервничала, а бросить работу не хотела — это было для нее все равно, что родину предать. Пожила наша девочка три года и умерла от осложненного гриппа. А старухи во дворе говорили нам, покрестите ребенка, болеть перестанет. Мы — нет, глупости. А может, если приняли бы совет...

— Алексей Иванович! У вас такая хорошая была семья. Я вашей Ольге Константиновне даже завидо-

вала, вы ведь всегда вместе, — искренне поддержала его Ася.

— А вот об этом мы с тобой, голубушка, еще когда-нибудь поговорим.

Ася удивленно вскинула на него глаза.

— Да не в том смысле, что ты подумала, негодница. А о зависти твоей. А пока скажу только то, что по моим наблюдениям завидовать ни в коем случае нельзя.

— Знаю, это грех.

— А знаешь, как слово «грех» точно переводится? Непопадание в цель. Вот когда человек завидует, он не попадает в ту цель, на которую он изначально ориентирован, к чему предназначен.

— Кем предназначен?

— Как правило, Богом. То есть человек «целится» изменить свою судьбу и за образец берет чью-то. Не будем называть это пока завистью. Назовем примером. Беря пример, человек невольно вживается в ту судьбу, которой намерился подражать. Но при этом получает «в наследство» не только радости, но и печали этой судьбы. Он «наследует» ее целиком. Вот ты, например, хочешь иметь такого мужа, с которым будешь вместе ходить с утра до ночи. Какую работу должен иметь этот твой примерный избранник? Подсказываю, мы с женой работали на одной кафедре. А у тебя есть такой человек на примете?

— Скорее, нет, чем да.

— Пойдем дальше. А ты уверена, что с таким по характеру и образу жизни человеком тебе будет

комфортно? Ты уверена, что он подойдет тебе физиологически, тебе захочется, чтобы он держал твои руки в своих, прикасался к тебе? Вот то-то. А картинка со стороны всегда красивая. Кому же хочется, чтобы скелеты из шкафов сыпались? Их прячут.

Вот и моя Оленька. Женственная, привлекательная, кокетливая, уважаемый специалист на работе. Но домашняя работа ее не вдохновляла. Мы оба понимали, что она в жизни исполняет мужскую роль и от этого раздваивается. Она сделала хорошую карьеру, блестящую. Но с большим трудом могла быть одновременно женой и матерью. Мне кажется, что на определенном этапе у нее сломался материнский инстинкт любви к нашей дочери. Нет, я ее ни в коем случае не виню в чем-то! Просто констатирую факт и причину своего одиночества.

Зима — замечательное время года, если смотришь на нее глазами новогодних фонариков, подарочной фольги и запаха апельсинов. Она хороша в натопленной комнате, в семейном уютном телепросмотре, с чашкой кофе и куском торта. Зимние каникулы подбивают на сумасбродства и дарят каждый день ощущение праздника.

У одиночества другая зима. Одиночество — не совсем плохая штука, когда не очень затягивается. В зимние дни оно располагает к коротким прогул-

кам по скользким тротуарам и к кормежке бедных птиц, сторожащих на жидких ветках крохотные светлые часы, а в сумерки — к написанию стихов и выпечке пирогов. Но когда ветер сметает с подоконника надежды и развевает их по голым улицам, дорогам, кувыряя в воздухе вместе с рекламными щитами, древесной трухой и всяким хламом, выброшенным из подъездов, зима тяготит.

В тот год зима выдалась снежная и ветреная. Снег сыпал непрерывно, кружа снежную пургу над сугробами, заметал улицы до самых сумерек и мрака. А по ночам, словно выжидая наступления темноты, поднимался ветер. Он дул сначала осторожно, постепенно набирал силу и превращался в настоящий ураган, воющий волком, протяжно и грозно, заглушая биение сердец. Засыпав к утру окна и двери домов, причудливо выморозив матовые узоры на стеклах, ветер затихал, чтобы потом вновь разразиться пургой.

Январским днем, тихим, ясным и морозным, во время студенческих зимних каникул, доцент Ася Викторовна Сабурова закрыла за собой входную дверь института, забрав трудовую книжку, диплом об образовании и о кандидатской степени, медицинскую книжку. Она, конечно, была согласна с заведующей кафедрой, что лекции должны быть прочитаны своевременно, а семинары проведены качественно. Настоящий преподаватель — это не профессия, а образ жизни, и поэтому работать дол-

жен, по возможности, без больничных листов, и тем паче, без стихийных подмен.

Сначала ее тревожили расставание с любимой работой и сложная адаптация на другой в середине учебного года, но как-то очень скоро, неожиданно для нее самой, она привыкла к новому месту.

Коллектив детского сада, замысловато называемого муниципальным образовательным дошкольным учреждением развивающего типа, состоял в основном из молодых девчонок, недавно закончивших педагогический колледж, и ей, великовозрастной, на первых порах было несколько неуютно в этом молодежном сообществе. Разговоров не получалось — разрыв в жизненном опыте. Притирка длилась недели две, а потом Ася вдруг поняла, что в своей младшей группе она сама себе хозяйка, никто не требует от нее заумных и внезапных докладов на конференции, пленумах, семинарах и всякую показушную ерунду, пригодную разве что для галочки. С девчонками оказалось довольно просто, они не вникали в сложные интриги межличностных отношений, да и просто не лезли ей в душу.

Она свободно могла брать с собой Ванечку и быть уверенной в том, что в течение дня с ним ничего не случится. В детском коллективе, среди ребятшек чуть старше его, он быстрее адаптировался и веселее чувствовал себя среди игрушек, чем на пустом дворе сильно повзрослевшего дома.

Домашние хлопоты, усложняющиеся заботы о ребенке, телефонные разговоры уплотняли Асино вечернее время. «На кофеек» заходил сосед Алексей Иванович Вершинин, с Ваней играл, говорил ободряюще, дескать, слезы — плохой советчик, ими любовь не выпросишь, надо терпеть и ждать.

По ночам, когда накормленный и искупанный Ванечка засыпал, ее боль сжимала назойливо виски: «Ну разве я такая скверная баба, что он ушел? Неужели я недостойна даже одного несчастного звонка и вопроса: «Ты жива?» Обиднее всего было то, что их размолвка состоялась из-за дурацкой усталости и несдержанности друг друга. Наплевали друг другу в душу, а теперь... «Жизнь не любит повторений», — чудилось ей.

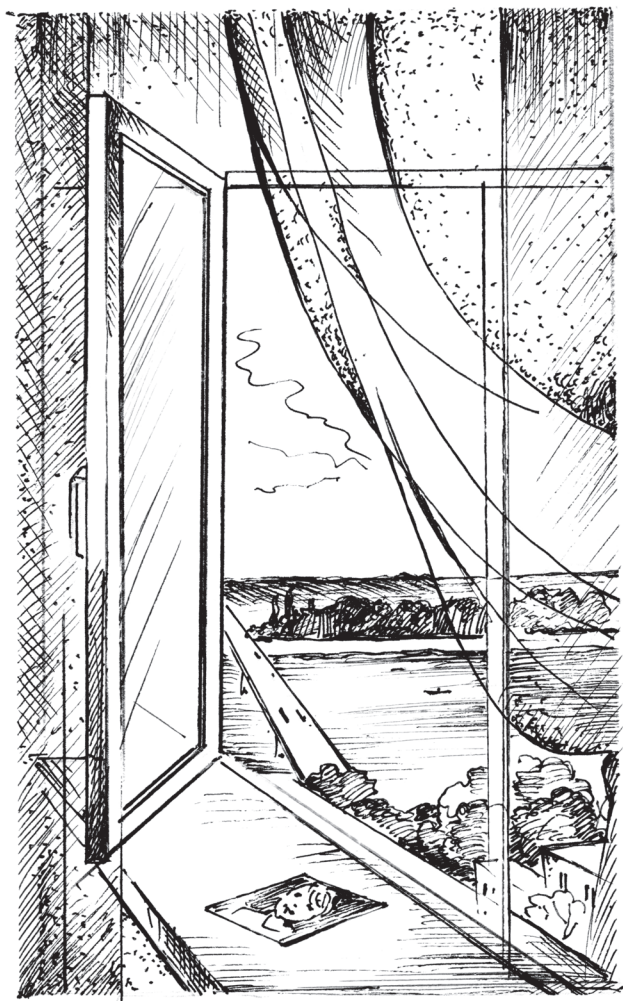
Возможно, Георгий тоже не понял, что случилось, но выяснять отношения и извиняться было не в его характере. «А может я и не любил ее, — думал он. — Был какой-то всплеск страсти, а потом исчез».

Она вспоминала, как в порывах смертной тоски вся ее жизнь казалась ей бессмысленной и хотелось умереть, чтобы больше не думать ни о каких проблемах. «Наверное, такое бывает у каждого, ведь жизнь сложна. Каждый иногда думает уйти в другой мир, главное, чтобы быстро и не мучительно. Но когда появляется зависимость... У меня есть Ванечка. Он доверяет мне, и я не имею права разочаровать его».

Ванечка не слышал ее ночных душевных стонов. Он спал своим беззаботным, ничем не омраченным сном, и ему было неведомо, что наговорили друг другу его обожаемая мама и воображаемый отец, и от чего они не могли заснуть. Его охраняла надежная стена детства, сулившая много игрушек, открытий, развлечений. Всклипывания мамы проникали в его новый наладившийся мир всего лишь как однообразный шепот волн, приливающих к горячему песочному берегу.

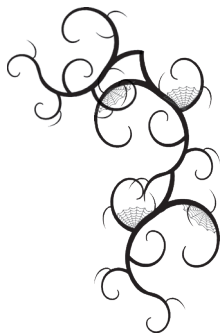
На исходе своего срока зима уже не хрустела под ногами, а изредка играла в липкие снежки, радовала редкими оттепелями, обещающими своевременную смену времен года.

Глава 10.

«Асина родня»

Один юноша пришел к Дхун-Муну и сказал, что суфии несправедливы, и еще многое другое в том же роде.

Египтянин снял с пальца кольцо и протянул молодому человеку с такими словами: «Отнеси его на базар и предложи лавочникам. Посмотрим, даст ли тебе кто-нибудь за него золотую монету».

Юноша так и сделал, но никто из базарных торговцев не давал ему больше одного сребреника.

Итак, юноша принес кольцо назад.

«А сейчас, — сказал Дхун-Мун, — отнеси кольцо настоящему ювелиру. Посмотрим, какую цену он назовет».

Ювелир предложил за драгоценный камень сто золотых.

Молодой человек был изумлен.

«Итак, — сказал Дхун-Мун, — ты точно так же разбираешься в суфиях, как лавочники в драгоценных камнях. Если хочешь оценить драгоценность, стань ювелиром».

*Идрис Шах. «Путь суфия» —
Эль-Шафай*

Весна заявила сразу, без подготовки. Она просто вдруг наступила, и городские улицы наполнились влажным воздухом. Влага перекачивалась волнами по городским районам — то на Северном, то на Западном, то на Каменке, то на Военведе, то в Центре небосвод терял опоры и проливался дождем. Дожди сменялись солнцем, заливавшим крыши домов и раскалявшим расшумевшиеся улицы, загроможденные рокочущими автомобилями и неповоротливыми автобусами и троллейбусами.

Один из весенних дней начался с розового, словно обрызганного росой рассвета, поднявшего солнце высоко-высоко на горизонте.

Включив компьютер, в блеклом просонье я еще не поняла, насколько важным окажется этот воскресный солнечный день, когда увидела новые письма в почте Рамблера.

— Ася, ты не представляешь, что я получила по электронке из Питера, от директора Гатчинской школы! Ты меня можешь выслушать или чем-то сейчас занята?

— Слушаю-слушаю. Читай.

— Ну, вот.

Я поудобнее расположилась в кресле и поднесла к свету распечатанный текст:

Характеристика

*Татьяна Ивановна Соколова, урожденная Ки-
реева. Родилась в 1908 году, в станице Калиновская*

Терской области. С 1914 года проживает в Гатчинском районе Ленинградской области. Замужем с 1933 года. Окончила общеобразовательную школу в 1928 году, затем Ленинградский педагогический институт в 1933 году (с отличием).

Место работы — Гатчинская общеобразовательная школа, учитель математики.

Сведения о родственниках:

Муж — Соколов Александр Юрьевич, 1906 г.р., русский. Работал в НИИ «Ленжелдорпроект» старшим научным сотрудником. Призван в ряды Советской Армии.

Сын — Соколов Виктор Александрович, 1935 г.р., русский, ученик 1 класса Гатчинской общеобразовательной школы.

Отец — Гиреев Иван Иванович, 1874 г.р., русский, участник Гражданской войны. Работал во Всероссийском Обществе Поощрения Художеств, художник. Умер в 1939 году.

Мать — Гиреева Елизавета Федоровна, урожденная Красникова, 1886 г.р., русская. Работает воспитателем в детском саду «Внучата Ильича», с 1941 года пенсионерка.

1 сентября 1942 года

— Совсем хорошо!.. — Ася после паузы озадаченно продолжила. — Юль, ты только не подумай

чего, но эта характеристика выдана моей бабушке, Татьяне Ивановне Соколовой. Так что Шерлок Холмс зашел в тупик. Вот уж неисповедимы пути Господни. И как она тебе только попала в руки?

— Подожди, но я отправляла запрос с точным указанием данных человека, которого разыскиваю — Гиреева Ивана Ивановича. Я все подробно объяснила, еще и убедила...

— Но Соколова Татьяна Ивановна, которая до войны работала воспитателем в Гатчинском детском саду, — это моя родная бабушка Таня. Если, конечно, она одна с такой фамилией и инициалами.

— А Гиреев Иван Иванович, ты хочешь сказать, твой прадед?

— Мой прадед, я тебе говорила, который был художником, он по фамилии Киреев, не Гиреев.

— Ты не обратила внимание на то, что в самой характеристике тоже есть разнбой. Соколова, урожденная Киреева, а ее отец — Гиреев. Мне кажется, речь идет об одном и том человеке. Просто у меня в голове не укладывается, что я столько времени ходила вокруг и около, а ты... Ты даже не сказала, какая фамилия была у твоей бабушки и твоего прадедушки.

— Ну, прости. Я не думала, что это вообще может кому-то пригодиться. И потом. Ты тоже не общала подробности своей семьи.

— Нет, Ася, это ты меня прости. Это у меня эйфорическое настроение, как у археолога, раскопавшего Трою или гробницу Тутанхамона. Давай я к

тебе приеду, и ты мне расскажешь все по порядку.

По дороге я уже поняла, как могла измениться буква в фамилии в паспортной службе. Во-первых, фамилия «Гиреева» изменилась не нарочно, с каким-то умыслом, а по ошибке того писарчука, который оформлял девушке паспорт. Посоветовавшись дома и решив, что когда-то ей все равно придется менять фамилию на мужнину, она не стала «ходить по мукам» и переделывать документы, а так и осталась Киреевой. Во-вторых, семья почему-то решила внести коррективы в свою фамилию, тем более, что это только первая буква, и, как говорила Ася, у ее прадеда эта буква в конце жизни тоже почему-то изменилась, потому что... Ну, например, отголоски репрессий могли сказаться на служебном положении. Семье было уже совершенно безразлично, с какой буквы начинается фамилия, с «Г» или с «К», соответствующие органы что-то продолжали еще копать.

Я остановилась посреди дороги. Нет, или я иду куда-то налево, или Аська — наследница рода Гиреев. Как и Шагингиреева? Господи, сколько их его потомков рассеяно по нашей Отчизне?

В школе №5 Ася Соколова слыла очень одаренной девочкой. Еще семиклассницей она начала пе-

чататься в местной газете «Набережные Челны» с первыми стихами. В редакции ее предупредили, в каком номере будет опубликовано стихотворение, и в дождливое осеннее утро она уже прижимала к груди купленный в киоске и пахнущий типографской краской лист.

Ее стихи о Ярчаллы³⁶, его окрестностях, о зимних прогулках в сосновых посадках, органично вписавшихся в пейзаж нового города, вызвали бурю эмоций. «Меня напечатали!» — торжествовала юная поэтесса и сияющая побежала в школу.

Класс встретил ее новость настороженно. Стихи... Это все грезы, нереальные и, возможно, никому не нужные. Во всяком случае, так решила ее лучшая подруга, увидев раскрытый газетный лист.

«Это большая ответственность!» — удивилась классная руководительница. Она округлила глаза, и девушке показалось, что эта новость шокировала ее как учительницу литературы.

После уроков Ася пошла к редактору газеты и выплакала ей свою беду. Но та в ответ успокаивающе обняла ее и предложила выход:

— Выбери себе какой-нибудь красивый псевдоним. И все!

— Псевдоним? — удивилась девочка.

— Ну, можно изменить только фамилию, а имя оставить свое. Так многие поступают.

³⁶ Название Набережных Челнов; Яр — в переводе с татарского «крутой берег».

— Зачем? — недоумевала девочка, но, подумав, ответила. — Я буду Асей Цветковой!

— Подумай еще, — сделала гримасу редактор. — Почему Цветкова? Ты хочешь быть похожей на Цветаеву?

Начинающая поэтесса кивнула.

— Не надо ни на кого походить. У тебя свой стиль. Он узнаваем, поэтому все сразу догадуются, что стихи написала ты. А потом станут подначивать: «Я поэт, зовусь я Цветик...», — редактор категорично закачала головой.

— Да, я не ожидала, что может быть такой оборот, — поняла девочка. — Тогда я возьму фамилию дедушки — Киреев.

После выхода нескольких номеров газеты с ее стихами публикации прекратились под шумок за глаза о «детской галиматье», но она продолжала иногда писать, ритмами выталкивая из себя свою созерцательность, хотя эти письмена скорее напоминали дневник, чем серьезную поэзию.

Да и эта история почти забылась, оставив лишь влечение к романтике. Впоследствии выход своей лирической стихии Ася находила в преподавании курса детской литературы. Для полноты картины надо добавить, что Асю Викторовну Сабурову на кафедре считали теоретиком, довольно равнодушным к методологии, которая, дескать, ей знакома поверхностно. Действительно, выделение первого-

второго-третьего ей давалось нелегко, зато интуитивное постижение предмета и его преподавание студентам казалось самым легким и увлекательным на свете.

Ася и Ванечка как всегда гостеприимны. Чай, пирожки какие-то мудреные.

— Тетя Юля, на! — Ваня протягивает мне пирожок.

— Спасибо, котик! Я пирожки буду потом, ладно?

Он соглашается, кивает и откусывает предложенный мне пирожок.

— Ваня, посмотри, какой красивый танк тебе принесла тетя Юля! Поиграй с ним, пока мы поговорим.

— Мама, я здесь буду играть.

Ваня пристроился на ковре, Ася села, подогнув ногу, в глубину широкого дивана, я опустилась рядом с ней и нетерпеливо попросила:

— Сначала расскажи мне, дочь татармонгола, про свою бабушку, Татьяну Ивановну Соколову. И как она дошла до жизни такой, чтобы коверкать исторические фамилии.

— Ой, Юля, я сама ошарашена, тем, что ты говоришь. У меня не то что сомнения, у меня мысли ни одной не было, что бабушка, а значит, и отец, имеют какие-то особенные корни.

— Ну, о казаках-то мы с тобой говорили, сердце у тебя не дрогнуло?

— Не дрогнуло, потому что у нас дома о казаках никто не говорил. Отец рассказывал, что его дед был лихой красноармеец, что начал Гражданскую с Петрограда. Да у многих так было. У нас полстраны были красноармейцами. Другие и не дожили до светлой победы, ты знаешь.

— Ну, ладно. Давай перейдем к фотодокументам. Где твой семейный альбом?

Ася к моему приходу уже достала старый альбом, обтянутый плюшевой корочкой, модной в послевоенные времена. У меня тоже такого плана есть. На первой странице ее отец и мать. Молодые в свадебной одежде, рука об руку.

— Отец твой на татарина совсем не похож, извини, конечно.

— А я тебе что говорю. Кстати, вот бабушкина фотография, — Ася пролистнула несколько страниц. — Она здесь совсем молоденькая. Кажется, в двадцать пятом году девятилетку переделали в спецкурсы, и она получила свидетельство об окончании химического курса. Но все эти бунзеновские горелки ее привлекали не так, как математика, поэтому она решила заняться математикой.

— Понятно, сын — копия мать, темноволосый, темноглазый. А бабушка интересная женщина.

Я вынула фотографию, чтобы посмотреть ближе, а может быть увидеть подпись. Вот и подпись: Гиреева Татьяна Ивановна, 1926 год.

— Она сделала фотографию, наверное, в день совершеннолетия. А потом в паспортном столе ее обрадовали другой фамилией. А когда она умерла, ты можешь сказать?

— Она умерла, когда мы жили в Набережных Челнах. Я тогда школьницей была, заканчивала 8-й класс... Как раз перед окончательным отъездом отца куда-то на Кубань. Он тогда еще на похороны ездил в Ленинград, а потом только...

— Он заезжал домой или сразу кинулся на Кубань? — мне все было понятно, но контрольный вопрос я не могла не задать.

Ася прикинула в голове какие-то обстоятельства и ответила:

— Мы тогда его ждали с матерью, долго ждали, думали, приедет все-таки, а он так и остался там. Маме казалось, он что-то скрывает, или кого-то. Я уверена, она и подумать не могла, что он на похоронах получил какую-то информацию. Но какую?

— Это вопрос, — я тоже думала, что он имел на руках вполне определенные доказательства своей далекой связи с Гиреем, но почему-то не поделился об этом с женой.

«Почему? — мысли у меня вертелись, как динамо-машина, — Что же он скрывал от своей семьи?»

— Ася, а ты никогда не видела у него треугольный медальон?

— Господи, да он никогда не носил никаких ювелирных украшений! Принципиально: никаких хаха-

ряшек! Даже кольцо обручальное всегда лежало в шкатулке. А медальон бы он точно не надел.

— Так может быть, в шкатулке есть такое украшение? Посмотри!

Ася полезла на антресоли, нашла коробку из-под ювелирных украшений и открыла ее:

— Вот, все, что осталось от мамы и отца.

Их обручальные кольца, мамин кулон, который он дарил ей на свадьбу... Не то? Что ты вообще имеешь в виду?

— Я имею в виду татарский талисман, который имели при себе как мужчины, так и женщины. Это очень старая мусульманская традиция. Считалось, что этот талисман будет хранить своего хозяина от случайной смерти и всякой такой беды. Потерять его — плохая примета, накликать беду. А потому их берегли, как Кощей иглу в яйце, как зеницу ока. Каждый носил при себе спасительный талисман. У богатых людей это были серебряные открывающиеся медальоны, филигранной работы, куда вкладывалась молитва. Молитвы покупались у духовенства, и писали их на треугольной бумажке киноварью, красными чернилами. Очевидно, это символ защиты от злых духов и одновременно знак святости. Это не наскоро сделанные ладанки, которые продаются для подарков и являются, по сути дела, предметом поверхностного благочестия. Тогда все было серь-

езно. И настолько честно, что молитвы никогда не вынимались из своего футляра, и люди зачастую не знали их содержания. Верили, что написаны свято, и все. А потому и носили, не снимая, всегда на груди. Хотя были у них и такие, которые носили на спине. Футляром для такой молитвы служила кожаная сумочка, тоже треугольной формы. Часто девушки этот треугольный кусочек кожи заплетали в косички. Иногда носили несколько таких амулетов. Это могла быть и ладанка, называвшаяся «сач-хасиде». «Сач», значит волосы, «хасиде» — хвалебная ода. Такой амулет мог быть прямоугольной формы, из серебра, тоже полый внутри, и висеть на серебряной цепочке прямо в волосах. Ну, у мужчин вряд ли. У девушек в косичках. В любом случае — это должно было быть произведение ювелирного искусства и носиться как украшение.

— Нет, Юля, у нас такого точно никогда не было. И даже речи не было.

Ася убрала коробку с мемориальными украшениями и рассказала о своей бабушке Татьяне Ивановне...

«Бабушка была педагогом того времени, когда все в жизни было распределено на «хорошо» и «плохо». Ее поколение середины не знало. И она, и дедушка, Соколов Александр Юрьевич, — дети Ре-

волюции, сурово уверенные в том, что жизнь их — «последний и решительный бой».

Мне сложно их разделить, потому что мой отец всегда говорил «родители», не уделяя кому-то внимания больше, а кому-то меньше.

И как их сравнить? Они, по-моему, даже внешне похожи.

У бабушки была хорошая фигура, крепкая и статная. Женщина классического типа. Черты лица выразительные, интересные, темные волосы, аккуратно уложенные в «бабетту». Дед тоже смотрелся, как огурец. Фронтовик, герой! Высокий, статный, коротко подстриженный, дышал, если не духами, то туманами точно. Взгляд обволакивающий, таким охотно смотрят на женщин. Я сейчас понимаю, что он не всех пропускал мимо себя. Какой-то конфликт между ними тогда был, но они не предъявляли его всему миру, он был «под водой». И уж, конечно, в моем присутствии никакие разговоры не велись. Все прекрасно и без проблем! Понятно, что в каждой избушке свои погремушки. Но внешне придраться было не к чему. Они смотрелись «парой».

Бабушка закончила ленинградский педагогический институт, а он строительный — оба с «красными» дипломами. Бабушка до войны работала учителем математики в школе, а после войны стала профессором университета. Дедушка тоже доктор

технических наук, профессор. Оба обрели социально значимый уровень жизни.

Будучи студентами, оба подрабатывали, чтобы иметь карманные деньги. Сами на свадьбу накопили. Тогда люди рано чувствовали себя взрослыми и ответственными за свою семью. Бабушка, чтобы почтить память своего отца Ивана Ивановича, как-то даже организовала выставку его работ. Дело было хлопотное, но престижное с точки зрения семейного имиджа. Об этой выставке в одном из журналов вышла статья с фотографиями. Мне ее показывали.

Наверное, в силу собственной одержимости они оба с жаром поддерживали идею сына ехать на КАМАЗ. Стройка века, и их сын в самой гуще! Тогда-то, кажется, бабушка и ссылалась на своего отца, который, несмотря на уговоры, пошел на фронт, получил награду.

А потом оба были против женитьбы сына, Виктора Александровича, на простой девушке Наташе Лебедевой. Я думаю, главный аргумент против невесты родителей будущего мужа, — выпускница пермского строительного училища, маляр-штукатур. Она не вписывалась в их представление о хорошей семье. В Ленинграде тогда одна прописка была равнозначна столбовому дворянству. А мама была пермячка... Да и там у нее никакого богатого наследства не просвечивало. Ну, и образование, конечно. Бабушка говорила: «В наше время толь-

ко дурак и лентяй не получает высшего образования. Советская власть все условия создала — только учись и честь семьи поддерживай!» Говорилось это когда-то и для меня, чтобы я ненароком не обесчестила нашу семью. В чем-то, конечно, я с ними согласна — образование нужно, как воздух. Но маму было жалко.

В общем, или они не поняли тогда главной задачи коммунизма, или сделали вид. Мать пришла не ко двору. Но, как говорил мой отец, он победил на поле брани. Но победа его была относительной и недолгой.

Мне всегда было жаль, что у меня нет настоящих бабушки и дедушки, таких снисходительных стариков, которые всепрощающе защищают от произвола более молодых, требовательных и более строгих родителей, да и всех вообще. У детей должны быть бабушки и дедушки. Не знаю, понимал ли это отец, но два раза я была с ним в Ленинграде.

Только вот в воспоминаниях — беготня по музеям и от этого жуткая усталость. И чего у нас тогда такой невыносимый план был — кругом побывать? Застолий с душевными беседами фактически не было. Мы по музеям, старики на работу. Все общение на бегу. Отцу не очень понравилось, что мать даже отгулы не взяла по поводу нашего двухнедельного приезда, но он как-то пережевывал это и старался не придавать значения.

И все же прощальный обед состоялся, после которого мы с отцом улетели в Набережные Челны, и больше я ни бабушку, ни дедушку никогда не видела».

* * *

«Обед не был чопорным. Скорее, он оставил впечатление не выразимой словами и повисшей в воздухе тоски. Бабушка выглядела уставшей, как после бессонной ночи, дед понуро смотрел в тарелку, и разговор был странным и натянутым. Только отец выглядел вдохновленным какими-то своими идеями и внешне был похож на Байрона.

— Есть высший критерий моей полезности — Аськаина улыбка. Аська, улыбайся, — бодро настаивал он.

— Мне было сложнее, — вступил дед. — И ты не жаловался на то, что я к тебе суров.

— И тебе было комфортно жить в двух измерениях, в своем собственном и в каком-то другом, придуманном тобой? — парировал отец.

— Знаешь, я не такой идеалист, как ты. Я в трех измерениях проживаю легко. Вот сейчас еще и в твоём. И мне кажется, что ты большой фантазер.

— Мне казалось, что вам, дорогие мои родители, хорошо понятна формула: «Быть или не быть».

— Сынок, ты в абстракциях всегда терялся, — улыбнулась бабушка. — А тут о формулах вспомнил?

— Эта формула для психотиков, — скептически посмотрел дед.

— Это новая оценка Шекспира? Современный столичный вариант? — язвительно поинтересовался отец.

— Я на литературную критику не претендую, скажу, как технарь: «Быть» имеет шкалу от «плохо» до «превосходно». А вот «не быть» — просто нет.

Дед нервно вытер губы салфеткой и вышел на балкон курить.

Мы остались за столом вдвоем, и в какой-то момент бабушка вдруг проговорила:

— У англичан есть очень забавная шутка. На самом деле емкая и точная рекомендация для вступающих в брак: «Приобретая холодильник, не думайте, что на нем можно будет проигрывать пластинки».

— Я это понял, мама, — ответил отец, — но для этого мне потребовалось чуть больше времени.

— Странно, сын.

— Ничего странного, мама. Мы живем в другую эпоху, когда люди стали намного сложнее, и нам не так просто друг друга понять.

— Прости мою напыщенность, сынок, — продолжила бабушка. — Но я скажу по-сократовски: «Я знаю, что ничего не знаю». Я, думала, что смогу помочь тебе всегда, но сейчас, действительно, не знаю, что тебе посоветовать. Поздно, Витя...

— Спокойно, Таня, спокойно, — вмешался дед, возвращаясь с балкона. — Он взрослый мужик, знает, что делает, раз под свой эгоизм такую базу подвел.

Когда обед перешел в чайную фазу и на столе оказался огромный и безумно вкусно пахнущий торт, бабушка его резала на куски и говорила:

— Ася, кушай тортик, ты сама говорила, что у вас там торты только одного вида продают. Безобразие, конечно... Витя, возьмите с Асей с собой торт, угостите свою маму выпечкой из хорошей кондитерской.

Тогда в Набережных Челнах, действительно, продавались безликие торты, на которых почему-то красовалась надпись «Анапа». Может быть, как представление о лучшем месте на земле и других не было? Не знаю. Стране детства? Тогда почему только Анапа? А возможно, просто конвейер был заточен на продукцию с таким названием. Словом, торты на вкус казались тогда неплохими, а Анапа сияла неведомой и райской далью. Анапа — это сладкое блюдо для каждого ребенка! Впечатляющий аккорд! Вот какая была реклама детского курорта у нас в стране!

А бабушка все суежилась вокруг торта, украшенного снежными взбитыми сливками, невероятными клубниками и цветами.

— Торт свежайший, и ты, Саша, съешь кусочек, не думай, что там тебе врачи говорят.

— Да говорят, что желудку нельзя, — промычал дед, как от зубной боли. — Сдавал анализы, то скажут гастрит, то теперь говорят — язва. Лечат меня от какой-то болезни.

Тогда еще никто не знал, что дедушка умрет от язвы желудка. Но это случится только через два года.

— А я тебе говорю, — убеждала его бабушка, — что эта твоя язва — ят-ро-ген-ная, то есть внушенная врачом. Врач сказал: «У тебя язва» — она и появилась. Любая информация может быть ятрогенной.

— Значит, Танюша, внушат человеку с помощью тестового инструментария — «по науке», что он дурак, он и начинает жить дураком по той «норме», в которую его втиснули. Так что ли?

— Против науки не попрешь, — на сленге своих студентов подтвердила бабушка. — И какие же мы все глупые!»

— Ася, а квартира в Ленинграде?

Ася стояла спиной и помешивала жареную картошку с грибами. Для нее «квартирный вопрос» сейчас был не так важен, и ее голос звучал без интонаций потерянного рая.

— Я никогда на нее не претендовала, а отец не предлагал. Наверное, у него на нее свои виды. Он не одинок.

Она повернула голову и широко улыбнулась.

— Я помню, мы как-то весной всей семьей, с друзьями родителей и их детьми на вездеходном, по тем меркам, «Уазике» ездили в Елабугские леса. Ты не представляешь себе, как хороши эти цветаевские места! Как толькоходишь в лес, сразу слышишь тишину, и на тебя спускается густой лесной дух. Лес смешанный. Сосны, осины, березы настолько высокие, что кажется, подпирают резной зеленый потолок, изредка расцвеченный голубыми окнами-просветами. Местами, среди больших стволов, группками стоят молодые деревца, тоненькие, теснящиеся друг к другу, тоже тянущиеся к небу. Среди всей этой мощи своя жизнь идет. Одни птицы вверх, на кронах голоса показывают, другие ниже, дятел, не стесняясь гостей, долбит ствол. Стрекозы и мошкара вьются пониже, почти у самой земли. А у корней деревьев плотной коркой лежат листья, прошлогодние, еще старше, а из-под них шляпки грибов.

Ездили мы туда в мае собирать грибы со странно-неприветливыми названиями сморчки и строчки. Эти наивкуснейшие грибочки были одинакового размера и отличались только шляпками: строчки имели ровные строчки на шляпках, а сморчки причудливые извилины. Дали нам тогда родители длинные пруты, раздвоенные на конце, как рогатки, чтобы не руками листья грести и на гадюк не напороться. И по корзинке в руки. Гребешь листья, наклоняешься за

грибом, видишь еще несколько. Это такой азарт! Остановиться невозможно, главное, не заблудиться. А если не видишь своих, кричишь на весь лес, тембр собственного голоса не узнавая. Набрали мы грибов тогда ведра по три. Вернулись домой, нажарили со сметаной. Запах в носу до сих пор держится! Не такой запах, как у этих шампиньонов. Так вот. Сидим на кухне, разговариваем.

— Витя, как хорошо нам здесь жить! Надо обустроиваться получше, — планировала мама, — квартиру дали, хоть и временную. Но ты же можешь выписаться от родителей, и эта квартира станет постоянной. Отделаем ее хорошенько. Я сама всю малярку могу, только вот сантехнику, окна, двери...

— Здесь Наташа, конечно, хорошо, — перебил ее отец очень убедительным тоном, — но разве с Ленинградом можно сравнить?

— Никто не спорит. Но меня-то ведь там не ждут, и ты знаешь об этом. Думаешь, в тех стенах я рай обрету?

— Вот я и предлагаю немного подождать. Давай пока не будем менять то, что у нас есть. И вот что еще. Сколько можно конфликтовать? Надо бы вам помириться как-то. Может тебе и вправду в институт поступить, закончить? — он говорил как плохо заучивший роль актер-трагик.

Ох, так и осталась эта тема недоговоренной. Теперь я понимаю, когда мужчина начинает стареть и осознавать, сколько в жизни не познано, его обуревают страстное желание познать жизнь до самых глубин. Причем начинает он это познание с женщин, и его никогда не остановить. И где теперь наш торопливый беглец?

Ася обернулась и поставила картошку на стол.

— Это я сейчас домовладелец. Да и то, только за счет Георгия. Даже не знаю, что будет, если он надувает меня выгнать отсюда? Куда мы с Ванюшкой пойдем?

Ванечка, сидя на табуретке и беспечно болтая ногами, всем своим видом нас призывал: «Будьте оптимистами!»

— Мамочка, мамочка! Это моя мамочка, я люблю мамочку... и тетю Юлю люблю.

— Вот-те раз! А тетю Юлю за что, натура твоя мужская? — наигранно удивляется Ася.

— Как за что? Она мне танк подарила, хороший танк, большой. Как ее не любить?!

— Все понятно, какая у тебя любовь ко мне! — говорю. — Эх, Ваня, а я-то думала, ты скажешь, что любишь меня, потому что я красивая...

Ваня разглядывает мое лицо, трогает ручонкой мой локоть и неожиданно сообщает:

— Я женюсь на красивой.

— Да-а-а-а? — живо интересуемся мы обе.

— Да, — прожевывает картошку и поясняет, — буду на нее любоваться.

Дни и ночи становились все теплее. Вид из окна на пойму Дона окаймлялся роскошью зелени, взбирающейся по стенам домов и удаляющейся к горизонту. Воздух, напоенный ароматом спеющей жердели и черешни, разгонялся легким ветерком по суетным улицам и выгонял на прогулку парочки влюбленных и дружные компании.

Сама природа тянула к живой созерцательности своих явственных перемен. А замечаем ли мы, как безмолвно и терпеливо она проходит суровое жизненное ристалище?

Вот акация, тряхнув стариной, белеет платочками душистых цветов. Скоро они облетят, и никто не заметит, что она, привычно провожая прохожих, сожалеет об утраченной красоте, шуршит старыми петельчатыми лапами, словно прикрывая свой коряжистый ствол. Рябинка совсем молодая, как ребенок доверчиво гнется ближе к скамье, вводя себя в заблуждение, что жизнь не так тяжела. Крепкий тутовник с развесистой кроной, от облетевших ягод окруженный фиолетово-черным кольцом, собрал вокруг себя мальцов, бойко карабкающихся на высокие ветки, ломая их, чтобы полакомиться не переспелыми ягодами.

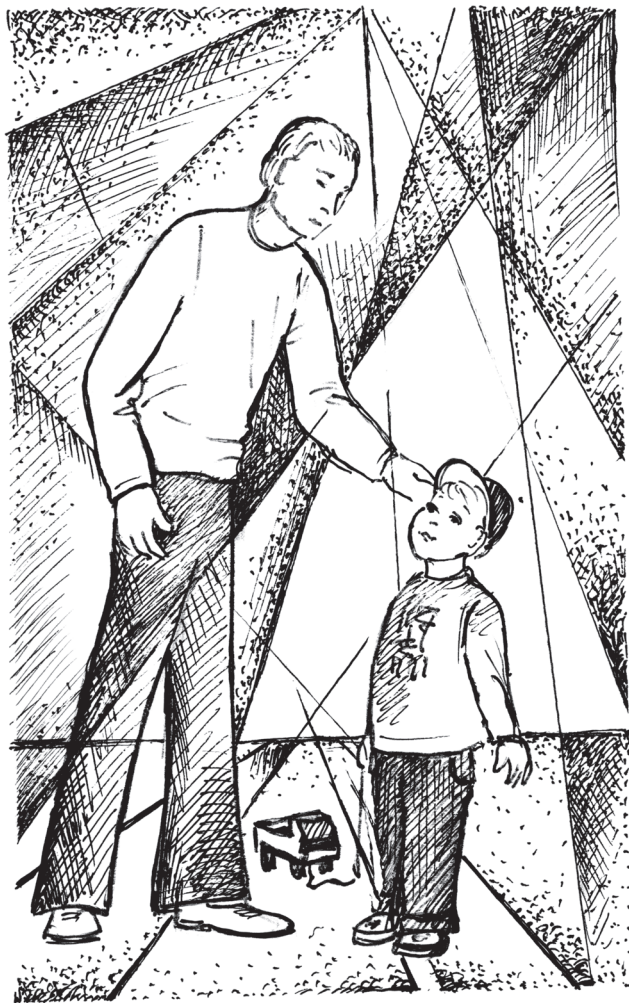
А рядом неровная окружность спиленного почти под корень богатыря. Может быть, дуба, который своими мощными корнями помешал укладке тротуарной плитки, и теперь унес свои воспоминания о прошлой жизни далеко под землю. Он уже не прошепестит о том, как мужики вшестером, ткнув носом в бревна свои топоры, садились под ним, ставя в серединку котелок, крестясь и деревянно отстукивая обед. Кто знает? Это мог быть и не дуб, а какое-то другое дерево, под кронами которого происходила совсем другая история. А люди домыслили ее, и им не хочется разрушать свои иллюзии. Зачем-нибудь через сотню лет ученые захотят точно выяснить, что же это было за дерево. И вдруг окажется, что оно не было таким уж прочным и нужным, а выйдет так, что оно было больным и очень старым.

Вот так и мы. Бесцеремонно рвем плоды и ветви деревьев и так же украшаем Древо своего рода или трясем Древо жизни. Сначала мы вешаем на ветки яркие переливающиеся гирлянды, радостно зовем всех полюбоваться на свой праздник. А потом наступают будни, своей серой реальностью обнаруживающие нашу ошибку. И тогда гирлянды разбиваются, а мы видим и понимаем, что они из простого стекла. Разочарованные, мы думаем: «Многое происходит без нашего участия». Большинство наших неудач мы объясняем именно таким образом. Не хотим, а верим в постоянное присутствие невидимо-

го Режиссера, который может в одночасье перевернуть все наши планы.

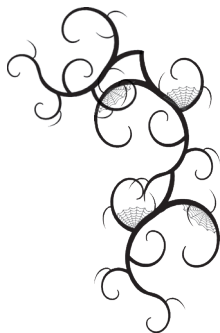
Ерунда! Мы не деревья, а потому всё, что касается нас, всегда происходит с нашего ведома. Чтобы понять эту истину, почему-то в жизни надо очень ошибиться.

Глава 11.

«Ты это я»

Некто пришел к двери Возлюбленного и постучал. Голос за дверью спросил: «Кто это?»

«Это я», — ответил пришелец.

Голос сказал: «Здесь нет места для меня и тебя». Дверь осталась закрытой.

После года уединений и лишений он возвратился к двери Возлюбленного и опять постучал.

Голос спросил: «Кто это?»

«Это Ты», — ответил пришелец.

И дверь ему открылась.

Идрис Шах. «Путь суфия» — Руми

Отец Ванечки являл собой некий фантом. Он был где-то... в словах Аси — она наделяла его телесностью, создавала его героический облик и незримое присутствие. Слова ее проговаривались еще ничего не понимающему крохе с такой верой в правдивость, что она перестала замечать, что обманывает коллег, соседей и, главным образом, саму себя.

И вдруг однажды на пороге появился Георгий, помятый, голодный. Ася заметила вертикальную

морщину между бровей, отпечаток вечного беспокойства.

— Папа! — протянул к нему ладошку Ванечка.

Сердце Георгия неожиданно для него самого дрогнуло. Он не был готов к такой встрече, думал, отдать письмо, адресованное Асе, а там по ситуации. А тут...

Он изумленно шагнул навстречу мальчику, опустился на корточки и заглянул в его глазенки:

— Привет! — нейтральное слово всегда выручает в сложных ситуациях.

Малыш схватил большую руку цепкими пальчиками, улыбнулся розовым ротиком и потянулся на руки к долгожданному папе. Георгий неумело пригнул к себе ребенка, удивленно вдыхая его приятный детский запах.

Ася ненавидела себя за свою сдержанность. Она хотела встретить Георгия совсем по-другому, и сейчас стояла, молча наблюдая за тем, что происходит. Потом спохватилась и в замешательстве начала увещевать сына:

— Ваня, это не твой... — Ася сбоку глянула на Георгия: как он отнесется к мальчику? Удивление не расширило, а сузило ее глаза.

— Иван Георгиевич, — опередил ее догадливый супруг. — Какой ты большой!

— Папа, а ты пойдешь со мной гулять?

— Ух, ты! Прямо сейчас?

— А зачем мы будем ждать?

Наконец Асе удалась улыбка:

— Ваня, дай человеку в дом войти, — вмешалась Ася. — Потом погуляете.

«Надо было игрушку с собой взять или шоколадку, — лихорадочно соображал Георгий. — Пришел... с портфелем! Ну, в другой раз... что ли? Или сейчас пойти и купить?»

— Хочешь, я тебя потом на машине покатаю? — внезапно нашелся он.

— Очень хочу! — весело ответил малыш.

— Лады! — Георгий протянул Ване свою большую ладонь, а тот ухватился за нее и потащил его в гостиную.

Сидя в гостиной и играя с Ваниными игрушками, Георгий с Асей украдкой наблюдали друг за другом, и разговор их был немногословен.

— Иван, держи дистанцию, — жужжал Георгий, подражая автомобилю. — Наедешь на меня — будет авария.

— Мама починит, — решил малыш.

— Мама может отремонтировать машину? Да у вас тут наступил прогресс!

«Как же они тут жили? — подумал Георгий, обводя взглядом гостиную. — Она ни разу денег не попросила».

— Ваня, аккуратнее, ударишься, будешь плакать, — предупредила Ася, с волнением глядя на общение Георгия с сыном.

— Мамочка, если я ударюсь, ты подуешь, и все пройдет!

— Да мама-то еще и волшебница, оказывается?! — Георгий с восхищением посмотрел на жену, отметив про себя, как она похорошела. — Она только подует, и сразу все пройдет! А я раньше не знал.

— Потому что знать не хотел, — со значением объяснила Ася.

— Дурак был, — сознался Георгий. — А в тот день полный дурак!

Ваня остановил свою машину и глаза его вспыхнули радостью:

— Ата-та! Мама, сделай ему ата-та за плохое слово!

— Да она, оказывается, еще и дерется с тобой, Ваня? — победив влажность в глазу, произнес он.

— Мне не обидно, — признался малыш.

— А мне будет обидно, если вы меня вместе с мамой побьете и выгоните отсюда.

Ваня помотал головой, обнял его и прижался щекой:

— Живи и здравствуй.

Георгий от неожиданности замер, а потом посмотрел на Асю:

— Он вундеркинд, что ли?

Она с комом в горле улыбнулась и ответила:

— Да он нормальный ребенок. Просто попугайчик и все. К нам Вершинин Алексей Иванович приходит почти каждый вечер в гости и с порога цитирует как римский консул: «Живи и здравствуй!» Вот Ванечка и выучил.

Асе показалось, что в жизни Георгия что-то произошло, потому он и пришел, но боялась спросить о причине столь неожиданного визита. Она посадила Ваню в кресло и сама села рядом.

— Ты работаешь по-прежнему, там же? — осторожно поинтересовалась она, памятуя о том, что его работа не столько его призвание, сколько главное жизненное пространство.

— Да, я по-прежнему главный инженер завода.

«Неужели он опять недоволен тем, что у него есть?» — промелькнуло у нее в голове, на его интонацию:

— На работе все в порядке?

Он пожал плечом и произнес, всматриваясь в зеркало собственных чувств:

— Либо расхлебываю случившееся, либо жду, что еще может случиться. Выборы в Госдуму я проиграл. Так получилось, понимаешь... Работа, план, спешка. Сплошная суета, ни минуты уединения, а вот одиночества... стало больше. Все-таки должно быть что-то главным. Ну да ладно. — Георгий досадливо отмахнулся. — «Не везет мне в смерти, повезет в любви!»

— А говорят, мысли материализуются...

— Я вижу, — он погладил Ванечку по голове, — твои мысли материализовались. Ты pomoжешь моим?

Ася впервые за их встречу улыбнулась.

— Ась, а этот малец удивительно похож на тебя! — Георгий с нежностью посмотрел на ребенка.

Он внезапно наклонился к портфелю, стоящему возле стула, и вынул оттуда большой конверт. Конверт был формата печатного листа, несовременного вида и горчичного цвета, с неразборчивой надписью вверх. Георгий положил на него пальцы и медленно двинул к Анне:

— Твой отец прислал семейные документы на наш старый адрес. Он не знает, что ты теперь живешь здесь?

— Знает, — Ася заметила, что конверт распечатан, — но, видимо, иногда забывает.

Между почерневших газетных страниц лежал кожаный треугольник. Некогда перебиравшие его руки затерли киноварную надпись до непонятных разводов так, что прочесть ее было невозможно. Неужели семья, владеющая этой реликвией, не знала, зачем хранился этот кусочек кожи?

— Почему я об этом не знала раньше, почему не видела этих документов? Почему мне никогда не показывали их? — на лице и шее Ася выступила красные пятна.

— Да что такого ты не видела раньше, ты объяснишь?

— Ты читал эти бумаги? — Ася испытующе посмотрела на Георгия.

— Я бегло просмотрел их, ты не обижайся. Я подумал, может быть, что-то случилось, поэтому не

удержался... Ты знаешь, такие документы он отправил обычным письмом, не заказным...

Обескураженная содержимым письма Ася пропустила его слова мимо ушей.

— Но зато у меня появился повод найти и увидеть тебя, — Георгий почувствовал, что конверт вызвал у Аси живой интерес и с удовольствием наблюдал за супругой. — И узнать, что у нас теперь...

«Это дуа — молитва, но какая? — мысленно искала ответ Ася. — Теперь уже неизвестно. Господи, как много мы храним каких-то вещей, которые порой вообще не имеют смысла! А это целое состояние! Причем свалившееся совершенно неожиданно».

— Ты понял, что это? — спросила она, осторожно прикасаясь к затертому кожаному треугольнику и мысленно размышляя: «Футляр от молитвы кто-то из моих родственников потерял... Или продал, когда надо было выжить от голода — дорогой был, наверное. А кожа целая... Но если ее не придавить, сворачивается в трубочку, словно прячет от недобрых глаз свою надпись!»

— Это какая-то очень старая вещь, — донесся до Аси голос Георгия.

— Ну да, старая, — Ася всматривалась в глаза Сабурова, удивляясь, как он не знает, что это такое.

— Похожа на какой-то оберег, — он вертел в руках почерневший лоскуток кожи треугольной формы.

— Ты даже не представляешь себе?

Георгий отрицательно помотал головой.

— Папочка, дай я посмотрю! — Ванечка вскарабкался Георгию на колени.

— Ваня, это очень дорогая вещь! — предупредила Ася.

— Я пальчиком, я только пальчиком, — настаивал ребенок.

Георгий в своих руках показал ему амулет.

— Это что? — спросил ребенок.

— Это дуа, — тихо заключила Ася. — Вернее, это была дуа, мусульманская дуа — амулет такой с молитвой внутри. — Она обратилась к Георгию. — У татар они были очень распространены.

— Я не слышал об этом, — ответил он.

— Ну, может быть, не у всех, а только у крымских. А это — только молитва. Видишь, — принялась объяснять Ася, — она написана киноварью, красными чернилами, на треугольной бумажке. Саму молитву прятали в кожаные сумочки, тоже треугольной формы, или аналогичные серебряные медальоны. А носили на груди или на спине. Вообще-то молитва никогда не вынималась из футляра. А здесь футляра нет. Наверное, он был настоящим произведением искусства, и это его сгубило. В голодное время продали или обменяли на кусок хлеба. Но это неважно. Главное, я знаю смысл этой находки.

— Ты можешь прочесть, что там написано? — спросил Георгий.

— Мама может прочесть, — уверенно произнес Ваня.

— Не могу. И думаю, что уже никто из современников не сможет прочесть эту молитву. В ней главное — тот настрой, с которым она была написана и приобретена у духовного лица.

— Откуда ты все это знаешь? — удивился Георгий.

— А... мы тут роман сочиняем с Юлей Жанкиной.

— Роман? Не поверил Георгий. — О чем?

— Это долго рассказывать. В общем, о крымских татарах.

— Н-да... Это все прекрасно, что вы пишете, а эта дуа, какое отношение она имеет к тебе? — поинтересовался Георгий. — Ты приняла ислам?

Ася пропустила мимо ушей его ироничный вопрос и сказала:

— Дуа — это точно невероятно! Я сама не могу в это поверить... Но мои далекие корни, оказывается, ведут к роду Гиреев.

Потом ее взгляд судорожно перебежал от строчки к строчке, разбирая желтый лист с царской гравюрой: «Хасан Гиреев, сотник 18-го драгунского Северского Короля Христиана IX Датского полка Русской императорской армии...».

— Но этого не может быть! — Георгий недоверчиво посмотрел на супругу. — Этого просто не может быть!

— Хасан Гиреев — это мой прадедушка.

Потом Ася взяла фотографию. Посмотрела и показала ее Георгию:

Он увидел красногвардейский отряд, шагающий по какой-то пристани. Им командует человек в черной куртке, брюках-галифе и черных сапогах. Он стоит спиной с поднятой вверх правой рукой.

— А это мой дедушка, Иван Иванович Гиреев, командир этого самого отряда — гордо прокомментировала Ася. — Он спиной к фотографу на фотографии. А пристань в Ярчаллы, не узнаешь, конечно? В каком там это было году?

Ася повернула фотографию другой стороной, где красовалась подпись: Командиру Ивану Гирееву от кинооператора Эдуарда Тиссэ: смотр красногвардейского отряда на пристани Набережных Челнов. 1918 год.

— Да это же просто музейные экспонаты! — удивился Георгий. — Детектив, какой-то — потомки Чингисхана служат в Красной Армии! Эх, их перепоясало и повело...

В конверте находились вырезки из старых газет, публиковавших некогда статьи о заслугах семьи Соколовых, и маленькая заметка о выставке художника И.И. Гиреева. Наконец, дошло дело до письма отца. Асины глаза пробежали по строчкам, она занервничала, заторопилась.

— Подожди, Георгий, поиграй, пожалуйста, с Ваней, мне надо наедине прочесть это письмо, — сказала Ася и вышла в соседнюю комнату.

Дрожащими руками она развернула свернутый вчетверо листок и прочла:

Здравствуй, дорогая моя Ася!

Передаю тебе материалы, которые привели в свое время меня на Ставрополье и которые являются по праву и твоими, так как ты — часть нашей большой и знаменитой семьи.

Моя мать, твоя бабушка, сумела сберечь только то немного, что могла увезти с собой в эвакуацию, и что поместилось на дне ее чемодана. А когда вернулась назад, в Ленинградскую область, обнаружила, что дома, в котором они когда-то жили, нет, и все вещи, принадлежавшие ее отцу и некоторые вещи ее деда, что удалось вывезти Бельцовым (сестре отца со своими детьми) из Терской области, исчезли навсегда.

В период репрессий моя мать из соображений безопасности скрывала свое происхождение. А потом, когда она передала мне этот конверт, я решил выяснить подробности своей родословной.

Прости меня, дочка, что не смог объяснить тебе при нашей встрече главную причину нашего с твоей матерью развода.

Конечно, моя гордыня, наследственная Гиреева черта, принесла немало житейских бед и мне, и всем, кого я любил. Я тогда был одержим идеей найти всех до седьмого колена. А твоей матери моя затея показалась несерьезной, и в этом случае

ее категоричность помешала разумно посмотреть на мою «экспедицию» в прошлое.

Живя в Пятигорске и находясь недалеко от того места, где проживала семья моего деда, мне удалось выяснить, что еще раньше мои предки жили в Крыму и имели там очень большой вес. Прадед имел духовный сан и большой надел земли. А прапрадед относился к роду известных в Крыму ханов — Гиреев. Может, тебе это не интересно и ты положишь в дальний угол мой конверт, но мне хотелось приоткрыть тебе некий код, его еще называют закваской, не всегда нам понятный и сложный, с которым связано понимание, что с нами происходит и почему.

Не бойся жить и любить, девочка!

А я спешу при жизни проститься с тобой. Пришло мое время. Я не знаю, попаду ли я в рай, но уверен, что моя родня там меня уже ждет.

Спасибо, что ты есть, моя Айше!

Ася посмотрела число на штемпеле — письмо в Ростов-на-Дону пришло позавчера. Обратный адрес на письме указан. До Пятигорска, если поторопиться часов пять езды на машине.

— Георгий, мне надо ехать в Пятигорск. Отец прощается, значит, он очень плох.

Георгий погладил рукой шею, разминая позвоночник, и сказал:

— Ехать надо сейчас?

— Время терять не хочется.

— Поехали, одевайся. Ребенка брать будем?

— Естественно, его же не оставишь одного. Я только думаю, может быть нам взять с собой мою подругу, Юлю Жанкину? Она сможет помочь, если что случится непредвиденное.

— Звони ей, скажи, что сейчас заедем. Она на подъем легкая?

— Не тяжелее твоей Alfa Romeo!

Всю дорожную картину Ванечка комментировал без устали. Обедали на ходу, откусывая душистый арбуз и для сытости заедая его белым хлебом. По приезде в Пятигорск большой и маленький мужчины расположились на отдых в гостинице, а мы с Асей пошли на поиски ее отца.

Виктора Александровича мы застали уже спящим, и об этом нам на лестничной площадке сообщила миловидная женщина лет пятидесяти, которая приглушенно, но дотошно расспросила, кто мы такие и почему так поздно появились.

— Я его дочь, Ася. Я очень торопилась повидаться с отцом. Поэтому мы отправились в путь, как только пришло письмо.

— А я ее подруга, — сдержанно представилась я.

Пока женщина раздумывала, что с нами делать, пускать или нет, моя журналистская натура не выдержала.

— Скажите, а кем вы приходитесь Виктору Александровичу? Это так, чтобы сориентироваться, — задала я лобовой вопрос.

— Женой, — коротко и ясно ответила она. — Это так, чтобы сразу было понятно.

Прикинув, что если она нас не пустит в дом, может возникнуть скандал среди ночи, а он очень некстати, она снисходительно произнесла:

— Проходите, но говорите шепотом. Ему надо отдыхать.

Она повернулась наполовину оголенным большим бюстом, сказала, что ее зовут Анжеликой Юрьевной, и вплыла в квартиру.

— Как парик, — я слегка толкнула локтем Асю, и, встретив ее непонимающий взгляд, повторила: — Волосы у нее, как парик.

Волосы у нее были чудесные. Не часто у женщин ее лет сохраняется такая прическа. Волосы — богатство: пепельного цвета, гладкие, тяжелые, длиной до плеч. По ее походке можно судить, что женщина всегда пользовалась успехом у мужчин и не нравилась женщинам.

Анжелика Юрьевна обернулась, и мы натянуто улыбнулись друг другу. Плотно затворив двери на кухню, она бархатным голосом неторопливо рассказала, как Виктор Александрович заболел гриппом, потом плевроитом, как мыкался в больнице. Сначала чувствовал себя не так уж и плохо, выписали, а потом началось опять. Он в больницу не хочет, сник

совсем. Говорит о смерти. Такая беда! Нотариуса вдруг позвал, завещание составил.

Несмотря на все усилия, слезы брызнули из ее широко посаженных глаз, и она затряслась в беззвучном плаче, продолжая сокрушаться о его здоровье:

— Приступы удушья не прекращались целый день, недавно затих... Он уходит от меня... большими шагами.

— А врачи что говорят, какой прогноз? — деловито спросила Ася, и я поняла, что она ревниво настроена бороться за его жизнь.

— Говорят, сердце плохо работает, возможно, нужна операция, надо смотреть.

— Вот мы и приехали не только смотреть, — Ася достала из кармана сотовый телефон и стала набирать какой-то номер.

— Куда ты звонишь? Подожди, — остановила я ее. — Вы тут пока поговорите с Анжеликой Юрьевой, а я вызову «Скорую».

Ангелика Юрьевна сразу замахала руками.

— Бесполезно! Он не поедет. Вы думаете, я не уговаривала, не объясняла?

— Тогда я ему все объясню, — Ася решительно вышла в коридор. — Ему же нужны капельницы, постоянный врачебный осмотр, обезболивающие препараты, а вы ему устроили карантин.

Город маленький, движение небольшое, и «Скорая», снарядив больного, забрала его уже через час.

«Отец целыми днями лежит, наверняка, у него есть время подумать обо всем», — думала Ася, оглядывая палату. Она посмотрела на него настороженно, стараясь угадать, что он думает о ней и обо всем, что случилось после его отъезда. Виктор Александрович как-то ушел в себя, лицо его словно оцепенело от ожидания, заслонившего все — и свою семью, и домашние хлопоты. Так, по крайней мере, Асе чудилось, хотя, может, это ложное впечатление.

— Папа, тебе только 65, а ты уже собрался в дорогу, — бодро сказала она, думая, как он за эти годы одряхлел.

— Витюша, Асинька права, — поддакнула Анжелика Юрьевна как наперсница из французской пьесы. — Не надо, Витюша, не оставляй меня. Ты такой замечательный! — она опять начала утирать слезы.

— Анжелика Юрьевна, да разве мы ему разрешим? — Ася ободряюще улыбнулась, сделав упор на притяжательном местоимении «мы».

Ася чувствовала, что вся здешняя обстановка — постель, анализы, осмотры — это было слишком для него, сковывало, унижало, а потому он предпочитал замкнуться и быть всего-навсего больным, для которого главное — его болячка, уклончивые слова и назначения врачей и даже выражения их лиц.

— Это все из-за его поисков случилось, — пожаловалась Анжелика Юрьевна. — Ты ведь, Витя, сначала загорелся, нашел какие-то доказательст-

ва знатного рода. А потом так растревожился, что стал сам не свой. Что с тобой, Витя? — она положила руку на грудь и тяжело задышала, собираясь заплакать.

«Вот именно, папа, что с тобой? — пыталась понять Ася, но ее почему-то раздражала эта даже не кустодиевская, а вульгарная грудь. — Ты стал более чем пожилой, и эту женщину перестал интересовать? Ты стал получать отказ и у тебя разрушились иллюзии вечной молодости?»

— А черт его знает! — попытался отмахнуться Виктор Александрович. — Задело, наверное, за живое, что не так жизнь сложилась при таких возможностях.

— Ты раскаиваешься в чем-то, папа? — тихо спросила Ася.

Ей хотелось дополнить, запомнить и сохранить образ сожалеющего отца, но сосредоточиться она не могла, ее отгораживала от этого разматывающаяся канитель воспоминаний. Ася не могла забыть, как они когда-то переехали из неустроя общежития во временную квартиру, как вечно не хватало денег, стояние в очередях за куском колбасы и куском масла, как ждали его с матерью полгода, а он...

Отец горько усмехнулся:

— «Не нужен мне берег турецкий...».

Потом его лицо посерьезнело, и он сказал:

— Спасибо, что ты приехала, дочка! Но не жди от меня раскаяния. — Отец решительным жестом

поправил одеяло и взглядом сбросил с себя насто-
роженную робость и бессилие больного. — Я посту-
пил так, как счел нужным и возможным тогда. По-
старайся понять.

— Мы с мамой не входили в твои расчеты, отец?
Поиск останков ушедших поколений показался тебе
более важным? — в ее голосе звучал укор.

Он не ерничал, а продолжил так же твердо.

— В этом поиске я нашел себя. Я понял, что хочу
иметь живую работу — и уехал на строительство
санаториев. Профессиональное достоинство нашло
меня здесь, воплощенное в образе добротных зда-
ний, нужных людям. Я понял, что не люблю женщи-
ну, с которой живу, и она не любит меня так, как
я представлял себе любовь. И я исчез из ее жизни,
отпустив от себя эту боль.

— Разве мама не справлялась с ролью жены? —
Ася ревниво глянула на его теперешнюю спутницу
жизни.

— Этого не объяснишь так скоро. Скажу слова-
ми Овидия: «Благое вижу, хвалю, но к другому вле-
кусь». Я понимал, что она хорошая женщина, но мы с
ней скоро можем стать врагами, потому что меня не
влекло к ней. А ты будешь постоянно стоять между
нами и склеивать то, что изначально было несоеди-
нимо, а потом и совсем разбилось. Твоя участь была
бы незавидной, и ты превратилась бы в ворчливую
старуху. Этот мой поиск привел меня к мудрости.
Я знаю и советую тебе: не надо сидеть у могильных
плит. Надо жить. А еще лучше — любить.

Он бережно взял за руку ту, которая роковым образом разбила когда-то Асину жизнь, и начал нежно гладить ее руку. Движения его ладоней были так осторожны, будто бы он держал в руках очень хрупкую вещь.

— Знаешь, Ася, — нежно произнес отец. — Анжелика Юрьевна работала сметчицей в нашем управлении. И была всегда так хороша, что половина управления была в нее влюблена, а другая половина ездила ради нее на работу.

«И папа тоже решил, что она красивая. Господи, ну, что он так к ней прилип? Мне, например, чтобы рассмотреть ее притягательность, нужно время. Ей уже не двадцать пять, рот и нос самые обыкновенные...».

Анжелика Юрьевна выглядела обессиленной. Она не выпускала руку, но не отвечала на его ласку. «Она позволяет ему себя любить, — поняла Ася. — Любила ли она его вообще когда-нибудь? Маловероятно, что им обоим это было дано. А он не ожидал, что его настигнет разочарование, и никакие исторические поиски здесь не причем!»

— Так что же тебе не живется сейчас, чего же ты торопишься под могильную плиту? — сварливо спросила Ася.

Он молчал, а его жена опять расплакалась.

— Что ты, Анжела, мы с тобой старые друзья, мы должны быть сильны, вот как! — он сжал кулак,

а потом другим голосом спросил у Аси. — Да кто тебе сказал, что тороплюсь? Проклинать не будешь, я еще поживу...

Асины глаза наполнились слезами.

— А документы мне зачем прислал?

— Не помешает... Там, в питерской квартире были две небольшие дедовские картины. Я привез их, когда продавал ее, если хочешь, можешь забрать себе.

— Вот вместе поедem и заберем, — Ася вытерла слезинку.

— Георгий — молодец! Мобильно так — приехал, поехал, отца твоего забрал, в хорошую клинику в Ростове устроил. Все проблемы ему по колено. Мужик что надо! И чего вы с ним ругались, не понятно? — Вершинин по-детски улыбался. — А ведь я тебе говорил, что вернется. И что ребенка признает. Говорил?

— Говорили, Алексей Иванович, — сдержанно ответила Ася, боясь взглянуть хорошие перемены в блудном супруге.

— А ты не верила. Людям надо верить, Ася. На всякий случай, — он усмехнулся, а потом серьезно продолжил: — У психологов есть такая шутка: «Любовь — это встреча двух неврозом». Знаешь, Ася, я думаю, что это не шутка, а истина. Отец-то как?

— С переменным успехом. Пока Анжелика Юрьевна при нем — живет, когда она уезжает в Пяти-

горск по каким-то своим надобностям — умирает.

— Его болезнь, очевидно, не биологической, а психологической природы. Страсти превышают возможности разума. Это не каждому дано. Талант любви может быть только у талантливой души. Конечно, не в смысле наделенности художественными или какими-то другими дарованиями, а в смысле отдачи этому чувству без остатка. В этом его и счастье, и кара. С одной стороны, он наделен талантом любить сильно и искренне, всепоглощающе, до смерти. А с другой, он не встречает подобного себе талантливого человека. Далеко не у всех хватает емкости для этого чувства — одни так воспитаны, других держит среда жизни, а третьи просто эгоисты.

«А ведь в этом болезненном качестве любви мы с отцом похожи! — мелькнула мысль в голове у Аси. — Возможно, это та самая способность, которую он и имел ввиду, когда писал о «закваске» рода Гиреев. Тот самый «код», что не дает жить вполне и вполсердца, а заставляет человека испытывать муки и беды!»

Открытие, которое она сейчас сделала, заставило ее удовлетворенно просиять: «Так я, значит, талантлива от природы, по дару своего рода! Я должна быть искушена в любви, а я еще ничего такого и не попробовала».

Ася зеркально увидела всю страстность своего облика, и трепет от собственной женской состоятельности впервые заговорил в ее душе. Вершинин едва уловил, но все же заметил перемену ее настроения.

— И вы, моя дорогая, успокоились, когда все в сборе?

— Да! — произнесла она с тем блеском в глазах, какой бывает только у утонченных женщин, а потом, не отпуская из глаз свои чары, добавила. — А мы с Юлей плутали в дебрях брутальности моих древних татар!»

— Ну, вот, Асинька. Роман я свой вчерне практически закончила. Надо придумать название, может, главы смонтировать как-то иначе, подчистить стилистически, и все!

— Не обижайся на меня, Юля, но, мне кажется, нехорошо, что он заканчивается так хмуро. Героиня, которая в конце жизни осознает, что пропустила из-за своей гордыни столько всего важного в жизни, умирает, смирившись, наконец, с нелегкой участью. Это, конечно, реалистично, но осадок остается тяжелый. Современные читатели не хотят, чтобы на них выбрасывали столько удручающей информации...

— Ася, я больше не могу слушать то, что ты говоришь...

— Юля, я все понимаю про читательские категории интеллектуалов и посредственностей, но...

— Ася! Остановись. С чего ты взяла, что главная героиня романа — Анна Михайловна Шагингиреева? Да, мне пришлось отступить от темы, так и не закончив до конца поиски связей родства Анны Михайловны.

— Но ты же перевернула такой слой истории?

— Перевернула. Кстати, с твоей помощью. Ее история не могла быть без подводной части или предыстории большого интересного прошлого. Но любое прошлое, как показали мои поиски, вовсе не гарантирует типичных повторений в будущем. Потомков Чингисхана много, только надо помнить о том, что среди его потомков так и не появился второй такой же, как он. Это большая редкость. Слава Богу! Значит, «хорошее происхождение» не говорит об улучшении «породы». В общем, получилось, что у Барач-Шагингиреевой свой роман, и своя история. Но открывая одну за другой детали, мне удалось найти не менее интересную жизненную вещь.

— Какую?

— Продолжение рода и улучшение человеческих качеств — это не только человеческое, но и божье дело, сверхчеловеческое. Об этих великих Господних планах человек узнает в экстремальных ситуациях, когда у него остается всего лишь два варианта выбора для спасения души. А может быть, и во времена

интересных исторических эпох, не скучных, когда ничего не происходит, а тогда, когда люди противостоят друг другу, голодают, стреляют, рвут друг другу глотки, то есть когда проявляется положительный или отрицательный отбор населения.

— Когда возникает дилемма «быть или не быть»? — уточнила Ася.

— Еще тоньше. Знаешь, специалисты по кораблекрушениям их выделяют как типы поведения людей — «корабельники» и «шлюпочники». «Корабельники» всегда остаются на тонущем корабле, а «шлюпочники» покидают его на шлюпках. И хотя шансы на спасение в обоих случаях равны нулю, выбор решения говорит о складе характера человека. Одни прячутся, бегут, а другие воюют с обстоятельствами до последнего. Видимо, эти предпочтения передаются идентичным генотипом...

— Надеюсь, прячутся или воюют не в буквальном смысле?

— Естественно, это или бегство от самих себя или война за самих себя.

— А кто же тогда главная героиня? — остолбенела Ася.

— Главной героиней романа... является любовь. Она движет сюжетом, и его повороты работают без пояснений. Она не придумана, а живет реально, отвергая мнимое превосходство титулованных и несановитых, мертвых над живыми и живых над мертвыми. Она похожа на блестящий новенький экспресс,

который несется рядом, и главное вовремя запрыгнуть на его площадку.

— Каким же будет окончание романа?

— Ладно, читай. Только не так горячо критично, как ты начала со мной спорить, — я протянула ей несколько распечатанных листков.

С субботы на воскресенье, после бессонных ночей в пятигорской больнице им спалось отлично. Успокоенность, что отец идет на поправку и будет жить своей прежней жизнью, привычная обстановка, своя кухня, своя постель.

Ребенок тоже крепко спал, намаявшись от дороги и смены обстановки.

Вспомнив, что теперь она Айше, Ася мечтательно потянулась, выгнув спину. Потом повернула лицо к Георгию:

— Сегодня будешь отсыпаться! Спи, хоть весь день.

Когда Георгий задремал, она села за стол и начала перебирать газетные статьи, фотографии, раскладывая их по степени родства в причудливую елочку. Потом бережно сложила бумажный реkvизит и достала из большого целлофанового пакета картины. Картины ее прадеда были одинакового небольшого формата. Она поставила их рядом и подумала: «Смотрю словно в окна чьей-то далекой прошлой жизни...».

Одна из картин имела название на обратной стороне — «Моя березовая роща». Осенний горный пейзаж. Лучи тонущего за горизонтом солнца пронизывают стволы берез, возвышавшихся среди подернутой серебром инея травы и золотистого берега горной речушки.

«Усадьба в Гатчине» — тот самый дом, который стал его последним пристанищем и который прадед писал по памяти. Дом важен и элегантен как старый франт.

«Природа и родной дом — это то, что становится самым близким и живет как завет, как РОД, — думала Ася. — Люди забывают условности жизни, ее трудности. Остается только то тепло, которое не отнимает у нас Бог. Не придуманное, не исчезающее, неизбывное. То, которое для всех. И зачем мы делим его на мое и твое, «наше — не наше», прошлое — настоящее? Оно всегда останется с нами.

Оказалось, что мир так велик и в то же самое время так тесен, что совсем рядом могут ходить близкие и дальние родственники, не заморачиваясь, насколько они друг другу близки.

Непостижимо! всего несколько десятков лет... Вроде бы я должна знать тех людей, которые жили в этом доме, и тех, которые гуляли в этой роще. Но я не знаю их. Совсем. По законам генетики, я должна нести в себе их подобие. Но я внешне уже не похожа на них. Их кровь многожды раз перелилась с другими. Я должна бы гордиться ушедшими раньше, теми, кто успешно шел к своему Олимпу. Наверное,

надо, но я чувствую, что моя жизнь другая, с другим смыслом.

Что же стоит за перебором нитей родства? Интерес к истории? Сентиментальный фарс? Ущемленная гордость? Боязнь, что не заметят благородства и стремление доказать его? А разве надо его доказывать? Оно разве не живет без доказательств?

Мой отец всегда искал себя и стал блуждающей звездой моей юности, тоже доказывая себе и всем свое благородство. А я просто любила его... Как люблю маму, Ваню, Георгия...».

Разбирая стертый узор на молитвенном треугольнике и перенося его на бумагу в надежде найти переводчика текста, Ася улыбалась и незаметно для себя произнесла вслух:

— Ваню, по разумениям моих предков, надо переименовать в Хасана...

Неожиданно она почувствовала на своих плечах руки Георгия, и в ее мысли включился его голос:

— Что ты хочешь сделать с пацаном? — не поверил он.

Ася обернулась, прикрыла рот ладонью, а потом засмеялась.

— Я не заметила, как ты подошел.

Он обнял ее за плечи и сказал:

— Я ревную, — он уставился на нее влюбленными глазами. — Я ревную тебя к этим музейным экспонатам, слышишь?

— Слышу, мой дорогой. Я скоро уберу их в отдельный ящик стола.

— Картины можно будет повесить на стене, причем рядом, — резонно заметил супруг. — Они написаны очень хорошо и украсят нашу гостиную.

— Картины повесим, экспонаты спрячем, а старые наказы уценим...

— Ты обиделась? Прости...

— Нет, я вовсе не обиделась. Просто пришло прозрение. Воздушные замки обрушиваются на головы их строителям, а трубадуры с годами стареют...

— Этому — слово «всегда». Малышка, надо просто быть наготове.

Ася встала и положила ладони Георгию на грудь.

— Понимаешь, я думала... я была неудачница.

Георгий изобразил бровный вопрос, а потом нежно поцеловал ее.

— Да, я так думала, — кивнула она, приятно отметив привкус страсти на губах. — А теперь у меня новая роль. И она кажется мне моей.

— Роль наследницы монголо-татар? — иронично спросил он.

— Наоборот! Роль энергичной, умной, разучившейся во всем уступать, но доброй и нежной женщины.

— Я бы пожелал тебе не очень вживаться в первую часть, — Георгий с любопытством посмотрел на супругу, — иначе моя роль будет называться «Уходящие шаги за сценой».

Слегка раздувая своим поцелуем волосы на его груди, Ася ответила:

— Я постараюсь... Но и ты будь добрее и нежнее.

*Франция. Тулуза.
Отель Pullman Toulouse Centre.
25 августа 2012 года.*

Георгий, Ася и Ваня сидят на светлых кожаных диванах в фойе, выполненном в стиле Modern. Хрустальные брызги с потолка привлекают внимание к грандиозной люстре в виде гигантской виноградной грозди.

Администратору отеля на вид сорок-сорок пять, он деловито точен в движениях и деликатен, чтобы не показать, насколько ему интересен разговор новых посетителей.

— Георгий, я забыла тебя спросить, — дама посмотрела на супруга. — Куда ты дел то кольцо с голубыми топазами, помнишь? — спросила жена.

— А-а-а... да, да, да, помню. — Без всякой интонации ответил господин, пролистывая страницы детской книжки вместе с ребенком лет четырех. — Я выбросил его в Дон.

— В Дон? — спокойно переспросила дама.

— Разве оно было тебе нужно? — также обыденно переспросил он.

— Ну, что ж, — абсолютно не расстроилась дама.

Глаза администратора быстро замигали и начали живо поглядывать в сторону русского «миллионера с некоторым приветом».

— Георгий, скажи, а где ты жил, когда ушел?

— О, где я только не был — на Мальте, В Гвинее Бисау, в Австралии, в Шотландии, потом в Мексике, Голландии, в Индии...

Администратор отвлекся и не услышал, как гость вспоминал, что спал все это время наподобие святомученика на деревянном диване в служебном кабинете и клал себе кирпич под голову, чтобы только не жить в опустевшей квартире в Северном жилом массиве. Он наведывался туда, но только чтобы посмотреть, все ли в порядке. До администратора долетели только последние слова:

— Да сколько я там не был? Каких-то полгода, ну, может, месяцев девять?

Любопытство администратора взяло верх, и тут оказалось, что он с большим акцентом, но говорит по-русски.

— Мсье Сабуров и мадам! Ви прибывали к нам с Кавказа?

— Нет, мы приехали из Ростова-на-Дону, — четко проговорил Георгий.

— Да, да, Ростов-на-Дону — это совсем близко Кавказ!

— Ну, если смотреть по глобусу, — съязвил Георгий, — то практически в одном месте.

— О, я знаю глѣбус и у меня эсть карта России. Я, как это, — он щелкнул пальцами, — квартэронэ.

Мой старый дед — русский граф и бабка — княжна. Дед воевал Кавказ.

— У нас кто только не воевал Кавказ, — Георгий понимающее закивал. — Это долгий процесс.

— Да, да, но воевать по-разному. Граф Мезенский получал большую награду за Кавказ.

— Мезенский? — насторожилась Ася. — Ваш дед Виктор Петрович Мезенский?

— Ася, помилуй, ты и графьев Мезенских всех поименно знаешь? — Георгий удивленно поднял бровь. — Сейчас еще выяснится, что ты у нас эрц-герцогиня.

— Мама, у тебя здесь родственники? — эхом подхватил удивленное настроение родителей Ванечка.

— Мадам, вы наша родственник? — светло улыбнулся метрдотель.

— Мой прадед воевал на Кавказской войне с графом Мезенским, они были друзьями, даже почти родственниками. А после, перед революцией наша семья жила в его усадьбе под Петербургом.

Администратор отеля сокрушенно наклонил голову и подумал, как русская революция похожа на наполеоновские реформы! Вот так из низших сословий люди выросли до больших миллионеров. И наоборот, царизм и деспотия никогда не преследовали его предка, а тот вынужден был уехать во Францию, чтобы потом его потомки и думать не думали о почестях и славе. Но западная часть его крови вовремя

заставила заглохнуть физиогномический комментарий, и он улыбнулся краями губ.

— Позвольте, мадам, фамилию вашего старого дедушки?

— Гиреев, Хасан Гиреев.

Администратор вежливо поклонился и опять улыбнулся.

— О, мадам! Я знаю это имя. Я храню все, что пришло после старого дедушки. У меня есть письма Хасана Гиреева, несколько штук. Их публиковал в газетах, когда шла последняя война. — Он сузил свои глаза, а потом приторно вежливо добавил. — Я дам вам их прочесть.

— Нет, милейший мой, — сразу рассеял навешенную туманность Георгий, — это не дело, если вы начнете с моей женой, сидя в одном кресле, читать какие-то там письма столетней давности, о которых уже никто не помнит. Я тоже хотел бы их прочесть и почувствовать мистическую связь с соотечественниками во всем мире! — он резко повернулся к Асе. — Тебе, дорогая, должна быть известна мысль Фрейда, что вся европейская аристократия, включая российскую, происходит от двух-трех семей.

— Нет, нет, нет, — растворился в вежливости администратор, — ви не так меня понимали.

— Георгий! Подожди немножко, — вступилась за него Ася. — Не надо так заводить, тем более что род Гиреевых ни к европейской, ни к российской аристократии в том смысле, в каком имел ввиду Фрейд, не относится.

Георгий был другого мнения.

— У меня есть тысяча долларов, — он поднял указательный палец вверх. — Я могу у вас купить эти письма, если хотите.

— Купить? — не поверил администратор. — Но это реликт фамилии!

Георгий кивнул и вновь молча поднял указательный палец вверх, словно переходя на язык семафора.

Мозги в голове администратора переключились на калькулятор. «Письма, хоть и старые, но от неизвестного человека, да еще и низкого происхождения, которому граф Мезенский позволил (!) жить в своем доме. Слуга, наверное. Да еще эти три несчастных письма, которые уже были опубликованы в газетах, и за это я получал небольшой гонорар. Есть же и другие письма от влиятельных людей... А газеты? Они тоже сохранились. И зачем мне, собственно, газеты с публикациями этих писем от черт знает кого? Старья полный ящик, а тут такой случай!..» Ради прибавочной стоимости он готов на частичный убыток семейной реликвии. Но торговля вещь тонкая, и администратор деликатно уточнил.

— Допустим, мсье Сабуров. Но у меня останутся газеты, не подтвержденные этими письмами, три газеты...

— За газеты еще пятьсот баксов, идет?

Администратор с помощью пальцев правой руки пытался понять, что значит «пятьсот баксов», когда

Георгий достал из кармана портмоне и показал, как реально выглядит его предложение.

Сошлись, не торгуясь.

Поздним вечером того же дня, разбирая письма Хасана Гиреева на широкой кровати гостиничного номера, Ася с чувством произнесла:

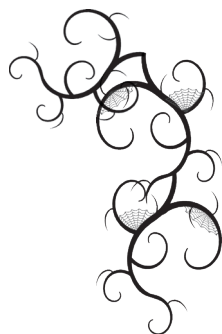
— Георгий, какой же ты у меня хороший!

— Да ладно, — поскромничал он. — А ты тщеславная, и мне себя жаль. — Он открыл глаза, порывисто повернулся к ней, обнял и прошептал:

— На самом деле, мне не хочется в этот час обживаться в твоём прошлом.

Неужели нам с тобой нечего беречь, кроме того, что давно потеряно?

Оглавление

Глава 1. «Неожиданное знакомство»	5
Глава 2. «Шагин-Гирей»	37
Глава 3. «Поиски правды»	65
Глава 4. «Хасан — сын Шагин-Гирея»	93
Глава 5. «Кавказская история»	117
Глава 6. «Лики любви»	139
Глава 7. «Крестный ход»	165
Глава 8. «Непростой характер»	193
Глава 9. «Непарламентские страсти»	223
Глава 10. «Асина родня»	259
Глава 11. «Ты это я»	285

Марина Сычева

Паутина родства

Роман

Редактор Н. Лучинкина

Верстка М. Курузьян

Художник Т. Грунтенко

Подписано в печать 15.01.2013.

Формат 70×100 $\frac{1}{32}$.

Тираж 500 экз. Заказ №

«Издательство БАРО-ПРЕСС»

344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Обороны, 18

8(863) 269-53-21

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ЗАОр «НПП «Джангар»

358000, Республика Калмыкия,

г. Элиста, ул. Ленина, 245